Очень трогательная, полная юмора история о дружбе и семье.
Library Journal

В книгах Тайлер всегда есть путеводный свет, который не дает потеряться.
Лиза Биргер

УДОЧЕРЯЯ АМЕРИКУ

ЭНН ТАЙЛЕР

Лауреат Пулитцеровской премии

Удочеряя Америку
Энн Тайлер

Аннотация
Энн Тайлер. Удочеряя Америку
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Аннотация

«Удочеряя Америку» – пожалуй, один из самых теплых романов Энн Тайлер. Это история о том, что значит быть американцем. Две семьи, которые в обычной жизни никогда бы не встретились, сталкиваются в аэропорту – коренные американцы Дональдсоны и супруги Яздан, иранского происхождения. Обе пары ждут прибытия из Кореи девочек-младенцев, которых они удочерили. Дети прибывают, и первую годовщину взрослые решают отметить вместе. С этого дня семьи встречаются, сближаются, и постепенно их судьбы сплетаются. Роман полон света, нежности, удивительных наблюдений за жизнью. История, рассказанная с двух точек зрения – людей, родившихся и выросших в стране, и людей, приехавших в нее и пытающихся стать здесь своими.

Энн Тайлер
Удочеряя Америку

DIGGING TO AMERICA by ANNE TYLER
Copyright © 2006 by Anne Tyler

Эта книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency and The Van Lear Agency

© 2006 by Anne Tyler,
© Любовь Сумм, перевод, 2018

* * *

1

В восемь часов вечера балтиморский аэропорт был почти пуст. Широкие серые коридоры обезлюдели, газетные киоски темны, кафешки закрыты. Большинство зон ожидания закончили работу, табло над ними погасли, пустые и призрачные тянулись ряды кресел в накопителях.

Но с дальнего конца зала доносился бормочущий рокот ожидания. Посреди коридора кружилась перевозбудившаяся девочка, вот кто-то из взрослых подхватил ее и унес, хихикающую, отбивающуюся, обратно в зал ожидания. Припозднившаяся женщина в строгом платье почти бежала к зоне прилетов с охапкой роз на длинных стеблях.

Завернув за угол, вы бы наткнулись на сцену, напоминающую званый прием в честь будущего малыша. Весь зал ожидания у выхода, куда прибывал рейс из Сан-Франциско, заполняли люди с розовыми и голубыми свертками — должно быть, подарки, — над головами плыли флотилии серебристых воздушных шаров с надписью «У НАС ДЕВОЧКА!», ниспадали спирали розовых

ленточек. Мужчина сжимал ручку коляски-колыбели с нежными оборочками, словно ждал, когда можно будет закатить ее в самолет, неподалеку стояла женщина с прогулочной коляской наготове — сплошь хромированные детали, рукояти сверкают так, что хоть сейчас на автогонки. По меньшей мере полдюжины зрителей были вооружены видеокамерами, у прочих на шее висели фотоаппараты. Одна женщина таинственно и с напором говорила что-то в диктофон. Рядом с ней мужчина прижимал к груди бархатистое детское автомобильное сиденье.

МАМА — гласил значок на плече этой женщины, такие ламинированные значки видишь повсюду в год выборов. Мужчина был ПАПА. Симпатичная парочка, не такая уж молодая; жена в широких черных штанах и «богемной» черно-белой блузе с геометрическим узором, в коротких ее волосах проглядывала седина; муж — крупный, жизнерадостный, лучащийся улыбкой, светлые волосы колючим ежиком, из просторных бриджей застенчиво выглядывают голые колени. Тут присутствовали не только МАМА и ПАПА, имелись и БАБУШКА с ДЕДУШКОЙ, две пары, полный комплект. Одна бабушка — уютная, растрепанная женщина в хлопковом летнем платье, в бейс-

болке с платочным узором, другая — стройная, с золотистыми волосами и искусным макияжем, в брючном костюме небеленого льна, лодочки в масть. Дедушки тоже были подобраны в масть: муж растрепанной такой же растрепа, седую курчавую стружку давно пора постричь, а у золотистой и муж в льняных брюках, в «тропической» рубашке, ярко-желтые волосы хотя бы частично наверняка были его собственные.

Тут же дожидались другие люди, не входившие в эту праздничную группу. Женщина в бигуди, с усталыми глазами; женщина постарше с молодой — возможно, дочерью; отец с двумя детишками, оба уже в пижамах. Эти чужаки стояли с краю, тихие, словно померкшие, время от времени бросая взгляды на МАМУ и ПАПУ. Самолет задерживался. Ожидавшие нервничали. Кто-то из детей с упреком заметил, что на табло по-прежнему светится ПО РАСПИСАНИЮ — это же вранье! Несколько подростков убрели в неосвещенную зону по ту сторону коридора. Маленькая девочка с косичками уснула в пластмассовом кресле. Судя по значку на зеленой клетчатой блузке, КУЗИНА.

И вдруг что-то переменилось. Объявления не было, громкоговорители уже какое-то время глухо молчали, но разговоры постепенно затихли,

все сгрудились у выхода, вытягивая шеи, привставая на цыпочки. Женщина в форме протиснулась сквозь толпу и распахнула дверь. Подоспел носильщик. Вернулись подростки. МАМУ и ПАПУ до той минуты находившихся в самом центре группы, ласково подталкивали вперед, перед ними как по волшебству освобождался проход, чтобы они могли пройти к самой двери.

Первым вышел очень высокий парень, с растерянным видом, какой бывает у человека после долгого перелета. Заприметил мать с дочерью, направился к ним, наклонился, чтобы поцеловать девушку — только в щеку, слишком уж пристально она смотрела мимо него. Она торопливо чмокнула его в ответ и снова уставилась на прибывающих.

Два бизнесмена с кейсами целеустремленно проследовали к терминалу. Подросток с огромным рюкзаком — точно муравей, ухвативший хлебную крошку не по росту. Еще один бизнесмен. Еще один подросток, этого востребовала женщина в бигуди. Малыши в пижамах вцепились в улыбчивую, пухлощекую женщину, рыженькую.

Пауза. Словно для большей сосредоточенности.

Восточного облика женщина в отутюженном

костюме вышла в зал ожидания с младенцем на руках. Девочка пяти или шести месяцев от роду уже довольно уверенно сидела на руках. Пухлое личико, на удивление густые черные волосы шапочкой прикрывали лоб и верхушки ушей. Розовый комбинезон. «Ах!» — выдохнули все, даже посторонние, даже немолодая мать при взрослой дочери (только жених дочери все так же глядел растерянно). Будущая мать вытянула руки навстречу девочке, диктофон повис на обматывавшем ее шею шнурке. Но женщина с младенцем на руках остановилась — неприступно, официально, — выпрямилась и выкликнула:

— Дональдсоны!

— Дональдсоны! Это мы! — отозвался будущий отец. Голос его дрогнул. Он избавился от автокресла, не глядя сунув его кому-то, но держался позади жены, только руку положил ей на спину, словно искал у нее поддержки.

— Поздравляю вас, — сказала восточная женщина. — Вот Джин-Хо.

Она передала младенца в простертые руки матери, затем сняла с плеча розовую сумку с подгузниками и вручила ее отцу. Мать зарылась лицом в нежную шейку. Малышка, все такая же пряменькая, вытягивалась и таращилась на

толпу.

— Ах! — твердили вокруг. — Красотка! Куколка настоящая!

Вспышки фотоаппаратов, настойчивое жужжание камер, все сгрудились плотною толпой. У отца глаза на мокром месте, у многих глаза тоже влажные, со всех сторон захлюпали. И тут мать подняла наконец лицо, щеки были мокрые от слез, и сказала отцу:

— Теперь ты ее подержи.

— Ох, я боюсь, а вдруг я… ты сама, дорогая. А я посмотрю.

Восточная женщина энергично перебирала стопку бумаг. Пассажиры продолжали выходить, обтекая ее и маленькую семью, окруженную друзьями и доброжелателями, чуть не спотыкаясь о многочисленные детские причиндалы. К счастью, самолет прибыл полупустым. Пассажиры выходили словно толчками: мужчина с тростью, пауза, парочка пенсионеров, пауза… Потом еще одна восточного облика женщина, помоложе первой и попроще, тревожно и будто виновато оглядывавшаяся по сторонам. Она тащила переноску для младенца, в форме корзины, и легко было догадаться, что ребенок весит совсем мало. Тоже девочка, судя по розовой футболке, но мель-

че первой, желтушная, сморщенная, тоненькие пряди черных волос упали на лоб. Она, как и доставившая ее молодая женщина, с тревожным интересом оглядывала толпу, настороженный взгляд черных глаз быстро метался от одного лица к другому. Молодая азиатка произнесла что-то вроде: «Яз-дун?»

— Яздан, — откликнулась с дальнего края зала женщина. Так, точно исправляла неверное произношение. Толпа вновь расступилась, люди не очень понимали, в какую сторону податься, но старались помочь, и три человека, на которых до сих пор никто не обращал внимания, вышли вперед, гуськом друг за другом: довольно молодая, иностранного вида парочка — оливковая кожа, красивые лица, а замыкающей — стройная женщина постарше, блестящие черные волосы уложены узлом на затылке.

Должно быть, это она откликнулась на призыв, и теперь повторила тем же ясным и отчетливым тоном:

— Это наш ребенок. Яздан. — Слабый след акцента в смазанном «р».

Молодая женщина обернулась к ним, неуклюже приподняла переноску.

— Поздравляю. Это Соуки, — сказала она так ти-

хо, словно ей не хватало воздуха, даже стоявшие рядом начали переспрашивать друг друга: «Что? Как она сказала?» — «Соуки, мне кажется». — «Соуки! Очень мило!»

Долго возились с постромками, удерживавшими девочку в переноске. Это пришлось сделать новоиспеченным родителям, поскольку у сопровождающей были заняты руки. Родители суетились, им не хватало опыта. Мать негромко смеялась, запрокидывала голову, отбрасывая на плечи водопад крашенных хной волос, отец прикусил губу, досадовал на себя. Его маленькие, очень чистенькие очки поблескивали, когда он, изгибаясь то так, то эдак, воевал с пластмассовым зажимом. Бабушка — вероятно, это была бабушка — сочувственно цокала языком.

Наконец малышку высвободили. Какая же она была крошечная! Отец извлек девочку, неуклюже, руки чересчур напряжены, и передал матери, та подхватила ее, покачала, прижалась щекой к перышкам черных волос. Малышка изогнула брови, но не отстранилась. Зрители снова зашмыгали носами, отец снял очки и протер линзы, но мать и бабушка с сухими глазами знай себе улыбались да ворковали. На окружающих они не обращали никакого внимания. Кто-то спросил:

«Ваша тоже из Кореи?» Женщины не ответили, и только отец пробормотал: «А? Да-да, оттуда».

— Слышите, Битси, Брэд? Еще одна корейская малышка!

Мама из первой семьи оглянулась — она уступила обеим бабушкам место для тщательного осмотра — и сказала:

— В самом деле?

Муж эхом:

— В самом деле! — Шагнул ближе ко второй паре родителей, протянул руку: — Брэд Дональдсон. А это моя жена Битси.

— Рад знакомству, — сказал второй отец. — Яздан. Сами Яздан. — Он пожал Брэду руку, но незаинтересованность его была почти комической: он не мог оторвать глаз от дочери. — Э… моя жена Зиба, — добавил он мгновением позже. — Моя мать Мариам.

Он говорил с обычным балтиморским акцентом и только имена женщин произнес так, как никогда бы не сумел американец: Зии-бА, Марь-Ям. Его жена и головы не повернула. Она держала на руках младенца, бормоча что-то вроде «сю-сю-сю». Брэд Дональдсон приветливо помахал ей рукой и вернулся к своему семейству.

Прежде чем официальная передача детей за-

вершилась — обе азиатки выполняли процедуру медленно и педантично, — приверженцы Дональдсонов начали рассеиваться. Очевидно, они планировали еще какое-то мероприятие, окликали друг друга — «увидимся дома», — продвигаясь в сторону терминала. Наконец освободились и родители. Битси шагала впереди, женщина везла за ней коляску, словно фрейлина за королевой (разумеется, никакая сила не заставила бы мать выпустить из рук драгоценного младенца). Брэд вразвалку шагал следом, потом еще несколько задержавшихся спутников, а в самом хвосте — Язданы. Один из дедушек Дональдсонов, тот, что растрепанный, приостановился и обратился с вопросом к Язданам:

— А вы долго ждали вашу малышку? Большая куча бумаг, собеседований…

— Да, — кивнул Сами, — очень долго ждали. — Он оглянулся на жену. — Порой казалось, это никогда не сбудется, — признался он.

Дед прищелкнул языком:

— Мне ли не знать! Господи, через что Битси с Брэдом прошли.

Они миновали одинокого охранника, сидевшего на стуле, и спустились на эскалаторе — все, за исключением мужчины с коляской-корзиной.

Ему пришлось ехать на лифте. Но женщина с прогулочной коляской не устрашилась — ловко приподняла перед коляски и без колебаний ступила на движущуюся ленту.

— Послушайте! — окликнул Брэд Язданов уже с нижнего уровня. — Не хотите поехать с нами? К нам домой, отпраздновать.

Но Сами так сосредоточенно помогал жене шагнуть на эскалатор, что не ответил, и Брэд вновь махнул рукой в присущей ему дружественной, без настойчивости, манере.

— Ну, в другой раз, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. И поспешил вслед за остальными.

Двери раздвинулись, Дональдсоны хлынули наружу. Парами, по трое, по четверо они устремились на парковку, а вскоре вышли и Язданы, остановились на тротуаре и застыли неподвижно, как будто привыкая к жаркой и влажной, слабо подсвеченной, пропахшей бензином ночи.

15 августа 1997 года. День Прибытия.

2

Порой, поглядывая на свою маленькую новенькую внучку, Мариам Яздан чувствовала слабое, легчайшее головокружение, словно попадала в альтернативную вселенную. Все в этом ребенке было немыслимо совершенным. Идеально чистая кожа цвета слоновой кости, волосы настолько тонкие, что Мариам почти не ощущала их под своими пальцами. Глаза — арбузные семечки, очень черные, точно и аккуратно прорезанные на маленьком серьезном личике. Весила она так мало, что Мариам порой нечаянно поднимала ее слишком высоко. А ручки! Крошечные ручки с подогнутыми пальчиками. Морщинки на суставах цвета халвы (так удивительно, у малышки уже есть морщинки), ноготки размером с зернышко.

Ее назвали Сьюзен. Выбрали имя, похожее на то, с каким она прибыла, Соуки, но удобное в произношении и для иранцев.

— Сьюзен! — распевала Мариам, входя к малышке после дневного сна. — Сью-Сью-Сью!

Сьюзен выглядывала из-за прутьев манежа, она сидела идеально ровно, обхватив каждую

коленку ладонью, сосредоточенная, полностью контролирующая себя.

Мариам присматривала за малышкой по вторникам и четвергам — в эти дни невестка работала, а Мариам нет. Она приезжала к детям примерно в полдевятого, чуть задерживалась, если попадала в пробку. (Сами и Зиба жили в Хант-Велли, более получаса езды от города в час пик.) К ее приходу Сьюзен уже сидела в высоком стульчике, завтракала. Она радостно вспыхивала и издавала приветственные звуки, стоило Мариам войти в кухню. «Ах!» — чаще всего произносила она, совсем не похоже на «Мари-джан», как ее приучали называть бабушку, и улыбалась — чудесная застенчивая улыбка, губы сжаты — и подставляла щеку для поцелуя.

Нет, конечно, это началось не в первые недели. Первые недели были сплошным кошмаром, родители из кожи лезли вон, вопили: «Сюзи-джан!» — трясли перед носом у девочки игрушками, только что не танцевали с ней на руках. А она таращилась на них или хуже того — таращилась в пространство, извивалась, пытаясь высвободиться, упорно впиралась взглядом в какую-то неподвижную точку. Из бутылочки она отказывалась выпить больше одного-двух глот-

ков, а когда просыпалась ночью — по нескольку раз каждую ночь, — принималась рыдать, и все старания родителей ее утешить только усиливали этот безнадежный плач. Мариам говорила им, что это естественно. По правде сказать, ничего она такого не знала, но им говорила: «Девочка из детского дома! Чего же вы ждали? Она не получала там внимания».

— Джин-Хо тоже из детского дома. А ведет себя совсем иначе, — возражала Зиба.

Они знали все подробности о Джин-Хо: ее мать позвонила им через две недели после Прибытия.

— Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за то, что я вас разыскала, — сказала она. — Вы единственная семья по фамилии Яздан во всем справочнике, и я не устояла перед желанием позвонить и узнать, как дела.

Джин-Хо, судя по ее словам, адаптировалась — лучше и желать нельзя. Спит всю ночь напролет, громко смеется, когда с ней играют в «Вот как, вот как леди скачет», а заслышав, что микроволновка включилась, перестает требовать бутылочку и ждет. А ведь она младше Сьюзен! Ей всего пять месяцев, а Сьюзен семь, хотя она и помельче. Должно быть, Язданы что-то делают неправильно?

— Нет-нет, — уверяла Мариам. Слегка подправляя сюжет, она говорила: — Это хорошо, что Сьюзен грустит. Значит, на родине о ней хорошо заботились и теперь она скучает. Вы же не хотели бы, чтобы малышка оказалась бессердечной, беспамятной? А так мы знаем, что у нее добрая душа.

Она сама хотела бы в это верить.

И так оно и оказалось, благодарение небесам. Однажды утром Зиба вошла в детскую — и Сьюзен приветствовала ее улыбкой. Зиба так разволновалась, что кинулась звонить Мариам, хотя был вторник и Мариам должна была вот-вот подъехать; Зиба позвонила и своей матери в Вашингтон, а потом женам братьев в Лос-Анджелес. Как будто в голове Сьюзен щелкнул выключатель — она улыбнулась и Мариам, когда та вошла, и улыбка ее сразу была очаровательным пухлым полумесяцем. Видишь эту улыбку и чувствуешь, будто у тебя с девчушкой есть радостная тайна на двоих. Прошла еще неделя, и она смеялась ужимкам отца, беспробудно спала до утра и полюбила печенье «Чириос», упорно собирала крошки изящными пальчиками-пинцетами.

— Я же говорила! — твердила Мариам.

Да, она была оптимисткой. Или нет, пожалуй,

все же пессимисткой. Но жизнь помотала ее по ухабам, и Мариам смотрела в лицо потенциальным катастрофам более философски, чем большинство людей. Ей пришлось расстаться с родителями, когда ей не было и двадцати, она овдовела, не дожив до сорока, вырастила сына одна, в стране, где так и осталась чужой. Но в глубине души она считала себя счастливой. Была уверена: если что-то пойдет вкривь и вкось, а такое, разумеется, случалось, она справится.

Теперь она угадывала то же самое свойство в Сьюзен. Можете считать это женскими выдумками, если угодно, только она ощутила глубокую связь с малышкой в ту самую минуту, как впервые увидела ее в аэропорту. Порой ей чудилось и внешнее сходство с девочкой, но тут уж Мариам сама себя высмеивала, и все-таки что-то в глазах, в манере смотреть на все вокруг — взгляд *наблюдателя* — их роднило. Они обе не вполне свои в этом мире.

Вот ее сын принадлежит здешнему миру целиком и полностью. У него и акцента нет, он с четырех лет отказался говорить на фарси, хотя на слух язык понимает. У невестки акцент остался, и довольно заметный: Зиба перебралась в Америку со всей семьей, когда уже заканчивала школу, но

она стремительно, с восторгом натурализовалась, бесконечно слушала радио «98-Рок», болталась в торговом центре, запихивала щуплую, костистую, вовсе не американскую фигурку в синие джинсы и мешковатые футболки с надписями. Теперь уж она выглядит как урожденная американка. Почти.

Зиба отправлялась по делам когда желала: она занималась оформлением интерьеров и сама назначала клиентам время. Частенько она при Мариам еще битый час слонялась по дому. Уже одетая по-рабочему (правда, со стороны не поймешь, все те же джинсы, разве что дополненные блейзером и туфлями на каблуках) — и никак не могла оторваться от Сьюзен.

— Что скажете? — теребила она Мариам. — У нее зубик новый лезет — или я ошибаюсь? Тонкая белая полосочка на деснах — видите?

Или уже возьмет ноутбук, снимет мобильный с зарядки, и вдруг:

— О! Мариам! Чуть не забыла! Посмотрите, как она играет в пикабу!

Мариам внутри так и кипит, скорее бы заполучить свое дитя. «Иди уж! Иди!» — мысленно торопит невестку. Но улыбается и молчит. Наконец Зиба уходила по делам, и Мариам подхватывала

Сьюзен на руки, неслась в игровую комнату. «Моя, вся моя!» — ворковала она, и девочка хихикала, словно понимала. Оставаясь с ребенком наедине, Мариам чувствовала себя увереннее. Детоводство так сильно изменилось с тех пор, когда она растила сына, — бесконечные списки запрещенных лакомств, тальк и детское масло изгнаны, а с ними подушки и мягкие прокладки на стенках колыбели, — в присутствии Зибы Мариам подчас ощущала себя некомпетентной. При Зибе она ходила на цыпочках — как ее собственная мать, понимала она теперь, когда та приехала к ней в Америку. Мать привезла медаль-талисман, хотела повесить на шею Сами золотую монетку с именем Аллаха, размером с десятицентовик, — двухлетка проглотил бы ее в мгновение ока, если бы Мариам не уговорила спрятать оберег, пока мальчик не подрастет. А еще мать закармливала ребенка липкими сладостями на розовой воде; они портили зубы, и Сами давился, когда они застревали в горле, так что Мариам решительно закрыла коробку и унесла ее в кладовую.

Под конец визита мать целыми днями просиживала перед телевизором, хотя едва ли понимала хоть слово. Теперь Мариам со стыдом вспоминала стоическую позу матери, руки,

неподвижно сложенные на коленях, взгляд, приклеившийся к рекламе сигарет «Кент». Она поспешила отмахнуться от этого образа. Сказала: «Зайчик-попрыгайчик, Сюзи-джан! Посмотри!» — и протянула девочке маленькую, плотно набитую зверюшку, та еще и позванивала, если встряхнуть.

И Сьюзен в синих джинсах. (Подумать только, шьют джинсы даже на таких крошек.) Сверху футболка с длинными рукавами в красно-белую полоску, сгодилась бы и для мальчика. Красные носки с не-скользящей подошвой. Носки — нововведение, до холодов Сьюзен разрешалось ходить босиком, и носки ей не понравились. Она стаскивала их с ног, квакала торжествующе, и Мариам, усадив ее себе на колени, снова натягивала носки. «Озорница!» — бранила она малышку, и та смеялась. Стоило спустить ее на ковер, она тут же занималась любимой своей игрушкой, ксилофоном, энергично стучала по нему всем, что попадало под руку. Она еще не ползала — действительно отставала в физическом развитии, предыдущая приемная семья тому причиной, как полагала Мариам, — но уже присматривалась к такой возможности.

Будь на то ее воля, Мариам наряжала бы ма-

лютку иначе. Подобрала бы девчачьи одежки, белые колготки, свитер-трапецию, блузки с кружевом. Это же одно из главных удовольствий от девочки (о, как она мечтала родить второго ребенка после Сами — девочку). Сама она одевалась с величайшим тщанием, даже чтобы провести день с малышкой. Да, она тоже носит брюки, но изящные, шитые на заказ, свитер переливающихся оттенков, хорошую обувь. Она регулярно закрашивает седину, хотя предпочитает, чтобы этого никто не знал, и закрепляет шиньон гребнями из черепахового панциря или шарфом с ярким узором. Как ты выглядишь — не все равно. Мариам была в этом убеждена и не собиралась менять свое мнение. Пусть американцы рассекают повсюду в тренировочных костюмах. Она-то не американка.

— Не американка? Загляни в свой паспорт! — не раз советовал ей Сами.

Она отвечала:

— Ты знаешь, о чем я.

Она остается тут гостьей, вот что она имела в виду. Навеки гостья, а потому старалась вести себя как можно лучше. Может быть, живя в Иране, она бы позволила себе небрежность. Нет, она бы, конечно, распускаться не стала, к чему такие

крайности, но дома могла бы ходить в халате, как мама и тетушки. Или нет? Она даже вообразить не могла, как обернулась бы ее жизнь, если бы она не уехала в Балтимор.

Сьюзен начала отказываться от утреннего сна. Уложишь ее — может быть, заснет, а может, и нет, и Мариам, ожидая, как выйдет на этот раз, читала газету, листала журнал, делала что-то, не требующее сосредоточенности. Если и через полчаса девочка подавала голос, Мариам вынимала ее из кроватки. Они снова проходили через обряд приветствия: Сьюзен: «Ах», Мариам: «Сью-Сью-Сью». Потом Мариам меняла Сьюзен подгузник и вывозила на прогулку.

Тротуаров здесь не было. Как это? — поражалась Мариам. Выстроили целый квартал, длинные изогнутые улицы с огромными новыми, с пылу с жару, домами, у домов сводчатые окна в два этажа, входная дверь удвоенной ширины, гараж на три машины — и никому не пришло в голову, что тут люди будут гулять? И деревьев нет, если не считать понатыканные в каждом дворике жалкие веточки (дворики *миниатюрные,* почти всю землю заняли дома). Пока стояла жара, Мариам предпочитала оставаться с девочкой дома, ведь за дверью не найти и полоски тени, от

асфальта жаром так и пышет. Но с наступлением осени хотелось больше бывать на солнце. Теперь Мариам растягивала прогулки до обеда, обходя гладкие, однообразные и пугающе пустынные улицы Фокс-фут-Акрс. На ходу она комментировала: «Машина, Сьюзен! Видишь машину? Почтовый ящик! Видишь почтовый ящик?»

Иногда встречались белки, собаки, которых выгуливали на поводках, детки — в больших колясках и в прогулочных. Так много можно показать девочке.

Обедала Сьюзен детским пюре, Мариам — салатом. Затем Сьюзен недолго играла в гостиной, примыкавшей к кухне, а Мариам мыла посуду, после — бутылочка и сон, на этот раз уже достаточно долгий, Мариам успевала что-нибудь приготовить Сами и Зибе на ужин. Не то чтобы они этого от нее ожидали, но ей всегда нравилось готовить, а Зибе, как выяснилось, не особо. Если молодых предоставить самим себе, они перейдут на постные полуфабрикаты.

Пока рис булькал, Мариам прибирала в доме. Складывала игрушки Сьюзен в ящик, выносила на помойку пакет с использованными подгузниками. Складывала по порядку газеты и журналы, но никогда не выбрасывала ни клочка бумаги,

даже рекламу пиццы, опасаясь нарушить чужие правила.

Снова ей вспомнилась мать — как она с трудом нагибается, поднимает фантик от жвачки и молча, чуть ли не с почтением кладет в пепельницу на журнальном столике.

Этот дом был так же велик, как все по соседству, для каждого занятия отдельная комната — не только гостиная, но и комната для спортивных упражнений, и компьютерная, в обеих пол от стены до стены респектабельного, почти белого, но не совсем, оттенка. Персидских ковров тут не увидишь, но о том, что здесь живут иранцы, можно догадаться по подаркам, которые хранятся в парадном буфете столовой, — исфаханские кофейные сервизы, стаканы для чая в серебряной оправе. Игровую комнату принялись набивать игрушками, едва получили из агентства фотографию Сьюзен. Детскую подготовили еще раньше — и кроватку, и комод, и пеленальный столик приобрели еще тогда, когда Зиба впервые попыталась забеременеть. Мать сказала бы, что, готовясь так заранее, они сами себя и сглазили. «Разве я вас не предупреждала?» — повторяла бы она из месяца в месяц, каждый раз, когда Зиба терпела очередное поражение. Мариам же

советовала Зибе не переживать: со временем все произойдет само собой. «Будет у вас ребенок! Полный дом детей будет! — говорила она. И даже рассказала, как сама долго ждала первенца: — Пять лет мы старались, пока не родился Сами. Я была в отчаянии».

Немалая решимость требовалась от Мариам, чтобы в таком признаться. Откровенное упоминание о том, как они «старались», — так нескромно. Она была поражена, когда Зиба заговорила о своих попытках. Не очень-то приятно думать о сексуальной жизни собственного сына, хотя, разумеется, Мариам понимала, что сексуальная жизнь у него была. Кроме того, родственников она прежде уверяла, будто пятилетняя отсрочка была умышленной. Приехав домой через три года после свадьбы, она парировала коварные вопросы похвальбой — она-де независимая женщина и погодит еще обременять себя детьми. «Я учусь в университете, я записалась в группу жен при больнице…» На самом-то деле она мечтала о ребенке с первого дня: о том, что, как ей представлялось, станет якорем в новой стране.

Теперь она словно видела себя в тот первый визит домой: одежда тщательно подобрана по «западным» правилам, модные облегающие

шмотки пронзительно-розового и ядовито-зеленого цвета или вовсе лилового, волосы уложены высокой налакированной башней, ноги втиснуты в узконосые туфельки-стилеты.

Мариам поежилась при воспоминании о том, как автоматически решила, будто неудачные попытки Зибы забеременеть были именно неудачами *Зибы.* Когда же выяснилось, что причина в Сами, это оказалось неожиданным ударом. Вероятно, свинка, сказали врачи. Свинка? Сами никогда не болел свинкой. Или болел? Могло ли так случиться, чтобы она об этом не знала? В университете, вдали от дома, и он постеснялся заговорить об этом с ней, с женщиной?

Ему было всего четырнадцать, когда умер его отец, — отрочество лишь начиналось, темный пушок обметал верхнюю губу, голос ломался. Она тогда сомневалась, сумеет ли в одиночку провести сына через эту пору. Ведь Мариам так мало знала о мужчинах: отца она лишилась в детстве, никогда не дружила с братьями — они успели вырасти еще до ее рождения. Если б только Киян пожил дольше, хотя бы еще пять-шесть лет, пока Сами не сделался мужчиной!

Правда, теперь она уже не была уверена, что Киян так уж хорошо разбирался в процессе взрос-

ления мужчины-американца. Но если бы он был жив, если б радовался теперь вместе с ней внучке! Только это и печалило Мариам с тех пор, как появилась Сьюзен. Она воображала, как они бы сейчас сидели с внучкой — вдвоем. Улыбались бы друг дружке, переглядываясь над головой малышки, дивясь ее надутым губкам, бровям в ниточку и тому, как пристально она изучает добытую на ковре пушинку. Киян бы как раз вышел на пенсию (он был на девять лет старше Мариам). У них было бы еще так много времени, чтобы насладиться этой порой жизни.

Мариам вернулась на кухню, сняла рис с плиты и ловко откинула на дуршлаг. К тому времени, как Зиба вернется с работы, Сьюзен проснется и будет тянуть из поильника яблочный сок, полагающийся после сна, или уже доберется до ящика с игрушками и примется выбрасывать из него все, что Мариам убрала. Зиба подхватит девочку на руки, даже не сняв парадный блейзер: «Повеселилась с Мари-джан, Сью-Сью? По мамочке не соскучилась?» Они деликатно потрутся носами — острый клюв Зибы о плоский пирожочек Сьюзен. «Думала, мамочка никогда не придет?» Она говорила с девочкой только по-английски, сказала, что не хочет сбивать ее с толку. Мариам

думала, что порой невестка сама будет сбиваться, но Зиба героически преодолевала самые сложные слова, проталкивала между зубами *th* и справлялась с двойными согласными в начале слова, хотя и вставляла перед ними призвук «э». (На удивление, Мариам гораздо лучше понимала отрывистую речь Зибы, чем легкий и стремительный поток слов Сами.)

Мариам выносила в коридор свою сумочку, надевала замшевую куртку.

— Не уходи! — говорила Зиба. — Какая спешка? Позволь мне сделать чай.

Чаще всего Мариам отказывалась. Прощальные указания — подогреть обед, был звонок от дантиста, — воздушный поцелуй в сторону Сьюзен, и она за дверью. Мариам старалась быть идеальной свекровью. Не надоедать Зибе.

Вернувшись домой, она какое-то время отдыхала, развалившись в любимом кресле, — наконец-то одна, свободна, можно расслабиться и снова стать собой.

Мама Джин-Хо позвонила в октябре и пригласила их всех на ужин. Позвонила она в тот день, когда за малышкой присматривала Мариам, та и ответила на звонок.

— И вы тоже приходите, — сказала Битси. —

Только мы и вы, две наши семьи. Думаю, девочкам надо познакомиться, как вы считаете? Чтобы сохранить их культурную идентичность. Я и раньше хотела вас позвать, но то одно, то другое… Очень, очень ранний ужин, в воскресенье во второй половине дня. Сначала мы будем сгребать листья.

— Сгребать?.. — переспросила Мариам.

Может быть, это какая-то идиома, означающая знакомство, сближение? Разбивать лед, строить мосты, съесть сколько-то соли, сгребать листья… Но Битси уже пустилась в объяснения:

— У нас все еще остались вязы, вы не поверите, и они всегда первыми избавляются от листьев. Мы решили устроить большую веселую вечеринку — будем сгребать листья, а девочки пусть поваляются на кучах.

— А! Да, хорошо. Вы очень любезны, — сказала Мариам.

Ей нравилось, как Битси называет малышек: «девочки». Это помогало ей представить Сьюзен в будущем, в гольфах, в гофрированной юбке, под руку с задушевной подругой.

Разумно было бы поехать на сгребание листьев на двух машинах. Дональдсоны жили в Маунт-Вашингтоне, Мариам — довольно близко от них,

к югу, в Роланд-парке (пусть и в «неправильной части» Роланд-парка, но и тут было вполне приятно, только дома поменьше и их ряды поплотнее). Сами и Зиба ехали с севера, то есть, чтобы добраться до Мариам, проезжали мимо Дональдсонов, но все равно они решили заехать за ней. Мариам подозревала, что Зиба нуждается в моральной поддержке, у нее случались время от времени приступы неуверенности в себе. И точно, когда они подъехали — Мариам ждала у калитки, чтобы не задерживать, — Зиба выскочила из машины и предложила зайти ненадолго в дом, иначе, мол, они приедут слишком рано. «Рано?» — переспросила Мариам и сверилась с часами. 3.55. Они были приглашены к четырем, ехать примерно пять минут. «Мы не рано», — сказала она, однако Зиба уже отстегивала Сьюзен от автомобильного кресла. Сами вылез с водительского сиденья и пояснил:

— Зиба утверждает, что в Балтиморе четыре часа — это десять минут пятого.

— Только не когда в гости приглашена лишь одна семья, — возразила Мариам. Она в свое время тоже подробно изучала местные обычаи.

Но Зиба подхватила Сьюзен на руки и направилась к дому. Оделась она в старые вещи, как раз

чтобы сгребать листья, в джинсы и мешковатую розовую водолазку, но явно уделила немалое внимание прическе и макияжу. Огромный конский хвост на затылке торчал почти горизонтально, такой курчавый, что преодолевал гравитацию, а губы двухцветные — розовый блеск обведен темной, почти до черноты, красной линией.

— Прекрасно выглядишь, — сказала ей Мариам. Сказала от души. Зиба и в самом деле очень красивая молодая женщина.

А как хорош собой Сами! Ему достались отцовские точеные губы, густые брови. Почему-то стариковские очки без оправы его молодили, воротник клетчатой фланелевой рубашки по-мальчишески оттопыривался сзади.

— Десятью минутами раньше, десятью минутами позже, велика разница? — поддразнил он мать. Расцеловал ее в обе щеки. — Смотри, какая у Сьюзен рабочая одежка.

Сьюзен нарядили в синий джинсовый комбинезон, убедительно потертый на коленях, под ним легкая рубашка цвета индиго, на кармане курточки, тоже из синей джинсы, нашивка — трактор.

— Ты готова сгребать с нами листья! — похвалила Мариам девочку, забирая ее у Зибы.

— Мы везем бутылку вина, — сказала Зиба. —

Как думаете? Или это неправильно? Еще белый день, но раз мы остаемся на ужин…

— Вино — в самый раз, — ответила Мариам, покачивая Сьюзен на бедре. — Обязательно привезти к ужину вино. Ведь так, Сьюзи-джан?

Сьюзен заговорщицки улыбнулась ей.

— Войдем в дом, присядем? — предложила Зиба.

— Зачем? Нам уже пора, — возразил Сами. — Ведет себя так, словно это какое-то великое событие, — подмигнул он матери, а затем обратился к Зибе: — Разве мы редко ходим в гости? Что особенного сегодня?

— Но эти люди старше всех наших друзей, — сказала Зиба. И пояснила для Мариам: — Битси уже сорок. Она сказала, когда мы говорили по телефону. Она ткет, а раньше преподавала йогу, и пишет стихи и… ох, о чем только мы будем с ней *говорить*ь? — жалобно закончила она.

— О детках, — ответила Мариам.

— А! — просияла Зиба. — О детках!

— Разве мы говорим о чем-то другом в последнее время? — вопросил небеса ее муж.

— Дональдсоны оставили девочке ее корейское имя — навсегда, — сообщила Зиба.

— Джин-Хо Дональдсон, — попробовала на слух

Мариам. Звучало своеобразно. «Дональдсон» вроде бы такое американское-американское имя — или дело в том, что похоже на «Макдоналдс»?

— Джин-Хо Дикинсон-Дональдсон, — уточнила Зиба.

У Мариам так челюсть и отвисла. Сами засмеялся. Потом сказал:

— Ладно, ребята, ровно четыре. Пора в путь.

Зиба повернулась и пошла за ним к машине, однако как-то неуверенно, и Мариам это отметила. Как обычно, женщины церемонно поспорили, кому какое место занять.

— Садитесь, пожалуйста. — Зиба указала на переднее сиденье, но Мариам ответила:

— Мне *больше* нравится сзади. Рядом со Сьюзен. — И она передала девочку Зибе, потому что та быстрее управлялась с автомобильным креслом, а сама обошла автомобиль и скользнула на сиденье.

Сами сильно отодвигал водительское кресло, так что колени Мариам упирались в спинку, но это не казалось ей неудобством. Она правду сказала, ей больше нравилось на заднем сиденье. Как неловко было бы занимать почетное сиденье, по примеру собственной свекрови! А так ей

казалось, будто она вновь сделалась ребенком, сестренкой Сьюзен, раскачивалась с ней из стороны в сторону, когда Сами поворачивал.

Дом Дональдсонов оказался ветшающим колониальным особняком, обшитым белой вагонкой, стоял он на одной из самых узких улиц Маунт-Вашингтона. Расползшийся, заросший двор по колено был завален желтыми листьями, они громко шуршали, когда Язданы пробирались по дорожке к дому; на крыльце полным-полно велосипедов, высоких сапог, садового инвентаря. Дверь отпер Брэд в вельветовых штанах и шерстяной рубахе, плотно обтягивавшей пузо.

— Эй, привет! — заговорил он. — Добро пожаловать. Рад вас видеть. — И пощекотал Сьюзен под подбородком. — Детеныш-то округлился чутка. В аэропорту она мне малость тощей показалась.

— Пятнадцать фунтов и три унции при последнем визите к врачу, — отчиталась Зиба.

— Пятнадцать? — нахмурился он.

— И три унции.

— Видимо, будет из маленьких, изящных девиц, — подытожил он.

А Джин-Хо вырастет великаншей, решила Мариам при виде малышки, оседлавшей талию Битси. Плотненькая, упитанная, прямо-таки

цветущая, щеки пухлые, глаза яркие, веселые. А прическа та самая, с какой прибыла, — квадратом и похожая на шапочку. И хотя на нее тоже натянули вельветовые брюки, сверху облачили в стеганую многоцветную одежку с полосатыми рукавами и черным шелковым кушаком. Как на картинках из интернета, припомнила Мариам, которые они рассматривали, когда Сами и Зиба изучали Корею.

— Выросла, правда? — спросила Битси, слегка приподнимая Джин-Хо для обзора. — Штаны рассчитаны на полтора года! Нам пришлось переложить ее в настоящую кроватку через неделю после Прибытия.

Сама Битси надела свитер в черно-белую полоску и черные слаксы, на ногах — беговые кроссовки с подсветкой. В ее простоте Мариам чудилось что-то агрессивное — такой откровенный отказ от косметики, коротко подрубленные волосы, угловатое тело, торчат кости. Она словно заявление какое-то делала таким своим обликом. Рядом с ней Зиба казалась яркой, гламурной — но и чуточку безвкусной.

Они посидели несколько минут в гостиной, дожидаясь бабушек и дедушек Джин-Хо, — позвали обе пары, предупредила Битси, и больше никого,

никаких дядей, теть и кузин с кузенами, потому что в большой толпе девочки могут растеряться. Пока что они казались невозмутимыми — сидели себе на плетеном коврике и занимались каждая своим делом: Джин-Хо складывала в игрушечный мусоровоз кубики с буквами, а Сьюзен пыталась вытащить колокольчик из деревянной погремушки. Сьюзен такая милая, такая сосредоточенная, пальчиками двигала так ловко — Мариам подумала, Дональдсоны могут, пожалуй, и позавидовать немного.

Битси и Зиба пустились обсуждать непереносимость лактозы. Битси видела причину в конфликте культур, ведь азиатские традиции не предполагают потребления такого количества молока. Неудивительно, что у Джин-Хо случается расстройство желудка.

— А Сьюзен? Или… — Тут Битси вдруг смутилась. — Или у вас тоже не принято пить молоко? — уточнила она.

— Сьюзен пьет, — сказала Зиба, — и пока все в порядке.

— Может, вам бы лучше перейти на соевое молоко. Соя больше соответствует культурно.

— О, может быть, я и правда попробую, — вежливо согласилась Зиба.

Мариам на ее месте спросила бы, зачем это нужно. Ведь Зиба только что сказала, что у Сьюзен нет проблем с молоком.

Гостиная Дональдсонов выглядела симпатично, без лишних усилий угодить. Сквозь незанавешенные окна струились солнечные лучи, мебель была старая, но качественная, возможно, передавалась из поколения в поколение. Брэд развалился в кожаном кресле, которое поскрипывало при каждом его движении. Сами опустился в старинную качалку и оказался сантиметров на пятнадцать ниже хозяина. Он кивал, слушая, как Брэд расписывает радости отцовства.

— По воскресеньям мы с Джин-Хо отправляемся за круассанами и «Нью-Йорк таймс», — рассказывал Брэд. — Это для меня лучшее время за всю неделю. Обожаю! Только я и моя малышка — вместе. А вы так делаете со Сьюзен? Ходите с ней вдвоем поразмяться?

Мариам знала: пока что Сами недоставало отваги для таких вылазок, но он не хотел в этом признаваться. Поглядывая на Брэда снизу — эта позиция придавала ему трогательно-скромный вид, — он сказал:

— Я собираюсь купить коляску-велосипед.

— Коляску-велосипед! Великое изобретение. У

парня дальше по улице есть такая. Я выясню, что за марка. Это и для вашей жены пригодится — хорошо для Зеебы. Сможет почаще выбираться из дома.

«Зееба», так он произнес, почти «зебра», и оглядел ее с головы до ног. Американских мужчин Зиба завораживала. Занятно, подумала Мариам, что и Брэд, хотя выбрал себе жену местного розлива, тоже не устоял.

Два набора дедушек-бабушек прибыли почти одновременно, сначала родители Битси, по пятам за ними — родители Брэда. Родители Битси были крупные, седые, дружелюбные, Дэйв в вельвете, будто обычный работяга, Конни в спортивном костюме и в той же кепке с узором, что и в аэропорту. Родители Брэда, позолоченного оттенка блондины, в утепленных бархатистых костюмах под стать друг другу, выглядели более церемонно. Их звали Пэт и Лу. Мужчина Пэт, а женщина Лу — или наоборот? Мариам так и знала, что запутается.

Несколько минут все четверо исполняли вокруг девочек танец бабушек-дедушек. Восхищались стеганым верхом Джин-Хо, Конни даже знала его иноземное название, мило знакомились со Сьюзен. «Миниатюрка!» — пропела мать Брэда, а Дэйв

тут же подхватил девочку на руки. Но Сьюзен благополучно справилась с ситуацией — вцепилась в курчавую седую бакенбарду и принялась тянуть, серьезная-пресерьезная, только бровки хмурила, пока Дэйв хихикал.

— Видите, Джин-Хо намного смуглее Сьюзен, — отметила Зиба. — Мы думаем, отец Сьюзен, может быть, белый.

— Да-да, ты маленький беленький зубик, — сообщил Дэйв Сьюзен, но Битси резко перебила:

— О, право! Нам не следует *обращать внимание* на такие вещи, в самом деле!

Все смолкли. Зиба покосилась на Мариам, как бы спрашивая: «Да почему же нельзя?» — а Мариам в ответ слегка пожала плечами. Наконец Брэд сказал:

— Так что, все готовы к битве с листьями?

Судя по количеству граблей, прислоненных к крыльцу, Мариам догадывалась, что Дональдсоны проводили такие мероприятия и раньше. Она бы никогда не стала устраивать такое сама (листья в своем саду она убирала собственноручно, как только они начинали падать), но они же американцы. А это, оказывается, действительно сближало. Во-первых, с участка на участок большого двора они переходили все вместе, так что

разговор не прерывался. А во-вторых, ни на кого не давили, мать Брэда и вовсе не брала в руки грабли, она присматривала за детьми, стоя возле девочек, удобно восседавших на куче листьев. Мать Битси сразу же опустилась в шезлонг, который муж принес ей с крыльца, подставила лицо солнечным лучам и прикрыла глаза. Оказывается, кепку она не просто так носит, поняла вдруг Мариам: она тяжело больна, волосы выпадают. Дэвид, хотя и сгребал листья наравне с другими, то и дело прерывался, подходил к жене и спрашивал, как она.

— Все хорошо, — каждый раз отвечала Конни, улыбалась, похлопывала его по руке.

Вот от кого Битси унаследовала решительность суждений, хотя Конни вроде бы помягче и более сдержанная. Сама же Мариам трудилась усердно, она шла между Битси и Лу (Лу в этой паре муж, теперь-то она разобралась) и длинными, ровными взмахами подгребала листья к формировавшейся возле подъездной дорожки куче. Они с Битси поймали ритм, словно две участницы хора; Лу слишком много болтал и не поспевал за ними. Сначала он общался с Сами, который двигался по другую его руку, скучный мужской разговор про работу, а когда услышал, что Сами риелтор, заго-

ворил о высоких ценах на жилье. Потом настала очередь Мариам: давно ли она живет в стране? Как ей тут нравится?

Мариам терпеть не могла подобные вопросы. Отчасти потому, что слишком много раз приходилось на них отвечать, но также и потому что предпочитала воображать (как это ни глупо), будто в ней, может быть, не всегда с первого взгляда опознают чужачку. Но нет, в тот самый момент, когда она готова была похвалить себя, совладав с особенно сложной и нелогичной английской идиомой, кто-нибудь спрашивал: «Откуда вы?» — и ее подмывало ответить: «Из Балтимора, а что?» Но она ответила так любезно, что Лу, конечно, не мог бы угадать ее чувства.

— Я прожила здесь тридцать девять лет, — сказала она. — И да, конечно, мне тут хорошо.

Лу удовлетворенно кивнул и сосредоточился на листьях. Тут Битси ткнула Мариам локтем в бок.

— Лу думает, вселенная заканчивается чуть восточнее Оушн-сити, — подмигнула она.

Мариам расхохоталась. Битси, решила она, славная. И эта цветастая толпа тружеников, рассеявшаяся по двору, деловитый шорох листьев, пыльный запах осени — Мариам вдруг почувствовала себя счастливой и не чужой. Пусть она

и не питала ни малейшей иллюзии, будто смогла бы жить подобным образом, ей нравилось время от времени заглядывать в эту американскую жизнь.

Джин-Хо подалась вперед, обняла охапку листьев, зарылась в них лицом. Один лист отлетел и прилип к куртке Сьюзен. Сьюзен брезгливо его сняла, приподняла, изучая.

С передним двором покончили за час с небольшим, мужчины, оставив за спиной красивую зеленую и чистую лужайку, перешли на задний двор, но малышки уже начинали хныкать, и женщины унесли их в дом. В просторной старомодной кухне Дональдсонов Битси усадила Джин-Хо в высокий стульчик и нарезала ей банан. Зиба кормила Сьюзен из бутылочки. Мариам нравился тихий звук, с каким Сьюзен глотала. «Умм, умм», словно приговаривала она, не сводя глаз с Зибы, пальцы одной руки ритмично сжимались и разжимались, захватывая свитер Зибы. Мать Брэда и Мариам устроились за столом со стаканами белого вина, но мать Битси отправилась на второй этаж прилечь.

Едва она вышла, мать Брэда спросила:

– *На самом деле* как она?

Битси так долго медлила с ответом, что све-

кровь поторопила ее:

— Битси!

И тут все увидели, что глаза Битси полны слез. Она склонилась ближе к высокому стульчику Джин-Хо, тщательно выровняла лежавшие перед девочкой кусочки банана и только потом напряженно выговорила:

— Не очень хорошо, мне кажется.

— Ой-ой-ой, — вздохнула Пэт. — Что ж, спасибо и за то, что она дожила и увидела твою малышку. Это для нее очень важно, я понимаю.

Битси молча кивнула, и Мариам, желая дать ей время прийти в себя, заговорила с Пэт:

— Долго пришлось ждать? Пока получили ребенка?

— Долго? До бесконечности! А в прошлом году сами знаете, что началось: корейские власти заговорили о сокращении международных усыновлений.

— Да, это было ужасно! — подхватила Зиба. — Мы с Сами так переживали. Уж думали, придется начинать все сначала и искать ребенка в Китае.

— Мы тоже об этом думали, — сказала Битси. Голос у нее уже окреп, и больше о ее матери не говорили ни слова.

На плите пыхтела большая, накрытая крышкой

кастрюля, и, накормив Джин-Хо, Битси принялась помешивать и пробовать, добавлять приправ. Под другой кастрюлей, стоявшей на дальней конфорке, она увеличила огонь. Мариам она поручила очистить два авокадо, свекровь отрядила в столовую со стопкой тарелок.

— Надеюсь, никто не возражает против ужина без мяса, — сказала Битси. — Мы не вполне вегетарианцы, но стараемся обходиться без мяса.

— Без мяса — очень хорошо. Очень полезно! — похвалила Зиба. Она усадила Сьюзен на пол, рядом с Джин-Хо, которая громко стучала двумя крышками, и стояла, присматривая за обеими девочками.

— Нам очень нравится *ваша* кухня, — сказала Битси и пустилась рассказывать о каком-то блюде, которое она попробовала в ресторане, замечательно вкусное, вот только название забыла.

Мариам нарезала авокадо и ссыпала ломтики в миску. Тут Пэт поинтересовалась, не было ли у Язданов неприятностей в пору кризиса с заложниками в Иране, и Зиба ответила:

— Я тогда только приехала в страну, мало что замечала. Мариам — кажется, *у нее* какие-то проблемы были.

И все выжидающе обернулись к Мариам.

Она сказала:

— Разве что самая малость, — и занялась вторым авокадо. Битси и Пэт сочувственно зачмокали и пожелали подробностей, но Мариам молчала. Ей до смерти надоела эта тема, правду говоря.

Брэд просунул голову в дверь черного хода и спросил:

— Как тут подвигается? Мы успеем до еды запаковать листья в мешки?

— Не успеете, — ответила Битси. — Я уже подаю на стол.

— Хорошо, пойду всех позову. — И он захлопнул дверь.

Основным блюдом были черные бобы с рисом. Мариам вообще-то любила рис по-американски, надо только было считать его принципиально иной субстанцией, а не рисом. Она помогала Битси с едой, пока Пэт разливала воду по стаканам. На столе стояли миски с нарезанным луком, помидорами, тертым сыром, ломтиками авокадо и множеством других ингредиентов, которые, по словам Битси, следовало добавлять к бобам. Она указала Зибе и Мариам их места и крикнула с лестницы:

— Мама? Ты как? Ты к нам спустишься?

— Я схожу за ней, — сказал отец Битси, проходя через столовую. От него пахло сухими листьями, широкое обветренное лицо раскраснелось на свежем воздухе.

А Сами уработался до пота. Он утер лоб рукавом и рухнул на стул рядом с Зибой.

— Все сгребли, только маленький клочок возле гаража не успели, — сообщил он и потянулся к Сьюзен, сидевшей на коленях Зибы. — Не скучала без меня, Сьюзи-джан?

— О, еда хиппи, — заметил отец Брэда, глядя на бобы. Жена хлопнула его по запястью.

— Садись! — велела она.

— Гранола в панировке.

— Нет тут ни зернышка гранолы. Садись!

Он сел. Битси оглянулась на Брэда — «вот с чем приходится мириться» — и заняла место во главе стола.

— Принимайтесь за еду, — предложила она. — Маму с папой не ждите.

Брэд предлагал на выбор пиво и красное вино, кто что предпочитает.

— Никакого коктейля теперь, — сказал он, открывая бутылку. — К тому времени, как солнце заходит, мы садимся ужинать. Живем по дет-

скому расписанию, вот так. Битси укладывается почти сразу после Джин-Хо.

— Я все время так устаю, — пожаловалась Битси Зибе. — Раньше ведь была настоящей совой! А теперь не дождусь, когда пора в постель.

— О, я тоже, — подхватила Зиба. — А Сьюзен просыпается в такую рань. Уже в семь.

— В семь! Вы счастливица. Джин-Хо открывает глазки в шесть, а то и в полшестого. Но вот что нужно, Зиба: ложитесь подремать днем вместе с малышкой.

— Подремать?

— Я включаю классическую музыку, ложусь на диван и вырубаюсь — до той минуты, пока она не проснется.

— Ах, если бы! — откликнулась Зиба, накладывая себе в тарелку рис. — Но два дня в неделю я на работе, а в другие дни стирка, уборка и тому подобное.

— Вы работаете? — спросила Битси.

— Я декоратор.

— Я бы не справилась! Как же вы оставляете малышку?

Зиба перестала накладывать рис и снова неуверенно оглянулась на Мариам.

На этот раз неловкую паузу прервал Лу:

— Наша Пэт вышла на работу, когда малышу было полтора месяца, а вон какой вырос, поглядите-ка!

Брэд отвесил поклон и продолжил разливать вино.

— Но ведь сейчас формируется личность! Это главный момент в их жизни! — сказала Битси. — Этих дней вам никогда уже не вернуть.

Мариам сказала:

— Зато мне повезло, что Зиба работает. По вторникам и четвергам Сьюзен вся моя. Это дает нам шанс… — Она поискала самое современное научное выражение, которое придало бы ее словам вес. — Сформировать привязанность. Бондинг.

— Понимаю, — сказала Битси. Но явно не была убеждена. Она крепче прижала к себе Джин-Хо, уперлась подбородком в блестящую черную макушку. И у Зибы вид неуверенный. Помада стерлась, и черная обводка теперь казалась неаккуратной, словно Зиба испачкала чем-то губы.

Стоя в дверях, мать Битси сказала:

— Какая прелесть!

Она вошла в комнату, ухватила свой стул за спинку. Супруг следовал за ней по пятам.

— Я уже на лестнице учуяла этот замечательный аромат специй, — продолжала она, усажива-

ясь. Развернула салфетку, одарила улыбкой всех за столом. — Как называется это блюдо?

— *Абичуэлас неграс,* — ответила Битси. — Кубинское.

— Кубинское! Как романтично!

Битси выпрямилась, явно осененная внезапной мыслью.

— Видите, я одета только в черно-белое, — сказала она Зибе.

Та кивнула, широко раскрыв глаза.

— Это потому что младенцы не различают цвета. Видят только черное и белое. С тех пор как у нас появилась Джин-Хо, я ношу только черное и белое.

— Вот как! — отозвалась Зиба и покосилась на свою розовую водолазку.

— Может, и вам стоит так делать, — посоветовала Битси.

— Да, наверное, стоит.

Битси слегка успокоилась и снова уткнулась подбородком в макушку Джин-Хо.

— А как же Сьюзен различает кубики? — вмешалась вдруг Мариам.

— Кубики?

— Розовые и синие на желтом коврике манежа. Я говорю ей: «Где у тебя розовые кубики, Сью-

зен?» — и она сразу принимается их собирать.

— Вот как? — переспросила Битси и внимательно посмотрела на Сьюзен. — Она собирает кубики по цвету, который вы ей называете?

— С желтого коврика, — уточнила Мариам. Она положила себе рису, повернулась к Конни и предложила: — Рису?

— Нет, спасибо, пока не надо, — отказалась Конни, хотя на тарелке у нее лежал только ломтик хлеба.

Битси все присматривалась к Сьюзен. На мгновение показалось, что ей больше нечем крыть, но тут она обернулась к Зибе:

— Вы сажаете дочку *в манеж*?

Снова на лице Зибы появилось неуверенное выражение, но, прежде чем она подобрала ответ, Мариам задала встречный вопрос:

— Рис с бобами? Тоже поэтому?

— В каком смысле? — не поняла Битси.

— Черные бобы с белым рисом. Тоже потому, что детки других цветов не различают?

Битси смешалась, но, когда ее свекор расхохотался, выдавила из себя улыбку. Еле-еле.

После этого обе семьи встречались довольно часто, и лишь Мариам вежливо отклоняла приглашения. Зачем ей участвовать в жизни

молодых людей? У нее есть собственные друзья, по большей части женщины, тоже в возрасте, почти все эмигрантки, хотя так вышло, что иранок среди них нет. Они вместе обедали — в ресторане или друг у друга в гостях. Ходили в кино или на концерты. К тому же Мариам работала — секретарем в детском саду, в который ходил когда-то Сами. Трижды в неделю. Не скажешь, что ей некуда было девать время.

Благодаря Зибе она почти каждый день узнавала что-то о Дональдсонах. Что Битси признает только подгузники из ткани, что Брэд переживает из-за прививок, что оба читают Джин-Хо вслух корейские сказки. Зиба тоже перешла на многоразовые подгузники, но через неделю от них отказалась. Она позвонила педиатру и расспросила насчет прививок. Она добросовестно читала дочке «Рисовый пирожок с полынью», а Сьюзен, пока еще не интересовавшаяся чтением, мусолила страницы и норовила порвать. После рождественской вечеринки у Дональдсонов Зиба купила перколятор[1] на сорок порций, чтобы варить горячий сидр, как они. «Палочки корицы и гвоздику надо класть в емкость для кофе. Умно,

[1] Сноски: 1

Разновидность чайника, предназначен для выпаривания воды, используется для приготовления кофе. — *Здесь и далее примеч. перев.*

правда?» — объясняла она Мариам.

Зиба, по мнению Мариам, слегка помешалась на Дональдсонах. Сама она не виделась с ними до января, когда их пригласили на первый день рождения Сьюзен. Джин-Хо на этот раз нарядили в полный корейский костюм: великолепное подобие кимоно и заостренная шляпа на резинке, на ножках — маленькие матерчатые туфельки с вышивкой. Гости вошли и замерли, с интересом, но и немножко растерянно поглядывая на толпу иранских родичей. Мариам взяла их под крыло, похвалила шляпу Джин-Хо, показала, где оставить верхнюю одежду, объяснила, кто тут кто.

— Это родители Зибы, они живут в Вашингтоне. А это ее брат Хассан из Лос-Анджелеса, брат Али тоже из Лос-Анджелеса… у Зибы семеро братьев, можете себе представить? Четверо из них приехали к нам сегодня.

— А с вашей стороны кто, Мариам? — спросила Битси.

— Никого нет. Большинство моих родственников так и живут в Тегеране. Они редко приезжают в гости.

Она налила им всем по стакану горячего сидра и повела сквозь толпу, останавливаясь на каждом шагу и знакомя их с другими гостями,

по возможности не иранцами, — с соседкой, с коллегой Сами, — потому что Брэд нес на руках Джин-Хо, а с родственниками Зибы никогда не знаешь, что они ляпнут. («У нас в Лос-Анджелесе пластические хирурги делают китайцам глаза не хуже, чем у белых, — заявила утром Зибе жена Али. — Могу тебе подсказать специалистов, если надумаешь».)

По правде говоря, эти Хакими еще в прошлом поколении на базаре торговали. На родине семья Мариам никогда бы не пересеклась с ними.

Но Дональдсонов утешило угощение. Они дружно ахнули при виде стола, уставленного множеством основных блюд, гарниров и закусок. Им непременно требовалось узнать название каждого лакомства, а когда выяснилось, что все это Мариам приготовила сама, Битси чуть ли не с робостью попросила поделиться рецептами.

— Да, конечно, — сказала Мариам. — В любой иранской поваренной книге они есть.

Ей было известно, что американцы считают рецепты результатом фантазии. Они способны каждый день изобретать что-то новое, то тешатся итало-американской кухней, то техасско-мексиканской, а потом и адаптированной азиатской, и всегда удивляются, когда слышат, что в других

странах меню гораздо предсказуемее.

— Мариам, — спросила Битси, — родственники Зибы огорчились, когда узнали, что они с Сами удочеряют ребенка?

— Вовсе нет, почему вы так решили? — резковато ответила Мариам (подумать только, ну и вопросы нынче люди задают). — А вот это традиционное свадебное блюдо, — указала она. — Курица с миндалем и апельсиновыми корочками. Непременно попробуйте.

Битси накладывала двойные порции на общую с Брэдом тарелку — тот держал на руках Джин-Хо. Набрав ложку свадебной снеди, Битси пояснила:

— Родители Брэда несколько напрягались. Не мои, они-то сразу были за. Но Брэд единственный ребенок, и его родители в большей степени… не знаю, как сказать… может быть, им бы хотелось передать свои гены или что-то в этом роде.

Она сунула себе в карман кусок лаваша. (На ней было домотканое платье простонародного типа, голубых оттенков. С черно-белым покончено, отметила Мариам.)

— Разумеется, теперь они надышаться на Джин-Хо не могут, — продолжала Битси. — Настолько с ней хороши, насколько умеют. — Она посмотрела на Мариам и добавила: — А вы очень близки с

Сьюзен, Зиба мне говорила.

— Да, — только и ответила Мариам, но глазами тут же отыскала Сьюзен на другом конце комнаты. Малышка была в платье с розовыми бутонами, которое другая бабушка отыскала в модном магазине Джорджтауна. Розовый очень идет к черным глазам и черным волосам.

Все американские гости унесли тарелки в гостиную, все иранцы так и толпились вокруг стола с угощением. Каждый раз при виде такого разделения Мариам пыталась разобраться: это американцы жаднее, спешат занять места и собственнически склониться на тарелкой, или жаднее иранцы, остающиеся поближе к источнику благ и мечущие в рот еду, пока другие гости, еще не оделенные едой, пытаются протиснуться между ними? Так или иначе, она проводила Дональдсонов в гостиную, проследила, чтобы они расселись на полу вокруг журнального столика (стулья уже были заняты), потом пошла на кухню за слюнявчиком для Джин-Хо. Вернувшись, застала Брэда и Битси за разговором с соседкой, которая, устроившись на диване, кормила грудью младенца.

— Чем раньше начать, тем лучше, — внушала ей Битси. — Я рассказываю о программе

упражнений «Мать и дитя», — пояснила она Мариам. — Полезно не только для мышц — мозг тоже развивается. Координация руки и глаза, насколько я понимаю.

Очевидно, она уже освоилась. Мариам повязала Джин-Хо слюнявчик и отправилась присматривать за другими гостями.

Пригласить Дональдсонов на иранский Новый год той весной Мариам вынудила любезность. На самом деле она уже практически перестала отмечать Новый год. Сами и Зиба всегда отправлялись на праздники в Вашингтон, там родители Зибы устраивали гигантский пир, собирая толпы увешанных золотом и благоухающих парфюмом гостей — тех, кто прибыл в Америку намного позже Мариам, совсем не ее круга людей. И этот год не был исключением, но Зиба предупредила Мариам, что вскоре после настоящего Нового года хотела бы угостить Дональдсонов некоторыми традиционными блюдами.

— Им так понравилось все, что подавали на дне рождения Сьюзен, — сказала она. — Я подумала, можно бы пригласить и родителей Брэда и Битси тоже, и моих родителей, если они не будут заняты. Мы могли бы накрыть *хафт син* и, наверное, приготовить *моргх поло*… Ну то есть

если бы вы приготовили, а я помогу, чем смогу. Вы согласны?

Обычно Мариам на такие просьбы соглашалась с готовностью, но тут в ней что-то воспротивилось. С какой стати устраивать этнические демонстрации? Пусть Дональдсоны за этим в Смитсоновский институт сходят, досадливо думала она. Пусть «Нейшнл джеографик» читают. Однако вслух она только и сказала:

— Не слишком ли это будет для вас, после выходных в Вашингтоне?

— Слишком? Да нет, почему же? — ответила Зиба. — Или… вы хотите сказать, это будет слишком для вас?

— Нет, конечно! Не я же поеду в Вашингтон. Но тот же *хафт син*. Его нужно готовить заранее, а вы оба уедете.

Опять-таки, не было никакой необходимости готовить заранее, и к тому же пригласить Дональдсонов можно в любой удобный день. Зиба не могла не сообразить, что Мариам просто придумывает отговорки, но вывод она сделала неправильный.

— А! — сказала она. — Вы бы предпочли принимать у себя дома?

— У меня? Да ведь…

— Конечно же! Как я не подумала! Только потому, что у нас больше места. Но если вы предпочитаете у себя…

— Ну, по правде говоря, дом у меня совсем маленький, — сказала Мариам.

— Но готовить-то вам. Вы и выбирайте, где лучше.

— Но все остальное на вас — украшение дома, уборка после гостей. Разумнее сделать все у вас.

— Нет, так будет лучше всего, — объявила Зиба. — Мы используем ваш дом. Все получится.

Итак, Мариам пригласила Дональдсонов к себе. За десять дней до намеченного срока Сами отвез ее в Роквилл за наиболее экзотическими ингредиентами (в такую даль Мариам не любила ездить одна). По I-95 машины шли бампер к бамперу, и Сами шепотом ругался всякий раз, когда впереди вспыхивал красный свет.

— Еще повезло, что у нас неподалеку есть такое место, — урезонивала сына Мариам. — Когда я только приехала в страну, твоей бабушке приходилось слать мне почти все специи почтой из Ирана.

Она словно и сейчас видела эти посылки, неуклюже сшитые из ткани мешочки, набитые сумаком, сушеными листьями пажитника,

крошечными высохшими и почерневшими лаймами, на каждом мешочке сделанный от руки картонный ярлык, надписанный маминым неуверенным английским.

— А чего не могли добыть, с тем приходилось как-то выкручиваться, — продолжала Мариам. — Мы делились секретами, другие жены и я. Гранатовый соус из замороженного концентрата валлийского виноградного сока и консервированного наполнителя для тыквенного пирога — это я запомнила. Йогуртный творог из обезжиренного молока и козьего сыра, взбить в блендере.

В те годы все их друзья были иранцы, все примерно в такой же ситуации, как Мариам и Киян (на большой вечеринке, когда садились играть в покер, если бы кто-то из жен подал голос: «Доктор-ага!» — обернулись бы все мужчины). Где теперь эти люди? Многие, конечно, вернулись домой. Другие разъехались по Америке. Но кое-кто оставался в Балтиморе, и Мариам это знала, но связь была утрачена. Прежде всего, отношения сильно усложнила политика: кто за шаха? кто против? Почти все прибывшие после Революции поддерживали шаха, с ними лучше не иметь дела, к тому же Киян умер, и ей стало неуютно в обществе, где все собиралась парами.

— Если б твой отец дожил до низвержения шаха, — сказала она Сами, — он был бы счастлив.

— Примерно три с половиной минуты, — откликнулся Сами.

— Вот еще.

— Его бы возмущало все, что происходит сейчас.

— Да, конечно.

Однажды она слушала музыкальную передачу с родины, включила старый коротковолновый приемник Кияна, пока гладила. Уже прошли многотысячные демонстрации, доносились слухи о волнениях, но даже эксперты не решались предсказывать исход. И вдруг на полуноте музыка оборвалась, потом долгое молчание, которое прервал наконец диктор, негромко и спокойно заявивший: «Это голос Революции».

Дрожь пробежала по ее позвоночнику, слезы выступили на глазах. Отставив в сторону утюг, Мариам громко позвала: «О, Киян! Слышишь ли?»

— То, что происходит сейчас, разбило бы ему сердце, — сказала она. — Иногда, знаешь, я думаю, умершие — вот кто счастлив.

— Йуух! — выдохнул Сами, и Мариам с тревогой глянула на машины впереди: неужто пробка? Но

нет, видимо, просто преувеличенная реакция, молодым это свойственно. — Даже не начинай, мам! Никуда не торопись.

— Я не буквально, Сами. Но что бы сказал твой отец? Он любил свою страну. Всегда мечтал о том, как мы туда вернемся.

— Слава богу, мы не вернулись, — отрезал Сами, включил поворотник и резко свернул на скоростную полосу, словно от одной мысли о возвращении ему сделалось дурно.

Он никогда не бывал в Иране. В тот единственный раз, когда Мариам ездила туда после его рождения, Сами был уже взрослый, женатый, работал в «Пикок хоумс» и утверждал, что не может отлучиться. На самом деле он просто не интересовался всем этим. Мариам с грустью поглядела на него, на крупный горбатый нос, так похожий на отцовский, на трогательные очочки. Теперь уж он, наверное, никогда и не съездит, уж во всяком случае не с ней, потому что и Мариам после той последней поездки решила больше не возвращаться. Не в запретах и ограничениях дело, хоть и приходилось кутаться в длинный черный плащ, словно на похоронах, повязывать на голову уродующий платок, — хуже отсутствие столь многих, кого она любила. Разумеется, ей

сообщали об их смертях по мере того, как уходили — мать, двоюродные тети, родные тети, кое-кто из дядьев, — об одной утрате за другой сообщали в деликатных, уклончивых выражениях на голубой телеграфной бумаге, в более поздние годы — по телефону. Однако в глубине души, как выяснилось, Мариам не вполне осознавала, что произошло, пока не приехала в родные места — и где же мама? Где стайка тетушек, болтающих, щебечущих, кудахчущих, словно маленькие серые куры? А в аэропорту на обратном пути обнаружилась какая-то проблема с выездной визой, пустяк, влиятельный родственник тут же все уладил, но Мариам пережила приступ удушающей паники. Словно птица, бьющаяся в клетке. *Выпустите меня, выпустите меня, выпустите меня!* И больше не возвращалась.

В бакалее, толкаясь вместе с Сами среди других иранцев, закупавшихся к Новому году, она спрашивала себя невольно: «Да кто же все эти люди?» Дети фамильярно обращались к родителям, шумные, дурно воспитанные, неуважительные. Девочки-подростки выставляли напоказ голые животы. Клиенты, пробившиеся к прилавку, отталкивали друг друга локтями.

— Это просто… удручающее зрелище! — сказала

она, но Сами фыркнул:

— Мама, не заносись!

— Что ты сказал?.. — переспросила она, в самом деле подумав, что ослышалась.

— С какой стати им вести себя лучше, чем американцы? Они поступают как все вокруг, мама, так что хватит судить людей.

Она чуть было не ответила ему резкостью: разве она не вправе ожидать от соотечественников хорошего примера? Но сосчитала до десяти, прежде чем заговорить (научилась этому приему, когда Сами проходил через отрочество), а потом решила и вовсе не возражать. Молча пошла вдоль полок, сбрасывая целлофановые упаковки трав и сухофруктов в корзину, которую нес Сами. Остановилась перед банкой с зернами пшеницы. Сами спросил:

— Хватит ли времени их прорастить?

Времени было предостаточно, он это прекрасно знал. Спрашивал, должно быть, чтобы загладить свою резкость. Так что она ответила:

— Думаю, достаточно. А ты как думаешь?

И на том они примирились.

Да, она судила и оценивала. Сама это знала. С годами становилась все более критичной по отношению к людям — может быть, потому, что

так долго жила одна. Надо за собой понаблюдать. Мариам заставила себя улыбнуться первому же, кто ее толкнул, — это была женщина с короткими волосами цвета медной решетки, и когда женщина улыбнулась в ответ, у нее под каждый глазом у внешнего уголка проступила одинокая глубокая морщина, в точности как у тетушки Мину, и Мариам почувствовала внезапную нежность к незнакомке.

Дональдсонов пригласили на воскресенье больше чем через неделю после праздника у родителей Зибы, так что и вовсе не оставалось причин звать всех к Мариам, но она уже смирилась. Всю неделю готовила, по одному-два блюда в день. Накрыла в гостиной *хафт син* — семь традиционных блюд, среди них маленькие живые и бодрые проростки пшеницы, искусно распределив все на лучшей скатерти с вышивкой. Утром в воскресенье она поднялась до рассвета и принялась за дело. Окна светились только в домах, где просыпались младенцы. И слышны только птичьи голоса, новые песни наступившей весны. Мариам шлепала по кухне босиком в муслиновых штанах и длинной рубашке, прежде принадлежавшей Сами. Чай остывал на столике, пока она промывала рис (оставила его набухать), потом

полезла на стул за подносами, обрезала стебли желтых тюльпанов, дожидавшихся с вечера в ведрах на заднем дворе. Солнце уже поднялось, сквозь открытое окно она слышала, как визгливо тормозит фургон, развозивший газеты, и «Балтимор сан» шмякнулась на парадное крыльцо. Мариам принесла газету в кухню, почитать под вторую чашку чая. С ее места открывался обзор столовой, где серебро мерцало на столе, блистали чистотой тарелки, желтели тюльпаны в узких стеклянных вазах. Она любила эти часы до появления гостей, пока салфетки еще не смяты, покой не нарушен.

В двенадцать тридцать, приняв душ и нарядившись в обтягивающие черные брюки и белую шелковую тунику, она приветствовала на парадном крыльце Сами и Зибу. Они приехали пораньше, помочь с последними приготовлениями, хотя, как тут же заметил Сами, никаких поручений для них не оставалось.

— Зато у меня будет немного времени пообщаться со Сьюзен, — сказала Мариам.

Сьюзен уже вовсю ходила: как только Сами опустил ее на пол, она прямиком устремилась к корзине, где Мариам хранила ее игрушки. Волосы у девочки отросли так, что падали на глаза,

если их не связывали в подобие вертикального ростка на макушке. Прядки завивались вокруг маленьких ушных раковин, тонкими струйками сбегали сзади по стебельку шеи.

— Сюзи-джан, — заговорила с дочкой Зиба, — скажи: «Привет, Мари-джан! Здрасьте, Мари-джан!»

— Мари-джан, — старательно повторила Сьюзен, но вышло у нее «мадж». Обменялась с Мариам тайной улыбкой, словно прекрасно понимала, какая она умница.

Зиба дергалась, суетилась — «Скажите же, что надо делать? Пусть Сами откроет вино. Какую скатерть постелить?», — но Мариам сказала, что все уже в порядке.

— Садись, — велела она. — Что ты хочешь выпить?

Зиба не ответила, так была занята, взбивая подушки, даже Сами столкнула в сторону, чтобы добраться до той, на которую он оперся. Нервничает, подумала Мариам. Чересчур разоделась для дневного приема: то же переливающееся турмалиновое платье, в котором ездила в гости к родителям, два круга румян на щеках, словно горит в лихорадке. Возможно, сравнивает дом Мариам со своим: слишком маленькая гости-

ная, традиционная, немодная мебель, повсюду кашмирские шали и маленькие иранские безделушки — это ее смущает.

— Сьюзен, положи на место! — велела она, когда малышка вытащила плюшевую собаку. — Скоро гости придут, нельзя, чтобы игрушки валялись повсюду.

— Почему же? Джин-Хо тоже захочет поиграть, — возразила Мариам, а Сами, лениво перебиравший подобранные на журнальном столике глиняные четки, велел:

— Успокойся, Зи, сядь наконец.

Зиба тихо, сердито выдохнула и плюхнулась на стул.

И еще невезение: первыми приехали родители Зибы. Рановато. Думали, что из Вашингтона дольше придется добираться. Миссис Хакими пустилась извиняться перед Мариам на фарси: «Мне так жаль, прошу нас простить, я сказала Мустафе, нужно поездить немного вокруг, но он сказал…» Зиба вскрикнула:

— Мама, *пожалуйста,* ты же обещала в этот раз говорить по-английски.

Миссис Хакими жалобно поглядела на Мариам. Приятная на вид женщина с пухлым усталым лицом, все ее семейство, как замечала Мариам,

о нее ноги вытирает, особенно супруг, державшийся по-военному прямо, хотя зарабатывал бизнесом. Что-то импортировал (что именно, Мариам не знала). Обладатель желтоватой лысины и огромного брюха, растягивавшего жилетку серого, акульего цвета, костюма.

— Сюзи-джан! — загромыхал он и набросился на Сьюзен. Та смущенно улыбнулась и свернулась в клубок, прямо креветка, и неудивительно: мистер Хакими обожал щипать ребенка за щеку — хвать-хвать крепкими желтыми пальцами. Сьюзен ежилась и высматривала Зибу.

— Слышала, ваш праздник на прошлой неделе имел большой успех, — сказала Мариам миссис Хакими.

— О нет, пустяки. Простая семейная вечеринка, — ответила миссис Хакими и вдруг снова перешла на фарси: — Уверена, сегодняшний наш обед будет гораздо утонченнее, ведь его готовили вы, а никто из моих знакомых не делает такие изысканные… — Слова из ее уст вылетали стремительно, словно женщина спешила сказать как можно больше, прежде чем ее перебьют, и Зиба действительно повторила: «Мама!» И миссис Хакими смолкла, беспомощно глядя на Мариам.

По опыту Мариам, обычно быстрее адаптиро-

вались жены. Чуть ли не наутро после прибытия разгадывали кодекс местных обычаев, осваивали тонкости шопинга и поочередной доставки детей в школу, приобретали напор и уверенность в себе, в то время как мужья, погруженные в работу, учили английский в пределах медицинской терминологии или словаря научных семинаров. В ту пору мужчины полагались на женщин как на единственную связь с повседневной жизнью, но у Хакими все вышло наоборот. Когда явились родители Брэда в весенних нарядах, расцвеченных, словно пасхальные яйца, и жизнерадостно выкрикнули свои имена, прежде чем Мариам успела их представить, миссис Хакими только улыбнулась себе в колени и съежилась в кресле, а мистер Хакими повел разговор:

— Так вы бабушка и дедушка с отцовской стороны! Разрешите сказать, как мы рады знакомству! И кто же вы по профессии, Лу?

— А я поверенный, на пенсии! — ответил Лу, столь же добродушно и бойко. — Мы с женой теперь оба люди свободные. Ездим в круизы, в гольф-туры — и вы же слышали, разумеется, про

Элдерхостел[2]...

Извинившись, Мариам ушла на кухню. Убавила огонь на одной конфорке, на другой, наоборот, усилила и позволила себе небольшую роскошь — поглазеть в окно, пока в дверь вновь не позвонили. Вернувшись в гостиную, она застала Брэда и Битси уже внутри дома, Брэд держал на руках Джин-Хо, родители Битси чуть приотстали: Конни с трудом преодолевала ступеньки. Дэйв подхватил ее под руку, и она старалась подтянуть одну ногу к другой.

— Ох, простите, — сказала Мариам, выходя ей навстречу. — Надо было проводить вас через заднюю дверь.

Но Конни ответила:

— Ничего подобного, мне надо тренироваться. — И обеими руками сжала руки Мариам. — Не могу даже выразить, как я ждала этого дня.

Наконец она отказалась от бейсбольной кепки. Негустые седые волосы отросли примерно на сантиметр, очень тонкие, мягкие на вид, голубое хлопковое платье было ей велико. Добравшись до двери, Конни остановилась, глубоко вдохну-

---

[2] Сноски: 2

Международная некоммерческая организация, предлагающая пенсионерам недорогие краткосрочные курсы, обычно в университетских кампусах, с размещением и питанием.

ла, словно собираясь с силами, — и нырнула в гостиную.

— Вы, конечно, родители Зибы! — воскликнула она. — Добрый день! Я — Конни Дикинсон, а это мой муж Дэйв. Привет, Пэт! Привет, Лу!

Вихрь приветствий и комплиментов (новому цвету волос Пэт, штанам Битси на резинке), затем Дэйв спросил, что такое *хафт син*, предоставив таким образом мистеру Хакими шанс прочитать лекцию.

– *Хафт син* означает «семь С», — начал он ораторским голосом, — мы ставим на стол семь предметов, названия которых начинаются на С.

Дэйв и Конни пресерьезно кивали, а Битси удерживала Джин-Хо, пытавшуюся стянуть со стола расшитую скатерть.

— Стойте, стойте! — возмутился Лу. — Тюльпаны же не на букву С.

— Папа… — попытался остановить его Брэд.

— И эта травка тоже не на С.

— Названия на *нашем* языке, — пояснил мистер Хакими.

— О! Ага. Очень интересно.

— У вас очаровательный дом, Мариам, — говорила меж тем Битси. — Мне нравится такая смесь материй. Я же ткачиха, как вы знаете, я замечаю

подобные вещи. — Она снова ухватила Джин-Хо и на этот раз взяла ее на руки. — Вы привезли все эти ковры с собой, когда приехали в страну?

— О нет, — засмеялась Мариам, — с собой я привезла всего один ковровый саквояж.

— Но персидский же саквояж, я точно знаю, с каким-нибудь чарующим узором!

— Ну да…

Саквояж она сплавила через месяц после приезда, стеснялась, что это не «самсонайт». О, в ту пору она бы не повезла из дома ковров, даже если бы для них было место. Ей требовалось все модное, стильное, практичных тонов, предпочтительно бежевого оттенка — американское-американское, говаривал Киян. Они оба восторгались западной отделкой. Лишь со временем она поняла, что они переняли худшее: обзавелись дешевыми бежевыми пластмассовыми тарелками, пустынями бледно-бежевого ковролина, креслами, которые обтянули какой-то бежевой синтетикой, простроченной металлическими нитями.

Пас перешел к Дэйву, он подхватил разговор о профессиях, и Мариам, разносившая лимонад, вино и виски со льдом (для мистера Хакими), услышала, что Конни преподавала студентам

английский, сам Дэйв преподавал физику, а Брэд — биологию. Неудивительно, что члены этого семейства склонны объяснять другим, как что делается. А может быть, гены влияют и на выбор профессии? — размышляла Мариам по пути в кухню.

Рис издавал уже тот самый запах прожаренного масла, попкорна. Мариам переставила кастрюлю в раковину и выключила горелку.

Из гостиной доносился голос мистера Хакими. Очередная тема: политика, вопиюще иранская, длинная и славная история Ирана и печальный итог — Революция. Хорошо, что ей пришлось отойти, Мариам избегала подобных разговоров с любыми родственниками Зибы. Налив холодной воды в раковину, она подождала, пока от кастрюли не перестал подниматься пар, хотя вполне могла не заморачиваться. За спиной, к ее радости, послышались частые, неровные шажки.

— Сюзи-джан! — воскликнула она, обернувшись, и Сьюзен с улыбкой подняла ручки и попросила: «Вейх!»

Она старалась как можно тщательнее выговаривать, словно понимала: сейчас она осваивает язык. Мариам подхватила девочку, прижалась лицом к ее мягкой щеке. Тут явилась и Джин-Хо,

прижимая к груди игрушечный трактор, залепетала:

— Кэк? Кэк?

Мариам, сообразив, вытащила из буфета печенье.

— Крекер! — сказала она, выдавая по штучке обеим девочкам. — «Спасибо, Мари-джан». — И опустила Сьюзен на пол.

Сьюзен и Джин-Хо стали катать машину друг к другу, сжимая свободной рукой печенье, усевшись так, как могут только маленькие, словно бескостные дети: на корточках, стопы широко разведены и прижаты к полу, попки зависают в двух сантиметрах от пола. Так приятно было смотреть на них. Мариам могла бы простоять целый день, ничего не делая, просто наслаждаясь этим зрелищем. Потом стало ясно, что это и был лучший момент дня. К тому времени, когда садились за стол, девочкам уже пора было спать. Ревущую Сьюзен унесли в кроватку на втором этаже, а Джин-Хо маялась на коленях у матери, все больше капризничая, хныкала, отворачивалась, когда Битси предлагала ей что-то вкусненькое. Но дурно вели себя не только дети. Для начала Пэт вздумала дать Конни совет: а не лучше ли обматывать голову симпатичненьким

шелковым платком (неужто в этом семействе даже свояки считают себя вправе учить друг друга?), Конни покраснела и явно расстроилась, и Дэйв сказал:

— Спасибо, Пэт, но, на мой взгляд, Конни и так красива.

А Пэт ответила:

— О! Конечно! Что вы! Я вовсе не хотела…

И тут Битси, пытаясь сменить тему, сказала:

— Кстати, о модах. Зиба, этот хвостик у Сьюзен на голове очень милый.

Зиба на это:

— Главное, чтобы волосы не лезли ей в глаза.

Битси:

— Ах да, у Джин-Хо такой проблемы нет, потому что мы сохранили прическу, с которой она прибыла. Мы сознаем, что девочку не следует американизировать.

— Американизировать? — переспросила Зиба. — Мы не американизируем!

(«Можно подумать, кого-то можно вот так взять и запросто американизировать», — проворчала про себя Мариам. Уж она-то навидалась, как приезжие пытаются выглядеть «натурально», втиснувшись в линялые джинсы.) Похоже, Зиба все еще не чувствовала себя достаточно уверенно

в обществе Дональдсонов, иначе она бы так не ощетинилась. А мистер Хакими, в свой черед попытавшись сыграть роль миротворца, лишь усугубил ситуацию.

— Но мы забываем про нашу хозяйку! — рявкнул он. — Прекрасное угощение, дорогая моя, и вы были так добры, избавив Зибу от хлопот.

— От каких хлопот? — возмутилась Зиба. — О чем вы говорите? Мы могли бы принять всех у нас дома! Я *так хотела* позвать всех к нам.

— Ты хотела? — изумилась Мариам.

— У нас и места больше! Я же вам говорила! Не пришлось бы тесниться вокруг стола на садовых и раскладных стульях и кухонных табуретках!

Мариам сказала:

— Но ты же вроде бы говорила…

Впрочем, она уже толком не помнила, что говорила сама и что говорили ей. Не получалось мысленно воспроизвести весь тот разговор. Понятно было одно: снова они с невесткой перестарались во взаимной любезности, со всеми этими «прошу-вас», «нет-я-настаиваю» и «как-тебе-лучше».

— Что ж, — сказала наконец она, — жаль, что я это не сразу поняла.

Конни отложила вилку и потянулась через

стол, коснулась руки Мариам.

— Какая разница, прекрасный обед, — сказала она.

— Спасибо, — ответила Мариам.

— К тому же, — добавила Битси, — теперь мы побывали у вас дома, увидели все эти прекрасные вещи. Скажите, Мариам, мне прямо не терпится расспросить про тот саквояж, с которым вы приехали, — что берет с собой девушка, навсегда покидая родную страну?

С облегчением Мариам переключила мысли на саквояж. Шелковый пеньюар там был, припомнила она. И два набора кружевного белья, сшитого на заказ портнихой тетушки Эши… Она улыбнулась и покачала головой.

— Это было не так, как вам видится, — сказала она. — Я только-только вышла замуж и больше думала о своей внешности, чем о том, как будет выглядеть мой дом.

— Только вышли замуж! Вы приехали сюда новобрачной?

— Я вышла замуж накануне того дня, как села в самолет, — уточнила Мариам.

— Свадебная поездка в Америку! Как романтично!

Сами, сидевший во главе стола, сказал:

— Право, мама, расскажи всю историю с начала до конца.

— Расскажите! — подхватила Битси, а Лу постучал ножом по стакану с водой. Джин-Хо, только что задремавшая, вздрогнула, но снова уткнулась лицом в материнское плечо.

— Нет никакой истории, — воспротивилась Мариам.

— Еще как есть, — настаивал Сами. Гостям он пояснил: — В свадебную, так сказать, поездку мама отправилась одна, мой отец жил уже здесь. У нее было заочное бракосочетание, а потом уж она приехала к нему.

— В самом деле? — обратилась Пэт непосредственно к Мариам. — У вас была свадьба без жениха? Как же это?

— Покажи им фотографию, — велел Сами.

— О, Сами, никто не хочет смотреть на фотографию, — отмахнулась Мариам и, не внемля хору («Нет, хотим! Покажите нам, Мариам!»), поднялась и подала блюдо с долмой. — Добавки кто-нибудь хочет? — предложила она.

— На фотографии мама в свадебном платье, — расписывал Сами, — стоит одна возле длинного стола, сплошь заваленного подарками. Словно за подарки замуж и выходит.

Мариам попыталась его остановить:

— Право, я бы не стала…

Что-то в его тоне казалось обидным. Как будто он потешался — вот что. Видимо, это почувствовал и мистер Хакими. Он откашлялся и сказал:

— По правде говоря, в ту пору многие, очень многие девушки выходили замуж таким способом. Все наши молодые мужчины, которые уехали в Америку, знаете ли, или в Германию, или во Францию… разумеется, со временем им понадобились жены. Это было разумное решение.

— Но как же знакомиться и ухаживать на таком расстоянии? — спросила Пэт, обращаясь к Мариам.

— Ухаживать! — засмеялся Сами. — Никто и не ухаживал. Свадьба по сговору.

Мариам почувствовала, как все за столом насторожились, но не поднимала глаз от блюда, которое по-прежнему держала обеими руками. Добавки никто не попросил. Может, им виноградные листья не нравятся. Может, им вся еда не нравится.

— Как видите, — сказал Сами, обращаясь к Битси, — это было не так уж романтично.

Мариам вздохнула:

— Ох, Сами! — И сказала как можно мягче, не

позволяя гневу прорваться: — Ты ничего толком об этом не знаешь.

Отвернулась, стараясь сохранить достоинство, вынесла из комнаты долму, закрыла за собой вращающуюся дверь.

В кухне взяла чайник, налила воды. Придется убрать со стола, прежде чем подавать сладкое и фрукты, но пока она не могла вернуться к тем людям. Мариам зажгла конфорку под чайником и стояла у плиты, крепко сжимая руки на груди; слезы щипали глаза. Вот, например, Киян говорил ей, что ее волосы пахнут, словно армянская церковь, — что об этом мог знать Сами?

Вращающаяся дверь осторожно приоткрылась, вошла Конни с двумя тарелками.

— Спасибо, не надо было! — всполошилась Мариам и забрала у нее тарелки. — Вы же утомитесь.

— Все в порядке, — ответила Конни. — Хотелось ноги размять.

Но она не вернулась в столовую, а уселась на стул и стала наблюдать, как Мариам соскребает с тарелок остатки еды.

— Семейные сборища утомительны, правда? — сказала она. — Столько людей, все тебя слишком хорошо знают и думают, будто вправе болтать

что в голову взбредет.

— Это верно, — кивнула Мариам. Она возилась с грудой грязной посуды, загромоздившей поверхность единственного рабочего столика. Отвернувшись от Конни, она поспешно утерла кончик носа. — Да и не так уж хорошо они тебя понимают, — добавила она.

— Вы правы, они и половины важного не знают, — согласилась Конни. Она обернулась к вращающейся двери: появился ее муж еще с двумя тарелками. — Мы тут соболезнуем друг другу по поводу семейных сборищ, — сообщила она.

— Да, они ужасны, — подтвердил Дэйв. Прямиком, словно у себя дома, направился к ведру для мусора и принялся сгребать в него остатки с тарелок. Мариам всегда чувствовала себя неловко, если ей на кухне пытался помочь мужчина.

Где же Зиба? Разве это не ее обязанность?

— Да и вообще, семью очень переоценивают, — продолжал Дэйв. — Весьма переоценивают.

Конни цокнула языком и дружески шлепнула его по руке.

— А уж устраивать обед в моем доме, — продолжала Мариам (мысль о Зибе напомнила про главную обиду), — я вовсе не напрашивалась. То есть… простите, я, конечно же, рада вас при-

нять, но…

— Мы понимаем, — сказал Дэйв.

Вероятно, он не все понимал, но, добрый человек, сочувственно кивал седой кудрявой головой, и Конни тоже кивнула и сказала:

— Забавно, как нас подводят к таким решениям.

— Мы просто слишком друг с другом деликатны, Зиба и я, — пояснила Мариам. Повернувшись к плите, она сняла с чайника крышку, проверить, не закипел ли. — В нашей семье никто не умеет толком сказать, чего хочет. В итоге, боюсь, мы порой поступаем так, как *никто* из нас не хотел, только потому, что каждый пытался угодить другим.

— Научитесь быть грубыми — как мы, — посоветовал Дэйв, обнимая Конни за плечи и подмигивая Мариам. Невольно она рассмеялась.

Затем Конни и Дэйв вернулись в столовую за оставшимися тарелками, а Мариам насыпала в свой лучший фарфоровый чайник заварку. Ей стало полегче. Эти двое и правда утешительны. Она залила в чайничек кипяток, вернула на место крышку и поставила заварочный чайник на большой.

Наверное, шипение медленно закипающей

воды и вернуло ее в давнее прошлое, в первую пору замужества. Когда она чувствовала себя совсем одинокой, припомнила Мариам, она ставила на тумбочку у кровати стакан газировки и засыпала, слушая, как пузырьки ударяются о стеклянные стенки с тихим, непрерывным, мирным шепотом, похожим на голос фонтана во дворе дома — родительского дома, там, далеко.

3

Идея устроить праздник Прибытия целиком принадлежала Битси. И название выдумала она, так что Брэд вынужден был переспросить: «Какой праздник, лапа? Повтори, пожалуйста».

— Праздник в годовщину прибытия девочек, — пояснила она. — Через две недели ровно год, поверить невозможно! В субботу, пятнадцатого августа, мы это отметим.

— Стоит ли, когда твоя мама…

У матери Битси начался рецидив, вернее, появилась новая опухоль, на этот раз в печени. Последние месяцы всем дались нелегко. Но Битси сказала:

— Это мне пойдет на пользу! Всем нам пойдет на пользу! Забыть о наших проблемах. Только наши две семьи, чужих звать не будем. Вроде вечеринки в день рождения. Сразу после дневного сна, когда малышки лучше всего себя ведут. Я не буду затевать полный обед, только десерт.

— Может, корейский десерт? — предложил Брэд.

— Ну не знаю…

— Разве это не будет уместно?

— Я посмотрела корейские десерты в интернете, — призналась Битси. — Пирожки со шпинатом, замороженный липкий рис…

На лице Брэда проступила тревога.

Битси сказала:

— Я подумала: можно приготовить слоеный торт с глазурью в виде американского флага.

— Великолепная идея!

— Со свечками? Или с одной — за один год. Но никаких подарков, решительно, — напомни мне сказать это Язданам. Они всегда приходят с подарками. И можно вместе спеть какую-нибудь песенку. Найдется же подходящая песня о том, как ждут чьего-то приезда.

— «Они едут из-за гор», например, — подсказал Брэд.

— Хорошо… и девочек можно нарядить по-корейски. Одолжим Сьюзен сагусам, как ты думаешь? У нее ведь наверняка нет, сам знаешь.

— Тоже хорошая мысль.

— Устроим что-то вроде торжественной церемонии. Девочки будут ждать в соседней комнате, мы зажжем свечи и начнем петь, а они выйдут к нам, держась за руки… это и будет Прибытие, как будто все заново. Согласен?

— И послушай! — спохватился Брэд. — Мы же можем показать видео!

— Видео! Идеально! — обрадовалась Битси.

Ее брат Мак соединил все сделанные в аэропорту съемки в единый ролик. С тех пор диск так и стоял без дела на полке, времени не хватало даже новости глянуть, но теперь появился шанс посмотреть этот фильм.

— Под конец вечера, чтобы слегка взбодрить всех, — сказала Битси. — Но не выйдет ли это чересчур — не покажется фальшиво? — тут же встревожилась она.

— Нисколько.

— Ты так уверен? Ты же скажешь мне, если что не так?

— Ты не сможешь сфальшивить, даже если постараешься, — сказал Брэд.

Что самое приятное — он говорил искренне. Битси знала: он вбил себе в голову, что она все делает правильно. Только и слышишь от него: «Битси говорит то», «Битси говорит се», «Давайте спросим у Битси». Она обеими ладонями обхватила его лицо, подалась вперед и поцеловала.

Битси предпочитала это не афишировать, но Брэд был не первым ее мужем. Первым был Стивен Бартоломью, единственный сын старинных

друзей ее родителей. Их родители ходили на свидания вчетвером все время, пока учились в Свартморе, и преданно поддерживали связь со студенческих лет, хотя Бартоломью поселились на другом конце страны, в Портленде. До своего поступления в Свартмор Битси видела Стивена ровно дважды, оба раза была слишком мала, чтобы его запомнить, но считалось, что они сразу же признают друг в друге кровного — вернее, духовного — родича. Первое же письмо от матери, полученное Битси в первом семестре, начиналось вопросом: «Ты уже нашла Стивена?» Разумеется, мать Стивена задавала ему такой же вопрос. И конечно же, в итоге они встретились и влюбились, что опять-таки никого не удивило. Стивен был по-эльфийски прекрасен: узкое безмятежное лицо, сумеречно-серые глаза. Она внешне попроще, зато прирожденный лидер, звезда кампуса, открытая, страстная. Четыре университетских года они считались неразлучной парой, хотя траектории учебы у них были совершенно разные (у него химия, у нее литература и к тому же политическая деятельность), так что они с трудом выкраивали время побыть вдвоем. В Рождество на последнем курсе они обручились, в июне, сразу после выпускного, сыграли свадьбу

и переехали в Балтимор, где Стивен устроился на кафедру в Хопкинс, а Битси повышала квалификацию в Колледж-парке.

А потом она познакомилась с Брэдом.

Вернее, так: сначала она стала замечать изъяны Стивена. Или в какой последовательности это было? Теперь она уже сама не знала. Но помнила, как однажды поняла: из всех эмоций наиболее привычная для Стивена — неодобрение. О, это узкое лицо оказалось выразительнее, чем она догадывалась. Этот человек весь так и корчился от фразы «не надо упрощать», он не допускал, чтобы звучащий повсюду припев песенки «Брожу и дивлюсь» его растрогал, потому что, видите ли, это грамматически неточно — «люди вроде как ты и я». «Куда все это ведет?» — то и дело вопрошал он, и чаще всего этот вопрос теперь был обращен к Битси: его возмущала ее манера тянуть время, небрежное ведение хозяйства, легкомысленное отношение к учебе. Весь мир, казалось ему, катится по наклонной плоскости ко все более низким стандартам, и при этой мысли Стивен морщился и передергивался, откашливался нервно и зловеще, в свою очередь доводя Битси до исступления.

Да, верно, бывают недостатки и пострашнее.

Одного этого недостаточно для развода. Но ведь они поженились, не зная друг друга по-настоящему, — они просто приятельствовали до свадьбы, с опозданием осознала Битси. Их очаровал сам образ идеальной пары, послушные дети изо всех сил старались угодить родителям — и они четыре года провели в разных концах кампуса, уж не затем ли, чтобы не позволить себе разобраться, как мало друг другу подходят. (Да ведь их, фактически, родители и сосватали заранее. И чем это так уж отличается от судьбы Мариам Яздан? Может быть, Мариам даже больше повезло. Битси хотелось бы расспросить ее.)

Словом, явился искренний, всем довольный, компанейский Брэд с пушистыми волосами, широкой улыбкой и безусловной верой в то, что лучше Битси никого на свете нет. Они познакомились на университетском митинге сторонников Джона Андерсона[3]: Битси яростно билась за Андерсона, а Брэд собирался голосовать за Картера, но еще не решился окончательно. Она принялась его урезонивать, потом отправилась пить с ним кофе — чтобы доспорить. Он ловил каждое ее

[3] Сноски: 3

Джон Андерсон (1922–2017) — политик-республиканец, в 1980-м баллотировался на пост президента США как независимый кандидат, поддерживаемый Лигой женщин-избирателей.

слово. Появились новые предлоги для встречи. (Проголосовать за независимого кандидата — не значит ли слить свой голос? А? Что она думает на этот счет, если честно?) Никогда Битси не встречала такого доверчивого человека. Даже то, что могло бы раздражать других — восторженность, намечающийся пивной животик, — лишь умиляло ее.

Всякий раз, когда они встречались на людях, в ней разгоралось опасение, как бы Брэду не приглянулась другая женщина. Да и как иначе? Она понимала, что сама-то не красавица. Девушка за стойкой в их любимой кофейне, к примеру, куда грудастее, и мало того — намного мягче, можно сказать, податливее. И главное — одинокая! Подливая им кофе, официантка сказала: «Я целиком и абсолютно выдохлась», и Битси почувствовала мстительное удовлетворение — такая избыточная конструкция, так невежественно звучит, «целиком и абсолютно», подумать только! — но тут же сообразила, что Брэд и внимания не обратил. Он начисто был лишен способности кого-либо критиковать. Но не было в том ничего страшного, ведь глядел он все равно на одну только Битси. Его голубые глаза были того же оттенка, что одеяльце для новорожденного, — чистые и

кроткие.

Она сказала, что ее брак уже много месяцев как распался, сказала, чтобы он и в голову это не брал. Она стала бесстыжей, беспощадной, зациклилась на своей цели и не ведала угрызений совести. Провела ночь в его пропахшей потными носками холостяцкой квартире и даже не потрудилась выдумать алиби для Стивена. А когда Брэд получил место преподавателя в Балтиморе, она бросила свои курсы и никогда больше не заглядывала в Колледж-парк.

Разумеется, родители, и ее, и Стивена, пришли в ужас от таких вестей. Больше, чем сам Стивен, — он-то, похоже, ощутил облегчение. Но родители поверить не могли, что идеальный брак оказался пшиком. Пытались свести все к «притирке» (это через год-то после свадьбы). Мать наедине допросила Битси: знает ли она, как важна, как бесконечно важна интеллектуальная совместимость в браке? А родители Брэда — право, о них лучше вспоминать пореже! Понятное дело, они решили, что сын сошел с ума. Нескладная, неуклюжая, да еще замужем и на год его старше, с нелепыми политическими взглядами! Дональдсоны голосовали за республиканцев и жили в Гилфорде. Встречаясь с родителями

Битси, они и поныне разевали рты, набирали в легкие побольше воздуха — и не могли отыскать ни единой темы, какую можно обсудить с подобными людьми.

Битси надеялась, что напряжение спадет, когда родители Брэда увидят внуков. Но внуков все не было (еще одно очко не в пользу Битси). Пятнадцать лет она билась, пытаясь забеременеть, пока другие женщины, безмятежно-счастливые, рассекали по супермаркетам с тележками, откуда дети чуть не вываливались.

Она прошла все мыслимые обследования и жестокие медицинские процедуры, и не раз на кончике языка у нее вертелся вопрос: «Неужели это моя вина? Не просто особенность моего тела, а моя природа? Не хватает мягкости, не хватает восприимчивости — ведь я бросила первого мужа без малейших угрызений совести».

Абсурд, разумеется. И ведь как хорошо все обернулось в итоге! Теперь у них есть драгоценная Джин-Хо, самая идеальная дочь, какую только можно вообразить. К тому же ребенок, нуждавшийся в помощи, — возможность сотворить в этом мире добро. Вспоминая прибытие Джин-Хо, Битси чувствовала: то была не первая встреча. Джин-Хо была им суждена, и бесплодие — часть

плана, условие для обретения истинной дочери. *О, это ты! Добро пожаловать домой!* — мысленно сказала Битси, впервые увидев это личико, и простерла руки навстречу.

Но конечно, никто не поймет, если она предложит называть это праздником Воссоединения.

Два брата Битси были ее моложе, но дети у них уже большие (прежде она завидовала немного). У Мака и Лоры сын-подросток, гений со справкой, чудной, неспособный адаптироваться в обществе, и пугающе сексуальная белокурая дочурка десяти лет. У Эйба с Джанин три девочки, восьми, девяти и одиннадцати лет, настолько схожие и обликом, и темпераментом, что их можно принять за тройняшек. Бедный Брэд даже в их именах вечно путается.

В день праздника братья с семьями прибыли первыми, за полчаса до назначенного часа, обе машины одна за другой припарковались перед домом, словно так и ехали вместе, хотя жили в противоположных сторонах. Сначала Битси рассердилась — она возилась с Джин-Хо, упаковывая ее в корейский костюмчик, кофемашину еще не включили, торт на стол не водрузили. А потом задумалась, нет ли у них на уме какого-то дела. Невестки с непривычным проворством спрова-

дили детей в комнату с телевизором, и как только взрослые устроились в гостиной, Эйб (младший из братьев) стал выразительно поглядывать на старшего. Битси же не спешила им на помощь, на то у нее имелись некоторые смутные причины. Более того, когда Мак произнес: «Итак! Ну вот. Раз уж мы тут собрались…» — Битси почувствовала внезапное желание его отвлечь и быстро сказала:

— Знаете, что я делала сегодня утром?

Все уставились на нее.

— Слушала аудиозапись того дня, в аэропорту. Подумать только, целый год прошел. Я говорю в микрофон, торжественно объявляю: «Все собрались здесь, все принесли подарки. Вот Мак и Лора, Эйб и Джанин». (На самом деле тогда она имен не перечисляла, это сейчас пыталась поинтереснее все изобразить.) Голос у меня испуганный, дрожит. Что правда, то правда: я была напугана до смерти. Все спрашивала себя: а вдруг не сумею отогреть это дитя? Что, если… ну да, мы уже видели фотографию, уже знали, какая она красавица, но вдруг вживую она окажется неприятной, даже отталкивающей? Всякое бывает, сами знаете. Разумеется, в этом никто не признается. Посмотрите хотя бы на Сьюзен. Милая, конечно, и все

же я частенько думаю: наверное, Язданы самую чуточку были разочарованы, когда увидели, насколько она заурядна. Желтая кожа, лысый лоб. *Потом*, само собой, они ее полюбили, и я не хочу сказать, что мы бы не полюбили такого ребенка, и все же… Ох, я в тот вечер была на грани срыва! Это и по голосу слышно. А потом я говорю: «О, вот она! О, какая красавица!» — и такой стук раздается, это, кажется, я уронила диктофон…

— А давай поставим эту запись сегодня на празднике! — воодушевился Брэд.

— Ну не знаю, боюсь, я почувствую себя дурой, если ее будут слушать другие люди.

— О, лапочка, почему же дурой? Это так мило.

— Битси! — решительно вступила Лора (она была директором школы и привыкла брать ответственность на себя). — Нужно поговорить о твоих родителях.

— О моих родителях?

Лора взглядом передала пас Маку. Тот выпрямился и произнес:

— Именно. О маме и папе. Наверное, не надо тебе объяснять, что маме становится все хуже.

— Уж конечно, не стоит объяснять это *мне*!

Братья и их жены, по мнению Битси, не проявляли достаточного внимания. Особенно гневным

взглядом Битси наградила Джанин, которая однажды отказалась везти Конни на химиотерапию, потому что младшенькая ждала в тот день в гости подругу.

— И ты сама видишь, сколько сил уходит у папы, — гнул свое Мак. — Лето было достаточно скверное, а в сентябре начнется школьный год, и я вовсе не понимаю, как он будет справляться. Он заговорил насчет досрочной пенсии, но он же так любит преподавать. Ужасно будет, если он бросит школу как раз тогда… перед тем как ему придется думать, чем заполнить свои дни, ты понимаешь? Мы решили, что ему следует нанять для мамы сиделку.

— О! — пробормотала Битси. Какое облегчение! Она-то страшилась, что они предложат ей самой ухаживать за мамой или даже перевезти маму к себе.

— Но они оба воспротивятся. Папа скажет, что хочет сам ухаживать за мамой, мама скажет, что ей вовсе не нужна помощь.

— Она ужасно *упряма*! — взорвалась Лора. — Неужели она не видит, как сама же все усложняет? Не поддаваться слабости — это все прекрасно, очень отважно и героично, только в реальной жизни от этого можно сойти с ума. Вечно устраи-

вает проблемы, которые сама не может решить, отказывается от ходунков и даже от трости, непременно хочет побывать в ресторане, где до туалета сто миль и три лестничных пролета…

Битси прекрасно знала, о чем речь, но слышать это от невестки, даже не от настоящей родственницы — такая уверенная и профессиональная, оправа «кошачий глаз», брючный костюм, жакет с прямыми плечами, — было оскорбительно.

— Ох, Лора! — вздохнула она. — Кто знает, как мы сами поведем себя в подобной ситуации?

— Хочется верить, что мы примем ее со смирением! — рявкнула в ответ Лора. Муж глянул на нее предостерегающе.

Эйб явно разволновался, но Лора в его сторону и не смотрела.

— Так что? — дожимала она Битси. — Мы пришли к решению? Наймем сиделку?

— Помощницу, — автоматически поправила Битси.

— Прости, не поняла?

— Теперь этих людей называют помощниками.

— Круглосуточную, ты согласна? Чтобы ваш отец не вскакивал по ночам.

— Сколько это может стоить? — спросил Бр-

эд. — То есть мы, разумеется, согласны, ведь так, Битси? Но не обойдется ли это нам в целое состояние?

— Не обойдется, если мы все сложимся, — ответила Лора.

Все посмотрели на Битси.

Она сказала:

— Да, разумеется, мы в доле. Но едва ли они примут от нас помощь, да и не в деньгах проблема. Папа, конечно же, зарабатывает достаточно.

— Да, но предложить деньги — это способ начать разговор, — растолковала ей Лора. — Вот как нужно подступиться: попроси сделать это ради тебя. Скажи, ты ночами не спишь, беспокоишься, тебе станет легче, если ты вместе с братьями будешь оплачивать помощницу.

— Я? — переспросила Битси. — Я должна к нему подступиться? А вы все?

— Ну, мы, естественно, тебя поддержим…

— Поддержите меня?

Но тут забренчал дверной звонок, и Битси вскочила, обрадовавшись отсрочке. Это же праздник! Вечеринка в честь Джин-Хо! А малышку запихали в комнату с телевизором, и взрослые, едва поздоровавшись, укрылись для своих секретных переговоров.

На крыльце стояли родители Зибы — мистер и миссис Хакими в официальных черных нарядах, улыбки до ушей. Миссис Хакими молча протянула огромный, роскошно упакованный сверток — вопреки четким инструкциям подарки не приносить, — а мистер Хакими воскликнул:

— Поздравляю, Дональдсон!

Такие экзотичные, благословенно далекие от скрипуче-скрежещущего разговора в гостиной.

— О, как я вам рада! — ответила Битси и напомнила: — Зовите меня, пожалуйста, Битси, — и приняла подарок, и поцеловала миссис Хакими в щеку.

Щека была на ощупь словно старый бархатный кошелек. А обтянутая пергаментной кожей голова мистера Хакими — как старинный глобус. Гости вошли в дом, уважительно поглядывая по сторонам, хотя пол был усыпан игрушками, а доставленная вчера упаковка подгузников так и торчала у вешалки.

— Какой день! Какой радостный день! — провозгласил мистер Хакими в дверях гостиной.

Это сработало, словно театральная ремарка: мужчины тут же поднялись, нацепили улыбки, невестки засуетились, дети оторвались от телевизора, требуя немедленного угощения. В дверь

звонили непрерывно: Язданы вместе с Мариам, родители Брэда и самые последние — родители Битси; мама сегодня вполне бодрая, крепко держится на ногах, и праздник наконец-то в самом деле стал праздником.

Почему Битси так привязалась к Сами и Зибе? У них было мало общего, кроме дочек. Язданы были намного моложе, порой даже казалось, что они чересчур молоды. Сами отличался присущей очень юным людям манерой принимать себя слишком всерьез — может, в этом как раз проявлялось его иноземное происхождение, ведь хотя говорил он с типичным балтиморским акцентом, умышленная, даже усердная небрежность манер выдавала в нем неамериканца. А Зиба, с тщательно ухоженными ногтями, темно-красным маникюром, волосами, выкрашенными хной, двуцветной помадой, — сама Битси подобными пустяками не заморачивалась уже много лет. Да и в молодости тоже.

Даже к воспитанию дочери Язданы подходили совсем иначе. Вообразите — изменить очаровательное имя Соуки, часть ее культурной идентичности, на простецкое Сьюзен, еще и рифмуется, Сьюзен Язден («Яздан», — поправила ее Зиба, когда Битси вслух усомнилась, хорошо ли

это звучит. Пусть так, и все же…). А уж наряд, в котором Сьюзен прибыла на этот раз, — платье из тех, что бабушка покупает ей в Вашингтоне. Сагусам, который одолжила ей Битси, уже валяется на диване, только дали всем полюбоваться — и сразу же сняли. Да и в целом их философия детоводства: работающая мать, сон по расписанию, напевные интонации и сюсюкание — «Сью-Сью-Сью! Сьюджан!», словно ребенок принадлежит к иному, не столь разумному подвиду человечества…

И все же Битси вспоминала о них в первую очередь всякий раз, когда ей хотелось с кем-то пообщаться: «Позвоним Язданам, узнаем, какие у них планы!» — и Брэд, похоже, был с ней в этом заодно. Возможно, причина в их мягкости — они были так уступчивы, готовы во всем идти навстречу, люди без острых углов. (В это описание Битси не включала Мариам, та порой вела себя заносчиво.) А еще… что ж, ведь женщины, родившие детей, составляют своего рода сестринство: сначала разговоры про результаты ультразвука, потом о боли при родах, затем о кормлении грудью. Среди знакомых Битси ни у кого не было приемного ребенка, так уж вышло. Все поддерживали ее решение удочерить, все вели себя в высшей степени деликатно, однако она чувство-

вала: в глубине души все считают усыновление второсортным вариантом родительства. О, этот праздник Прибытия скрывал немало ее тайных обид и ран. Вероятно, Сами и Зиба тоже через такое прошли.

Зиба однажды ей призналась: родители считают, что у кого дети не получаются, тому и не следует обзаводиться детьми, поскольку им, значит, это не суждено. «Рок!» — сказала Зиба со смехом, но Битси не засмеялась в ответ. Она склонилась к Зибе и накрыла ее руку своей ладонью. Зиба чуть не заплакала.

И вот две маленькие девочки смеются, катаются по ковру в столовой. Недавно они стали друг друга замечать, начали играть вместе, а не просто рядом. Сами расспрашивал Брэда, как ему новая «хонда сивик», Зиба помогала Битси подать на стол. У них сложилась традиция — чай всегда заваривала Зиба. Битси не верила, что Язданы чувствуют вкус бумажного пакетика, но Зиба уверяла, что это ужасно, и Битси теперь держала в буфете пачку листового чая, причем регулярно ее заменяла, потому что Язданы ведь могут уловить и вкус *старого* чая. Этот листовой чай Зиба непременно заваривала собственноручно, сооружая опасную на вид башню — заварочный

чайник на перевернутой крышке большого — и периодически заглядывая в чайничек и принюхиваясь, не дали ли уже листья искомый «распаренный аромат». Джанин и Лору ее манипуляции повергли в транс. Они прилипли к плите, всем мешали пройти, непрерывно задавали вопросы: «Неужели нет способа попроще? Это как-то слегка… искусственно. Почему нельзя просто бросить листья в большой чайник, — удивлялись они. — Исключить лишнее звено из операции?» Зиба только улыбалась в ответ. Битси втайне гордилась, словно ей была ведома одна из тайн Язданов.

Единственному мальчику, Линвуду, поручили зажечь свечу на торте. Битси решила, что это поможет «вовлечь» его, — такое неуклюжее создание, кадык да торчащие локти-колени, очки с толстыми замусленными стеклами, волосы слишком коротко обкорнали. Но, подойдя к столу, парень залился темной краской, а когда ему все же удалось зажечь спичку, он ухитрился ее выронить в тот самый момент, когда наклонился над тортом. Отец Битси, оказавшийся ближе других, прихлопнул огонек одной рукой и промолвил: «Все в порядке», хотя это было не совсем так — на скатерти появилась черная прожженная точка;

Битси такие мелочи не волновали, но три дочери Эйба заверещали, словно их кузен дом поджег.

— Боже, Линвуд, ну ты и придурок, — сказала ему сестра, встряхнув чересчур взрослой гривой светлых волос, на что Лора строго заметила:

— Достаточно уже, юная мисс, помолчите, пожалуйста.

Линвуд развернулся и попытался вслепую, головой вперед, пробиться сквозь толпу обступивших стол родичей. Еле-еле уговорили его на вторую попытку.

Тем временем Брэд сидел на кухне с Джин-Хо и Сьюзен, ожидая сигнальной мелодии, чтобы войти. Девочки никак не могли понять, в чем дело. Битси слышала голос Сьюзен: «Мама? Мама?»

— Зажигай уже чертову свечу, Линвуд! — потребовал Мак, и Лора вздохнула: «Мак!» Линвуд чиркнул спичкой, и свеча сразу же загорелась. Как удачно, что всего одна. Битси втайне прикидывала — на следующий год, когда будет две свечи, уже и девочки подрастут, справятся сами (разумеется, под наблюдением старших).

— Внимание все! — предупредила Битси и запела: — Они едут из-за гор, они едут из-за гор!

До последней минуты она все искала более подходящую по словам песню, должна же найтись

какая-нибудь ария о долгожданном прибытии. В «Мессии» точно есть, но это казалось кощунством. В итоге ничего не обнаружилось, а эту песню дети, по крайней мере, знали. И взрослые (за исключением приветливо улыбавшихся Хакими) подхватили первую строку, даже Линвуд что-то мямлил, и тут Брэд открыл дверь:

— Ура! Они здесь!

Обе девочки — Джин-Хо, ослепительно прекрасная в красно-голубом сатиновом наряде, Сьюзен в розовой кисее — цеплялись за его штаны, вид растерянный.

— Мы все готовы встретить их, как только они приедут, — заливалась Битси. — Иди ко мне, солнышко! — позвала она Джин-Хо. — Иди к нам, Сьюзен! Видите, какой у вас торт?

Торт был очень красивый, огромные звезды и полосы.

— Продавщица в кондитерской решила, что мы как-то поздновато отмечаем День независимости, — сказал Брэд Сами. Оба подхватили дочерей на руки и показывали им стол.

Эйб подошел ближе, нацелил камеру.

— Войди в кадр, — велел он Битси. — И вы, Зиба, тоже. Отлично, а теперь все вместе — улыбочку!

Все улыбнулись (кроме девочек, все так же

смотревших растерянно), и полыхнула вспышка.

— Мы поручим кузену и кузинам задуть свечу, — объявила Битси. — Девочки еще слишком малы, мне кажется. И если ты, Джанин, нальешь чай, а Лора предложит желающим кофе, а Пэт нарежет торт…

Редкий случай: Битси решила не делать все на свете сама. Она отмечала важнейшую в своей жизни дату (да, важнее даже, чем годовщина свадьбы) и хотела сполна этим праздником насладиться.

Линвуд, предсказуемо, от участия в задувании свечи уклонился, но четыре кузины с восторгом приняли участие в забаве, толкая друг друга и хохоча, и кое-как, скорее случайно, свечу удалось погасить. Затем мать Брэда нарезала торт аккуратными маленькими квадратиками, отец Битси принялся их раздавать. Он начал со своей жены — возможно, по привычке о ней заботиться, — но она в последнее время почти не могла есть и от этого угощения тоже отмахнулась. Она сидела на стуле с высокой спинкой, все прочие сбились в небольшие группы, кому с кем приятнее, и только Мариам тоже взяла стул и села рядом с Конни.

— Пожалуй, сейчас в самый раз выпить чаю, —

донесся до Битси ее голос и ответ Конни:

— Да, знаете, я тоже так думаю.

Мариам поставила перед Конни свою чашку и обернулась к Джанин за другой. Битси улыбнулась ей с благодарностью — возможно, Мариам этого не заметила. Она была в одном из тех сверхстильных костюмов, которые так любила, — облегающие ноги белые слаксы и черный топ с высокой горловиной, выставляющий напоказ загорелые руки, — но вдруг Мариам показалась Битси куда приятнее, чем прежде.

Двоюродные сестры Джин-Хо таскали малышек туда-сюда, словно гигантских кукол. Линвуд забился в угол и жадно поглощал торт. Мужчины заговорили о бейсболе, Пэт и две невестки Битси излишне суетились, угощая всех. Только Зиба и ее родители словно держались в стороне. Битси направилась к ним.

— У вас есть чай? — спросила она Хакими, хотя у обоих имелись и чашки и блюдца. — Торт попробуете?

Миссис Хакими улыбнулась шире прежнего, а мистер Хакими сказал:

— Так любезно с вашей стороны, миссис Дональдсон…

— Битси! — в сто первый раз поправила она.

К тому же она сохранила девичью фамилию, но сейчас указывать на такие подробности было неуместно.

— Мы с миссис Хакими талию бережем, — сказал мистер Хакими и похлопал себя по животу, который и правда стоило бы убавить, — зато его супруга обладала той приземистой, уютной фигурой, при которой считать калории — напрасное дело.

Зиба сказала:

— Но выглядит он изумительно. Вы его сами пекли, Битси?

— О боже, нет! С духовкой я никогда толком справиться не могла.

— Я тоже, — сказала Зиба. — Вот мама по сладостям специалист. Какую она готовит пахлаву!

— В самом деле? — Битси обернулась к миссис Хакими. Она знала, что говорить громче в надежде, будто от этого ее слова станут понятнее, очень глупо, однако почему-то не могла убавить звук. — Это же просто потрясающе! Пахлава! — выкрикнула она с энтузиазмом школьницы.

Миссис Хакими сказала:

— Я даже не покупаю… — И, беспомощно оглянувшись на Зибу, обрушила на дочь град фарси.

— Она и тесто не покупает готовое. Делает его

сама, — перевела Зиба. — Раскатывает так тонко, чтобы солнце просвечивало.

— Но это же… потрясающе! — повторила Битси.

— Моя жена очень талантливая личность! — провозгласил мистер Хакими.

Миссис Хакими прищелкнула языком и уставилась в свою чашку.

— Итак, теперь мы посмотрим видео, — спохватилась Битси. Она решила, что ей зачтется, если и эти слова она произнесет, как бы обращаясь к супругам Хакими, хотя предназначались они для Зибы. — Мои братья, и один из дядьев Брэда, и… в общем, многие, в том числе наши друзья, пришли в аэропорт с видеокамерами, когда мы встречали Джин-Хо. Так что сейчас мы покажем запись, но я должна сразу извиниться за то, что здесь будет только Джин-Хо. Мы же не знали тогда о Сьюзен — иначе мы бы и ее сняли тоже.

— О, это не беда, — ответила Зиба. — У меня все в памяти.

— Вот как? — переспросила Битси. — Удивительно, а у меня тот вечер совсем размылся. Помню, как впервые увидела Джин-Хо, ее личико, как протянула к ней руки, — но что дальше? Как она отреагировала? Все это словно сон.

Миссис Хакими ткнула Зибу пальцем в руку.

— Расскажи про Сьюзен, — потребовала она.

— Что рассказать, мамочка?

— Как мы ее впервые увидели.

— А! — сказала Зиба и повернулась к Битси: — Мои родители не приехали в аэропорт, если помните. Совпало с другой, более ранней договоренностью. — Тут она слегка взмахнула длинными ресницами: ну да, конечно, «предварительная договоренность» у них. — Они приехали к нам через несколько дней, и, когда вошли, Сьюзен как раз сидела в высоком стульчике. Она задрала бровки при виде родителей и сказала: «Хо». Конечно, просто лепетала, без всякого смысла, но прозвучало как слово на фарси — «хоб». «Хоб» значит «ну как?». Как будто спрашивала: «Ну как? Осмотрели меня и признали годной?»

Миссис Хакими подхватила:

— Хоб! — Она согнулась пополам от смеха, только успела прикрыть ладонью рот.

Ее муж подхватил:

— Ха-ха! — Взгляд его нашел на другом конце комнаты Сьюзен. — С характером ребенок, — сказал он. — Мы, Хакими, люди с характером, тем известны. У нас есть — как вы говорите? — позвоночник.

Битси улыбнулась и посмотрела туда же, куда и он. Сьюзен и правда, хотя совсем крошка, обычно проявляла удивительную решительность. Вот и сейчас она, видимо, подумала, что с нее хватит изображать из себя куклу, уселась в маленькое кресло-качалку Джин-Хо и вцепилась в подлокотники с такой силой, что когда одна из старших девочек попыталась ее вынуть, кресло оторвалось от пола.

Миссис Хакими все твердила «хоб» и смеялась, пряча рот за чашечкой ладони, а Зиба с нежностью смотрела на нее.

— Теперь они ее обожают, — сказала она Битси. — Это их любимая внучка теперь.

— Нет-нет-нет-нет-нет, — вмешался мистер Хакими и толстым указательным пальцем погрозил дочери. — У нас нет любимчиков. — Но едва ли он говорил всерьез.

— Так давайте же посмотрим запись! — опомнилась Битси. — Все-все! — Она захлопала в ладоши: — Идем к телевизору и смотрим видео!

Она проложила себе путь через толпу, сгоняя перед собой тех, кто задерживался, увлеченный разговором.

— Брэд, ты идешь? Лора? Джанин? Приведите девочек — они тоже еще не смотрели.

С утра она прибралась в комнате с телевизором, но дети ухитрились все там перевернуть. На ковре разбросаны подушки, в кресле валяется журнал «Тин Пипл» (конечно же, это Стефани, ей после десяти лет сразу исполнится двадцать). Битси подхватила журнал двумя пальцами и бросила на подоконник.

— Садись в кресло, — велела она матери. — Здесь тебе удобно? Дайте кто-нибудь подушку для мамы.

Брэд перебирал кассеты, наваленные на телевизоре.

— Дети, вы зачем вытащили из видеомагнитофона кассету? — вздохнул он. — Я же подготовил ее для просмотра. А. Вот! Нашел.

Старшие плотным рядом стеснились на диване — Хакими и родители Брэда, Дэйв пристроился на подлокотнике кресла рядом с Конни, а все остальные сели на пол, даже Мариам — едва ли не в позе «лотос», спина прямая. Эйб вызвался принести ей стул из столовой, но она ответила: «Спасибо, мне так удобнее», притянула себе на колени Сьюзен и обняла ее обеими руками. Недавно Сами и Зиба уезжали на выходные и оставили ребенка полностью на попечение Мариам. Битси так удивилась, когда они об этом рассказали.

Сама она в краткие отлучки — не более чем на пару часов, только совсем уж необходимое вроде визита к врачу — вызывала сертифицированную няню из «Ситтерз сентрал». Да и в любом случае, у мамы не было сил возиться с малышкой, а у свекра со свекровью собственная насыщенная жизнь, это они ясно давали понять. Но она и сама ни за что бы не согласилась провести ночь вдали от Джин-Хо. Извелась бы страхами. Дети ведь такие хрупкие. Теперь-то она это понимает. Стоит лишь подумать обо всех угрозах — розетки и шнуры от жалюзи; сальмонелла в курятине и токсичный мебельный лак; кусочки пищи точно по размеру трахеи и пузырьки с лекарством, которые забыли закрыть; наконец, двух дюймов воды в ванне достаточно, чтобы захлебнуться, — право, чудо, что некоторым детям удается дожить до зрелых лет.

Битси дотянулась до Джин-Хо и прижала ее к себе, хотя для этого пришлось обнять и ее кузину Полли.

— Начинаем! — объявил Брэд и отступил от телевизора.

На бледно-голубом, как бы стародавнем муаровом шелке экрана появилась каллиграфическая надпись: *Прибытие Джин-Хо.* «Класс», — пробормотал кто-то, а Мак сообщил:

— Я нашел эту фирму в справочнике. Вполне умеренные…

— Ш-ш! — дружно шикнули все.

Из телевизора уже доносился голос — все того же Мака, но более официальный:

— Окей, друзья, мы находимся в аэропорту Балтимор-Вашингтон. Вечер пятницы, пятнадцатое августа, 1997 год, время — девятнадцать тридцать девять. Жарко и влажно, самолет по расписанию приземлится через… сейчас посмотрим…

Брэд задернул занавески — синева муарового шелка загустела — и устроился на полу рядом с Битси.

— Смотри, моя хорошая, — сказал он Джин-Хо. Она сосала большой палец, полуприкрыв глаза. Днем не поспала, возможно, ей передалось общее возбуждение.

Задвигались беспорядочные фигуры: Дикинсоны, Дональдсоны, вперемешку, все в летней одежде, видно, какой жаркий денек, все потные и взъерошенные, даже самые привлекательные из них не в лучшей форме — за исключением Пэт и Лу, эти свежи и прекрасны, словно пара фарфоровых фигурок (тем не менее Пэт со своего места на диване пробормотала: «Господи! Я тут совсем старуха»). Одна из кузин проскакала по экрану,

болтались полы зеленой клетчатой рубашки.

— Это я! Моя старая рубашка! — завопила малышка Дейдра, и Джанин шикнула на нее. — Я так любила эту рубашку.

— Впереди — новоиспеченные родители, — вел репортаж Мак. — Брэд и Битси, оба очень счастливые. Битси поднялась сегодня в пять утра. Это самый важный день в их жизни.

Достаточно было этих слов, чтобы у Битси выступили на глазах слезы. Но самой ей казалось, что она тут на экране выглядит не столько счастливой, сколько испуганной. И такой несформировавшейся — такой робкой, неуверенной, словно лишь материнство превратит ее во взрослого человека. Вцепившись в диктофон, она что-то неслышное говорила в него, подбородок некрасиво выпячивался. Рядом с ней Брэд обеими руками сжимал автокресло, как будто их дочка должна была упасть с неба прямо туда. На этом эпизод завершился, и внезапно, сбивая зрителей с толку, на экране появился Мак самолично: кто-то со стороны снимал его, а он щурился в видеокамеру, поблизости в другую камеру щурился дядя Освальд. Битси вспомнила то Рождество в детстве, когда ей и братьям вручили фотоаппараты, — на снимках, оставшихся от того праздника,

вместо лиц видишь только фотоаппараты, нацеленные на того, кто снимает снимающего.

Голос из телевизора — теперь это был Эйб — повествовал:

— Я попытался сосчитать всех собравшихся, но на тридцать четвертом сбился со счета. Джин-Хо, солнышко, если ты смотришь это в какой-то момент в будущем, сама суди, как рада была тебе твоя новая семья.

Все оглянулись на Джин-Хо, но девочка уже уснула.

Появилась Конни, она выглядела гораздо лучше, чем в последние месяцы, рядом с ней Дэйв, а дальше Линвуд — прислонился к стене и яростно жмет на кнопки геймбоя. Эйб представлял каждого по мере того, как наводил на него камеру:

— Вот твоя тетя Джанин, а это Бриджит, твоя кузина, а это кузина Полли.

Камера быстро скользнула по двум посторонним, на миг остановилась на Лоре и вернулась к Линвуду. От такого может поплохеть, словно в автомобиле на скоростной трассе. Битси на секунду прикрыла глаза, а когда открыла, обнаружила, что человек, монтировавший записи в фильм, почувствовал примерно то же самое и оборвал на этом эпизод. Снова зазвучал голос Мака:

— Порядок, ребята, сейчас уже намного позже, самолет задержался, но приземлился наконец, и мы видим, как выходят первые пассажиры. Час настал. Великий, великий час!

Битси увидела высоченного юношу и сообразила, что видела его тогда. Двое бизнесменов, мальчик с рюкзаком, женщина, уронившая портфель, чтобы скорее обнять двух детишек в пижамах. Как странно: эти люди казались давними знакомыми, хотя она про них и не вспоминала с той ночи и даже не подозревала, что их лица отпечатались в ее мозгу. Будто перечитываешь книгу и натыкаешься на страницу, где можешь каждое слово произнести вслух на полсекунды раньше, чем его увидишь, хотя самостоятельно и не восстановил бы ничего.

Например, та женщина из агентства. Кореянка в голубом костюме, похожем на форму стюардессы; широкие скулы, строгая официальная манера. Битси выбросила ее из головы в тот самый миг, когда они с Брэдом завладели своей дочерью, — уволила ее, чуть не изгнала, как беса, — но эти две тонкие морщинки под глазами оказались настолько знакомыми, что Битси призадумалась: уж не видела ли она их с тех пор каждую ночь во сне? А сумка с подгузниками? Гляди, гляди!

Розовая синтетика, дешевая, плохо сшитая, возле ручки уже рвется, — они сразу же выкинули ее, заменили на ту, что Битси сшила собственноручно из собственноручно же сотканной материи, но вот эта сумка вновь, словно политик в гробу, появляющийся в вечерних новостях после того, как целый день демонстрировали его похороны.

И Джин-Хо. Вот она: камера крупным планом показала ее лицо и остановилась. Какая же маленькая! Все черты лица гораздо ближе друг к другу.

— Посмотри на себя, Джин-Хо, — шепнул Брэд, но для Битси девочка, уснувшая на коленях Полли, и младенец на экране были словно два совершенно разных ребенка. Боль утраты пронзила ее, как будто первая Джин-Хо навеки исчезла, перестала существовать.

На экране женщина из агентства передала малышку Битси, и Битси крепко прижала ее к себе, родственники улыбались и утирали платками глаза. Все, и там, на экране, и тут, в комнате, курлыкали тихонько, словно целая стая воркующих голубей. О, ведь правда же, усыновление — *лучше* деторождения? Более патетично, более осмысленно. Битси готова была пожалеть бедняжек, всего лишь родивших ребенка.

Очевидно, теперь камеру держал кто-то другой: Мак предстал на экране, он усиленно таращил глаза на Джин-Хо. Наверное, снимал дядя Освальд. Он в последний раз охватил стремительным движением камеры всех собравшихся, потом стал пятиться, дальше, еще дальше, чтобы вместить в кадр выход и последнюю горстку пассажиров, мужчину с тростью, седовласую чету и — о!

Сьюзен.

— Она все-таки попала в кадр! Мы ее сняли! — вскричала Битси. — Вот она!

Сами с Зибой тоже. И Мариам — царственная осанка, ясный, как звук трубы, голос: «Это мы. Яздан». Все трое явились без фотоаппаратов, без видеокамер и диктофонов, это бросается в глаза — они совершенно свободны от гаджетов. Путешествуют налегке по жизни. «У меня все в памяти» — так вроде бы сказала Зиба? На миг Битси позавидовала ей.

Камера запечатлела проход Язданов навстречу ребенку, а затем сосредоточилась на Сьюзен, на том немногом, что можно было разглядеть, — розовая футболка да редкие черные волосы.

Битси перегнулась через Брэда, высматривая среди зрителей Зибу. Та сидела рядом с Сами на полу у книжного шкафа.

— Как будто переносишься в тот день, правда? — окликнула она Зибу, и та ответила:

— Она такая крошечная! — Не отводя глаз от экрана. — Как будто это другая совсем девочка!

— Знаю, знаю.

— Мне от этого грустно.

— О, я это понимаю! — вскричала Битси. Если бы она сидела рядом с Зибой, она бы ее сейчас обняла, и Сами тоже, его милые маленькие очочки поблескивали в мерцании телеэкрана, словно слезы.

Затем Битси обернулась к телевизору — и обнаружила, что фильм уже закончился, по муаровому шелку бежали титры. *Особая благодарность организации международных корейско-американских усыновлений «Любящие сердца».* Брэд щелкнул пультом и поднялся, чтобы отдернуть занавес, комнату затопил свет. Все заморгали, распрямились. Джин-Хо спала, голова ее чуть колыхалась на груди Полли, но ничего страшного: у нее будет еще не раз возможность посмотреть эту запись и год, и два спустя. Битси похлопала Джин-Хо по ножке, обтянутой шелком, затем с усилием поднялась и подошла к Сами и Зибе. Сами держал на руках Сьюзен — бодрствующую, извивающуюся — и слушал инструкции Мака: тот объяснял,

какой фирмы видеокамеру следует купить, но Зиба тут же обернулась к Битси и обняла ее.

— Почему мне стало так грустно? — спросила она. — Разве это не глупо?

Она совладала с собой, утерла глаза. На плече у Битси осталось влажное пятно.

— Самый счастливый день моей жизни. Я его никогда не забуду.

— И я тоже — но хотели бы вы туда вернуться? — уточнила Битси.

— Ни за что!

И они обе рассмеялись.

— Пойдем, поможете мне заварить еще чаю, — позвала Зиба.

Они протолкались сквозь толпу — с трудом, у всех вокруг глаза были тоже на мокром месте, все норовили их обнять. Мать Битси сказала:

— Сердце щемит, как видишь нашу Джин-Хо, — такое путешествие малютка проделала одна!

Отец Битси поспешил уточнить:

— Как же одна? Ее привезла та приятная кореянка.

— Да, но ты же понимаешь, о чем я.

— Может быть, оттого нам и грустно, — сказала Битси Зибе, когда они очутились на кухне. — Мы так привыкли к девочкам и забыли, что они бы-

ли с нами не всегда. Мы видим, как их выносят из самолета, и вскрикиваем: «О, как же это, они летели так далеко без нас. Где же были мы?»

— И первые месяцы своей жизни они провели без нас, — подхватила Зиба. — Совсем одни! Сами за собой смотрели!

Женщины снова обнялись, рыдая и смеясь одновременно.

— О, Зиба, ведь больше никто не понимает, каково это! — продолжала Битси, прислонившись к раковине и нащупывая в кармане платок. — Как бы я хотела, чтобы вы жили поближе к нам. Ужасно каждый раз добираться до вас на машине. Вот бы вы поселились в соседнем доме — мы бы перекликались через забор, и девочки могли бы играть вместе сколько вздумается, без специальных договоренностей и подготовки.

Мысленно она уже видела это: обе они свободно приходят, уходят, хлопает сетчатая дверь — едва покончив с завтраком, девочки бегут друг к другу. Может, Сансомы из 2410-го согласятся продать свой дом Язданам? Они уже старые, и у них прекрасный дом на Кейп-Код, куда лучше стандартных в Хант-Велли.

Высморкавшись, Битси принялась развивать эту мысль:

— Мы могли бы подменять друг друга с детьми. Девочки быстро привыкнут.

— Станут чуть постарше, смогут ночевать друг у друга в гостях, — подхватила Зиба.

В кухню вошла Мариам. Деликатно отодвинула Битси в сторону, чтобы добраться до чайника.

— Если они все время будут вместе, они будут воспринимать удочерение как совершенно естественное, — рассуждала Битси. — То есть они поймут, что это обычное дело. Ни сомнений, ни комплекса неполноценности.

— Эта плита зажигается спичками? — спросила Мариам.

— О, простите! Нет, только эта конфорка, на остальных работает автоматика, — сказала Битси и снова обернулась к Зибе: — Я участвовала в поэтической группе и читала там про двух поэтесс, которые хотели всем-всем делиться друг с другом, и они установили отдельную телефонную линию и все время держали трубки снятыми, чтобы непрерывно общаться. Не то чтобы и я хотела так, но ведь и вы сочувствуете, понимаете, откуда такое желание?

— Они никогда не клали трубку на место? — уточнила Зиба. — Но ведь телефонная компания начала бы подавать такие сигнальные гудки.

— Ну я не знаю… может быть, какие-то детали не вполне точны, — сказала Битси. — Я же просто теоретически рассуждаю. Меня интересовало, как им удавалось не пропустить ни слова. Что, если одна говорила, а другая в тот момент выходила из комнаты? Не могли же они…

Со своего места у плиты Мариам заметила:

— Интереснее другое: что вас волнует именно это.

— Вы о чем? — удивилась Битси.

— Почему вас не беспокоит, что они могли услышать слишком много, а не слишком мало? Те личные вещи, которые у каждой семьи свои.

— А! — сказала Битси. — Ну да, разумеется. — Она оглянулась на Зибу: — Конечно, это было бы… Ну, наверное, они все же не держали трубки снятыми день напролет.

— Ага! — кивнула Мариам. — Тогда ладно.

— То есть я бы не стала так делать сама. Я же *сказала.* Я говорила только о том, что само это желание мне понятно.

Больше Мариам не комментировала. Она умела вот так оборвать разговор на полуслове, Битси уже замечала за ней эту манеру. Молча накладывала в чайник листья заварки. Вместо нее заговорила Зиба.

— И еще одна штука с этим видео, — сказала она. — Мне казалось, я помню все запахи. Помню, как пахла Сьюзен, когда я впервые взяла ее на руки, — словно пряная ваниль. Теперь она уже больше так не пахнет. Скорее как обычная ваниль. А вы тоже вспоминаете запахи?

— Нет… но я понимаю, о чем вы, — ответила Битси.

Но душа из разговора уже ушла. В собственной кухне Битси почувствовала себя неуместной. Мешала тут всем. Для нее дела не нашлось. У нее и в жизни не было своего дела, кроме Джин-Хо. Университет так и не закончила, никогда не работала на полную ставку. Занималась всякой ерундой, то йогу преподавала, то на поэтические семинары ходила, увлекалась гончарным ремеслом и ткачеством — всякие придуманные для себя профессии без устойчивого заработка и медицинской страховки. Брэд говорил, ее ткани изумительны, только он бы в любом случае так думал. Честно говоря, она уже много месяцев не садилась за ткацкий станок, а на прошлой неделе, вырядившись в одно из старых своих творений, вдруг поймала свое отражение в большом зеркале второго этажа и осознала, что с тем же успехом могла бы завернуться в ковер. Материал был

грубый, в ярчайшую полоску; жесткий, словно ящик, параллелепипед, из которого торчат тощие узловатые руки и ноги.

— Так, — сказала Битси, — надо присмотреть за… — Развернулась и ушла из кухни.

Она пересекла столовую, где Лора и ее сексуальная дочка шипели друг на друга поверх кофеварочной машины. Миновала Линвуда, который пристроился в дверях, обкусывая ноготь на большом пальце, Бриджит, тащившую Сьюзен в мини-качалку. В угловом кресле гостиной обнаружила мать — ее-то она, осознала Битси, и искала. Она прошла мимо супругов Хакими, им явно недоставало собеседника, но какое до этого дело хозяйке дома? Битси присела на ручку кресла рядом с матерью.

— Хорошо, что ты пришла, — тут же сказала мать, и Битси обрела утешение в мысли, что хотя бы одному человеку она здесь нужна. Однако в следующее мгновение мать протянула листок: — Вот!

— Что это? — спросила Битси.

— Это женщина.

Берта Макрей, прочла Битси, а рядом телефонный номер, тщательным округлым почерком.

— Женщина, которая приходит на дом, — ска-

зала мать.

— Приходит на дом?

Мать смотрела не мигая. В последнее время форма ее глаз изменилась. Нижние веки опустились, набрякли, это придавало ее лицу выражение укоризны, хотя мать никогда не имела склонности упрекать кого-то.

— Мне кажется, это не совсем сиделка, — уточнила мать. — Что-то вроде помощницы, но с сертификатом. Прошла обучение. И у нее есть две сестры, они работают посменно. Делят сутки на три смены.

— Откуда у тебя это? — спросила Битси.

— От Мариам. Эта женщина ухаживала за ее мужем перед смертью.

«Перед смертью». Какие резкие, сотрясающие душу слова, но Конни этого будто не замечала. Продолжала преспокойно:

— Мариам сказала, эта женщина все еще работает. Она с ней общается время от времени. Про сестер она в точности не знает, но если с ними не сложится, то эта женщина предложит других сменщиц.

Она взяла Битси за руку. У Конни так высохла кожа, что буквально обтягивала кончики пальцев, казалось — вот-вот прорвется.

— Поможешь мне с отцом? — попросила она.

— Чем помочь, мама?

— Ты же знаешь, он примется спорить. Скажет, что справляется сам. Но он не может всюду поспеть, Битси. Утром, днем, ночью. А мне то и дело что-то нужно — и я хочу просить и не опасаться, не слишком ли многого я прошу.

Битси выдохнула:

— Ох, мама! — и щекой прижалась к ее макушке. Бедные волосы, такие редкие, что сквозь них ощущается горячая кожа. — Помогу, конечно.

— Спасибо, моя хорошая.

Битси понимала, что должна быть благодарна Мариам, но в ней поднимался гнев. Словно Мариам присвоила себе нечто, принадлежавшее ей. Или сорвала ее план — да, так точнее. Хотя ведь и не было никакого плана, и следовало бы только порадоваться, когда этот план предложил кто-то другой.

Дети смеялись, шалили, мужчины обменивались техническими характеристиками автомобилей, мистер Хакими, кажется, что-то поучительное сообщал жене, однако говорил он на фарси, и Битси не понимала ни слова. Ей приходилось угадывать смысл по интонации, как приезжей в неведомой стране.

4

Сами охотно выступал перед родственниками с домашними скетчами, он даже славился этим. Родственники рассаживались в гостиной с чаем — кто-то из братьев и невесток Зибы, прибывших в гости из Лос-Анджелеса, или парочка тетушек или кузин из Техаса, — и кто-нибудь словно бы невзначай произносил:

— Эти американцы — разве их поймешь?

И рассказывал анекдот для затравки. Например: хозяйка спросила, откуда мы; я ответил: из Ирана. Она: «О, Персия». — «Нет, — сказал я, — Иран. Персия — выдумка. Всегда, с самого начала, был только Иран». — «Ну а я предпочитаю Персию, — сказала она мне. — Гораздо красивее звучит».

Все клохтали и кивали, сами не раз проходили через подобный обмен репликами. Ожидающие взгляды устремлялись на Сами. Тот закатывал глаза.

— Ах да! — говорил он. — Персидские страсти, это мне знакомо.

Иногда этого было достаточно, чтобы на лицах

слушателей проступили широкие ухмылки: они жадно ждали продолжения.

— Надо бы ответить ей: «О, если так, разумеется! Двадцать пять веков истории — пустяк, пусть они вас не смущают, мадам!» (Откуда это «мадам»? В таких случаях Сами невольно соскальзывал к более церемонной, даже напыщенной речи.) А она бы заспорила. «Нет, нет! — сказала бы она. — Иран — это новая выдумка. В тридцатые годы они сменили название». А вы ей: «В тридцатые вернули подлинное название». И тогда она: «Как бы то ни было, я лично собираюсь и впредь именовать Персию Персией».

Или же он высмеивал американскую страсть к логике.

— Ради логики они все время судятся друг с другом. По их логике, у любого события непременно есть причина. То есть кто-то непременно виноват, скажут они. Споткнулся на улице, потому что глазел по сторонам, и сломал ногу? Подавай в суд на город! Подавай в суд на магазин, где покупал очки, и на доктора, выписавшего эти стекла. Упал с лестницы, стукнулся головой о шкаф, поскользнулся на плитке в ванной? В суд на домовладельца! И требуй не только оплату медицинских расходов — еще и компенсацию

за боль, за эмоциональную травму, публичное унижение, удар по самооценке!

— Ооо, бедная моя самооценка! — стонал кто-то из родственников, и все смеялись.

— Любая неудача для них — личная обида, — продолжал Сами. — Им всю жизнь везет, и они представить себе не могут, что какое-то злосчастье вправе с ними приключиться. Тут какая-то ошибка! — говорят они. Ведь они всегда были очень осторожны. Тщательно читали все инструкции по безопасности — и ярлык ОПАСНО на фене, с подписью: *Вынимайте из розетки после каждого использования,* и мелкий шрифт на пластиковом пакете: *Это не игрушка,* и брошюру по переработке пластика: *Прежде чем наступить на молочную бутылку, чтобы ее расплющить, просим вас найти надежную опору и крепко за нее ухватиться.*

Или Сами пускался описывать небольшую сценку, демонстрирующую уверенность американцев в том, что весь мир смотрит на них затаив дыхание.

— Представьте: друг моего отца, знаменитый поэт, был приглашен в страну по гранту. Его возили из штата в штат и показывали, как откармливают скот. «Смотрите, сэр, мы применяем

самые современные методы ротации посевов, чтобы обеспечить адекватный запас…» Лирический поэт! Горожанин, родившийся и выросший в огромном Тегеране!

Или же объектом исследования становилась пресловутая американская «открытость».

— Они сразу такие дружелюбные: «Привет, ты славный парень», «Как дела, расскажи мне все про нелады с женой», но разве кто-нибудь из них впускает вас по-настоящему в свою жизнь? Сами подумайте! Подумайте!

Или их притязания на толерантность.

— Они говорят, их культура не ведает ограничений. Свобода, все разрешено, делай что хочешь и других не трогай, такая у них культура. Но все это значит одно: ограничения они держат в секрете. Ждут, пока ты нарушишь какое-то правило, и тогда вдруг обдают тебя холодом, отдаляются, не хотят ничего объяснять, и ты понятия не имеешь, что произошло. Вот мой кузен Давуд. Племянник матери. Он прожил тут полгода и уехал в Японию. Говорит, в Японии тебе хотя бы сразу объясняют правила. Хотя бы признают, что эти правила *существуют.* Ему там гораздо удобнее жить, по его словам.

И все присоединялись с собственными ис-

ториями — о внезапном разрыве дружеских отношений, о глухом молчании в ответ на самый естественный вопрос.

— Нельзя спрашивать, сколько стоило платье. Про цену дома тоже спрашивать нельзя. Так про что же их можно спрашивать?

Эти разговоры происходили на английском языке, потому что Сами не владел фарси. Наотрез отказался от этого языка с того дня в детском саду, когда выяснилось, что никто из сотоварищей его не понимает. И потому его претензии нелепы, указывала Мариам.

— Ты говоришь с балтиморским акцентом, — твердила она. — Родился в Америке, воспитан в Америке, никогда и нигде больше не бывал. Зачем же ты все это выдумываешь? Ты сам американец — ты насмехаешься над собственным народом.

— Ай, мама, это же просто шутки, по-доброму, — возражал он.

— Не так уж по-доброму, на мой взгляд. А что бы ты делал без этой страны? Ну-ка, ответь! Ты все принимаешь словно по праву, вот в чем беда. Понятия не имеешь, каково жить в стране, где приходится следить за каждым словом и таить свое мнение про себя, то и дело оглядываться

через плечо, вдруг кто подслушивает. О, не думала я, что ты заговоришь на такой манер, когда вырастешь. В детстве ты был большим американцем, чем все американцы.

— Ты сама слышала, что сейчас сказала? — перебивал он. — «Бóльшим американцем, чем все американцы». А ты не задумывалась, почему это было так?

— В старших классах ты встречался только с блондинками. Я уж смирилась с тем, что мне предстоит стать свекровью Сисси Паркер.

— Мне и в голову не приходило жениться на Сисси.

— И уж никак я не ожидала, что ты выберешь девушку из Ирана.

— Почему бы и нет? — отвечал он.

Он не был совсем искренен, ведь в глубине души он и правда всегда думал, что женой его станет «настоящая американка». В детстве он мечтал о семье из сериала «Брэди Бранч»: спокойный папаша в клетчатой рубашке, такой дружелюбно-фамильярный, и мама — спортивная и подтянутая, а не экзотичная. Он был уверен, что его одноклассники непрерывно угощаются сосисками барбекю, играют в футбол на заднем дворе и зубами вылавливают яблоки из

бочки с водой. И ему представлялось, что такую жизнь откроет перед ним жена. Но на последнем курсе университета он познакомился с Зибой. В отличие от девушек, которые росли в семьях старинных друзей его родителей, она казалась беспечной и независимой, она была уверена в себе и откровенна. После первого же их совместного семинара («Промышленная революция», весенний семестр) она прямиком подошла к Сами и спросила:

— Иранец, угадала?

— Угадала, — ответил он. Собрался с духом, готовясь к обычной болтовне: из каких мест, в каком году, с кем знаком — и все это в той обычной манере, сочетающей заигрывание и прилипчивую почтительность, какую иранские женщины обрушивают на противоположный пол.

А она попросту сказала:

— Я тоже. Зиба Хакими. — Легонько помахала ему кончиками пальцев и ушла к друзьям, американским друзьям, среди них были и парни и девушки. Она носила джинсы и футболку с названием группы *Tears for Fears*, а волосы стригла так коротко, что могла с помощью геля превратить прическу во что-то вроде панковского гребня.

Но по мере того как они сближались (с каж-

дым днем их разговор затягивался чуть дольше, сложилась привычка выходить из аудитории вместе), Сами стал замечать, сколь многое им было друг в друге понятно без слов. Невидимый плащ общего происхождения окутывал их. В середине марта она спросила, едет ли он на выходные домой, и не требовалось пояснять, что речь идет о Новом годе. Он заставал ее на ступеньках библиотеки, она перекусывала — не чипсами, не печеньем, а резала на кусочки грушу маленьким серебряным ножом. В точности такой же его мать после каждой трапезы выкладывала на стол вместе с фруктами.

Летом после выпускного он часто приезжал в Вашингтон и приглашал Зибу в ресторан или в кино, познакомился со всеми ее родственниками. Хакими казались и знакомыми, и чуждыми. Он узнавал язык, на котором они говорили, еду, которой угощали, их любимую музыку, но его смущал изобильный стол и коллекционерская страсть к самым дорогим и показушным брендам — «Ролекс», «Прада», «Феррагамо». Еще более его бы смущали их политические убеждения, но ему хватало ума избегать разговоров на эту тему (родители Зибы только что на колени не становились при упоминании шаха).

Что бы подумала его мать о таких людях? Он хорошо знал, что бы она подумала. Он привел домой Зибу и познакомил с матерью, но родственников ее не упоминал. И мать, благосклонно принявшая Зибу, ни разу не предложила собраться обоим семействам вместе. Впрочем, мать бы, вероятно, и при другом раскладе не спешила со знакомством. Она частенько бывала такой — замкнутой.

Осенью занятия в университете возобновились. Сами писал диплом по европейской истории, Зиба перешла на старший курс. К тому времени они были по уши друг в друга влюблены. Сами снимал плохонькую квартирку за пределами кампуса, и Зиба проводила там все ночи, хотя одежду держала в своем общежитии — чтобы семья ничего не заподозрила. Родственники являлись еженедельно, с завернутыми в фольгу мисками баклажанной икры, с домашним йогуртом. Они прижимали Сами к груди, целовали в обе щеки и спрашивали, как подвигается учеба. Мистер Хакими не одобрял его выбор — европейская история не самое перспективное поприще. «Что будете с этим делать? Учить, — рассуждал он. — Станете профессором, будете учить студентов, которые, в свой черед, станут профессорами. Как те насекомые, что живут лишь несколько дней

ради одной цели — произвести себе подобных. Разве это разумный план? Я бы не сказал!»

Сами не утруждался с ним спорить. Только посмеивался: «Каждому свое».

Но каким-то образом — как это произошло? — к тому времени, как они с Зибой поженились (следующим летом, в конце июня), он согласился работать в компании ее дяди. «Пикок хоумс» застраивала перспективные регионы Северной Виргинии и округа Монтгомери и как раз планировала охватить Балтимор. Поначалу работа считалась временной — просто попробуй, твердили все, не понравится, осенью вернешься в университет. Ему понравилось. Он полюбил эту роль доброго волшебника, пары сообщали ему свои драгоценные, трогательно подробные мечты («Хочу плиту с панелью управления на уровне глаз. Хочу нишу для стола рядом с холодильником, где жена будет готовить на всю неделю»).

Он подготовился к профессиональному экзамену и сдал успешно. Переехал в новенький домик фирмы, Зиба устроилась на работу к кузену Сирузу в «Сируз дизайн» («Серьез-дизайн», произносили многие клиенты) и обставляла дома, которые продавала «Пикок хоумс».

Если Мариам и огорчало, что Сами отказался

от академической карьеры, она об этом молчала. Да, конечно, для нее это разочарование — но это его выбор, считала она. Она держалась любезно с Хакими-старшими, с Зибой была очень ласкова. Сами видел, что Зиба пришлась ей по душе, и едва ли только потому, что девушка тоже была родом из Ирана. Мать даже отдала ему обручальное кольцо, которого он никогда прежде не видел, — старинное, с бриллиантом. Хакими и те были удовлетворены. Может, и не вполне удовлетворены, для этого бы понадобился *огромный* камень, но, по крайней мере, они выразили благодарность. О, с обеих сторон все вели себя наилучшим манером.

Дональдсоны не пользовались особым иммунитетом, когда Сами принимался высмеивать американцев. Напротив, их-то он обличал с особым пристрастием. Они были удобной мишенью, особенно Битси — в джутовых мешках вместо платьев, с ее стремлением побить все рекорды в употреблении органической пищи и невероятными оборотами речи.

— Похороны своей матери она назвала «торжеством», — сообщил Сами родичам, — так и сказала: «Прошу вас обоих посетить торжество моей матери».

— Может, с горя оговорилась? — посочувствовал отец Зибы.

— Нет, не оговорилась. Дважды повторила: «И пожалуйста, сообщите о торжестве Мариам».

На этот раз запротестовала Зиба.

— Что тут не так? — спросила она Сами. — О похоронах так часто говорят: торжество, торжественные проводы. Это самое расхожее выражение.

— И я о том же! — фыркнул он. — Штамп, расхожее, *шикарное* выражение.

— Как не стыдно, Сами! Дональдсоны наши лучшие друзья. Они так к нам добры.

Они правда были очень к ним добры. Благодушные, приветливые, гостеприимные. Но лучшие друзья? Тут у Сами оставались сомнения. Не то чтобы он мог назвать других, более близких друзей, но Битси порой действовала ему на нервы. И он не мог удержаться от соблазна посмеяться над ней. Она прямо-таки напрашивалась.

— Послушайте, — рассказал он невесткам Зибы, — несколько недель назад Битси начала приучать дочку к горшку. Сделать это она собиралась с помощью «позитивного закрепления». Битси большой специалист по «позитивному закреплению». Как же она поступила? Устроила

праздник горшка. Надела на Джин-Хо шикарные трусы и разослала приглашения четырем ее сверстницам, в том числе Сьюзен. Наверное, предполагался дресс-код «все в трусах», но она хотя бы не настаивала — нам повезло. Потому что Сьюзен еще в этом деле не смыслит, и мы привезли ее в подгузнике. Но Джин-Хо была в трусах — все время задирала юбку, чтобы нам продемонстрировать, — и еще двое детей. А потом у кого-то — не будем называть имен — случился инцидент, и родители начали принюхиваться, и лица у них сделались такие странные, и все смотрели друг на друга, и наконец кто-то сказал: «Не кажется ли вам?..» Но было уже поздно, *совсем поздно,* потому что неприятность эта произошла на заднем дворе, пока они все там играли, и они десятки раз пробежались по этому самому, прежде чем вернулись домой подкрепиться, и прошлись по коврам, залезли на стулья в гостиной… — Он уже давился от смеха и вынужден был сделать паузу, чтобы отдышаться, и родственники тоже качали головами, с трудом удерживаясь от хохота. — Представляете! — сказал Сами. — Такая вот тематическая вечеринка.

— Надо быть снисходительнее, Сами! — укоряла Зиба.

— Кстати, о вечеринках, — добавил он. — Разве не квинтэссенция американизма — идея Дональдсонов, будто день, когда их дочь попала в эту страну, важнее дня, когда она появилась на свет? На день рождения они дарят ей пару вещичек, но в день ее приезда в Штаты устраивается полномасштабный праздник Прибытия, огромное мероприятие с участием родственников с обеих сторон, с пением песен и показом видео. Гляди! Ты достигла Обетованной Страны. О столп славы!

— Не обращайте на него внимания! — попросила Зиба.

Родственники Зибы и сами были рады-радешеньки попасть в Америку, но все же и они усмехались, не могли удержаться. Сами продолжил:

— Вы же понимаете. И знаете что, сейчас, ко второй годовщине, устраивать этот праздник придется нам.

— Не *придется,* а я сама вызвалась, — поправила его Зиба. — Наша очередь. В прошлом году принимали они. Только у них подавали торт с напитками — и все, а мне кажется, лучше накормить гостей настоящим обедом.

— Да! Иранским обедом! — подхватила одна

из невесток.

— С кебабом, — дополнила другая. — И моргх поло, и сабзи поло, и, может быть, хорошенькой ширин поло…

— Стоп! Стоп! — вскричал Сами, но его возглас заглушила тетя Азра.

— Мне только что сообщили секретный рецепт настоящего мороженого из розовой воды, — сказала она, подалась вперед, прикрыла рот сложенной горсткой ладонью, словно опасаясь шпионов, и шепнула: — Берете кварту «Кул Вип»…

— Вы не поняли, о чем я! — запротестовал Сами, но его уже никто не слушал.

В тот момент, когда готовился праздник Прибытия, у семьи Зибы гостили семеро родичей — двое братьев Зибы с женами и двумя маленькими дочками, а также тетя Азра. Само собой, родители Зибы приехали из Вашингтона поучаствовать в общем веселье, и в доме оказалось девять человек сверх обычного. Приготовления заняли у них неделю — то есть заняли неделю у женщин, мужчины к этому никакого отношения не имели. Они сидели в гостиной, сообщавшейся с кухней, так, чтобы не путаться под ногами, но от женщин их отделяла всего лишь стойка, и

они могли подслушивать женские разговоры, попивая крошечными стаканами чай, перебирая массивные янтарные бусины четок и время от времени комментируя негромким кряканьем самые отборные женские новости.

Тетя Азра, например, разводилась с мужем. Она приехала из Тегерана без него — повидать своих детей в Техасе, и надумала остаться навсегда. Поняла вдруг, что ей не нравится секс (мужчины выразительно приподнимали брови, поглядывая друг на друга). Слишком много сил расходуется и слишком много беспорядка, заявила она и захлопнула крышку на рисовом горшке. Женщины желали знать, как принял это ее муж.

— Ну, — сказала она, — я позвонила ему утром в пятницу, когда у нас раннее утро, а там уже вечер, и я знала, что вскоре он пойдет к брату играть в покер. И там найдутся желающие его утешить. Особенно жена его брата Ашраф. Помните Ашраф? Цвет лица очень неудачный, с прозеленью, но такая добрая, такая сочувствующая. В тот раз, когда у меня был выкидыш, она пришла ко мне и говорит: «Я сделаю тебе халву для укрепления сил, Ази-джан». А я отвечаю: «Ох, у меня совсем нет аппетита», а она: «Доверься мне». Пошла на кухню, отослала прочь Акбара — в это время у

людей еще были слуги, помните Акбара? Он вместе с братом-близнецом явился к нам из какой-то деревни, такие маленькие, что еще и говорить толком не могли, оба в лохмотьях. Брат хромал, но был очень сильный, он взял на себя сад и вырастил прекраснейшие розы. Никогда ни прежде, ни потом у нас так не цвели розы. Моя соседка госпожа Массуд однажды сказала — та самая соседка, чей сын полюбил девушку-бахаи…

— Так ваш муж? — заорал отец Зибы с той стороны кухонной стойки. — Муж-то ваш как?

Женщины переглянулись, Азра подошла к ним ближе и понизила голос.

— Скверно будет выглядеть, если, утомив нас всеми этими пустяками, она признается, что ее муж застрелился, — сказал мужчинам мистер Хакими.

Он говорил на фарси. Они все говорили на фарси, если только не обращались к Сами или Сьюзен. Каждый раз, когда на такой междусобойчик являлся Сами (а он, между прочим, каждый день ходил на работу), все приветствовали его по-английски и тесть по-английски же спрашивал: «Много ли домов продал сегодня? А?» — но, не дожидаясь ответа, переходил на фарси и сообщал сыновьям: «Мамал говорит, последние

месяцы рынок недвижимости процветает». И на том с английским было покончено. Сами это вполне устраивало. Избавляло от необходимости вносить свою лепту в разговор. Он подхватывал Сьюзен, сажал ее себе на колени и удобно устраивался послушать других. Как и эти мужчины, подслушивающие женские сплетни, — зависящие от женских сплетен, в них обретающие связь с реальностью, — он плыл по спокойному течению фарси, понимая на девять десятых, позволяя одной десятой скользить мимо. Мужчины обсуждали предложенные родичем инвестиции, женщины — стоит ли всыпать еще щепотку шафрана. Племянницы ссорились из-за «уокмена». Если Сами задерживался надолго, о его присутствии забывали и заговаривали о том, чего ему слышать не следовало, — о новом способе уклонения от налогов, который изобрел дядя Ахмад, или же отпускали какую-нибудь зубастую шутку насчет Мариам («Ханум сказала бы, класть картошку на дно рисового горшка — это обман»; «ханум» при этом придавало всей фразе оттенок ядовитый и сатирический). Отношение этих женщин к его матери не слишком-то задевало Сами, потому что он считал его заслуженным. Взять хотя бы ее манеру до сих пор называть мать

Зибы «миссис Хакими», а не «Гита-джан», — и это не было просто недосмотром, он прекрасно это понимал.

— Где корица? Кто ее взял? — спрашивала Зиба. На фарси она произносила слова в нос, гнусавее, чем Мариам, — как раз настолько, чтобы Сами ощутил притягательность непривычного.

— Я спросила его, когда он уезжает, — сообщила одна из невесток Зибы другой, — и он сказал, что еще не решил, до свадьбы или после свадьбы. «А свадьба-то когда?» — спросила я, и он сказал, что не знает, потому что еще не выбрал невесту.

Мать Зибы, обвязавшись фартуком со светофором — желтый свет и надпись: ОСТОРОЖНО! У ГРИЛЯ МУЖЧИНА, — плюхнула на стойку горшок и слегка выдохнула. Иранские женщины очень трудолюбивы, это Сами всегда признавал. Они готовят блюда, требующие долгой работы, — сотни свернутых вручную маленьких голубцов в виноградных листьях, десятки смазанных маслом листов прозрачного теста — для каждой трапезы. Вон тетя Азра слепила несколько фунтов фарша в огромный шар, похлопывает его быстрыми, умелыми шлепками. Мужчины поднялись и вышли во двор покурить. Мистер Хакими любил толстые, черные, пахнущие шинами сигары, у

обоих братьев Зибы (средних лет и такие же лысые, как отец) пальцы пожелтели от ежедневной пачки сигарет. Запрет дымить в доме казался им нелепым. «Пассивное курение», — скривился один из них, выплюнул этот штамп по-английски и снова перешел на фарси.

— Я курил рядом с моими дочерями с их рождения, и посмотрите — они куда здоровее Сьюзен.

Все они считали, что Сьюзен для своего возраста слишком мала и бледна. Они также считали, что она чересчур похожа на китаянку, но после нескольких столкновений Зиба отучила их упоминать об этом вслух.

— Как твои родственники воспримут ребенка азиатской расы? — спросил Сами, когда Зиба впервые заговорила об усыновлении.

Зиба ответила не раздумывая:

— Мне все равно, что подумают родственники, мне нужен ребенок.

А поскольку в том, что Зиба не могла родить своего, был виноват Сами, он был вынужден уступить ее желанию. Собственные сомнения он скрывал от всех, кроме матери, ей он изливал душу, заезжая к Мариам по нескольку раз в неделю, украдкой, словно к Другой Женщине, сидел у нее на кухне, сцепив руки между колен, пока

чай безнадежно остывал, и говорил, и говорил, а Мариам слушала неуступчиво.

— Знаю, Зиба верит, что мы таким образом кого-то спасем, — рассуждал он. — Дадим шанс ребенку, обделенному судьбой сироте. Но это не так просто, как ей кажется, взять и изменить чужую жизнь к лучшему! В этом мире легко творить зло, а вот с добром все сложнее, мне кажется. Легко разбомбить здание в щебенку, но трудно построить, легко причинить ребенку вред, гораздо сложнее решить его проблемы. Мне кажется, Зиба этого не понимает. Думаю, ей видится, как мы просто забираем себе какого-то везунчика и обеспечиваем ему счастливую жизнь.

Он ожидал от матери возражений (он *хотел*, чтобы она оспорила его слова), но Мариам молча отпила чаю и опустила чашку на блюдце. Сами продолжал:

— И ведь к ребенку не прилагается гарантия. Его нельзя будет отдать обратно, если что-то не сладится.

— Рожденного тобой ребенка тоже обратно не отдашь, — напомнила мать.

— Но меньше вероятность, что тебе захочется его вернуть. Родной ребенок — твой по крови, ты узнаешь в нем свои черты, и потому тебе легче с

ними смириться.

— Или труднее, — заметила мать. — Те черты, которые тебе не нравятся в самом себе, такое ведь тоже случается.

Правда, случается? Сами предпочел не углубляться в этот вопрос. Он поднялся, покружил по кухне, глубоко запихав кулаки в карманы. И так, стоя спиной к матери, он признался:

— А еще я боюсь, что этот ребенок будет чувствовать себя чужим. Он или она всегда будет таким явным иностранцем, с корейской или китайской внешностью. Понимаешь?

Он обернулся к матери; она смотрела на него как будто бы с любопытством, но по-прежнему молчала.

— Я знаю, это звучит высокомерно, — сказал он.

Она отмахнулась от его слов и снова отпила чаю.

— И потом, — сказал он, — раз уж мы об этом заговорили. Будет же совершенно очевидно, что мы не настоящие родители. Даже на самое отдаленное внешнее сходство рассчитывать не приходится.

Мать ответила:

— Ну да, но когда ребенок похож на тебя, как

бы не забыть, что он — не ты. Гораздо лучше получать такое напоминание каждый раз, как на него поглядишь.

— Не думаю, что мне понадобится напоминание, — возразил он.

— Помню, как-то в старших классах ты позвонил девочке и сказал: «Это Сами Яздáн». Меня это поразило: мой такой американский сын. Отчасти мне было приятно. Отчасти грустно.

— Да, я хотел быть как все! — откликнулся он. — Я был недостаточно американцем. По крайней мере, для них. Для ребят из школы.

Она снова помахала рукой и сказала:

— Не в этом дело. Ты просто боишься, что не сможешь полюбить этого ребенка. Но ты его полюбишь. Обещаю.

Какое из материнских утверждений показалось ему более самонадеянным: что она знает его подлинные мысли или что она способна предсказывать его чувства? Но разумеется, она оказалась права и в том и в другом. В последние недели перед прибытием Сьюзен ему чуть ли не ежедневно снились кошмары: то привезли монстра, то гигантскую ящерицу, то, однажды, нормального с виду ребенка, но с ужасными вертикальными зрачками, как у козы, а Зиба ничего

не подозревает и гневается, когда Сами пытается ее предостеречь. Но, едва увидев тонкие ломкие волосики Сьюзен, ее тревожное, сморщенное личико, вовсе не красивое, что бы там ни воображала Зиба, Сами почувствовал, как что-то в нем поддалось, обрушилось, и родилось яростное желание защитить малышку. И если это еще не было любовью, то очень скоро ею стало. Сьюзен теперь была усладой его жизни. Невероятно очаровательная, забавная, завораживающая и да — в итоге красивая, о чем он даже немного сожалел, потому что именно ее некрасивость тогда сразу ухватила его за сердце. Щеки округлились, но губы остались поджатыми, словно девочка все время что-то такое серьезное обдумывала, а волосы тем временем отросли, и их удалось соединить в два похожих на кисточки хвостика, по одному над каждым ухом.

Когда Сами сидел с дочкой в кругу родственников, она доверчиво прижималась к его груди и время от времени похлопывала отца по запястью или изворачивалась, чтобы взглянуть ему в лицо, ее дыхание сладко отдавало дешевым виноградным напитком, к которому она пристрастилась.

Женщины пустились обсуждать надежды тетушки Азры на иммиграцию — есть ли у нее хоть

малейший шанс получит гринкарту, — и Сами пришлось разгадывать переведенные на фарси термины: «Али говорит, что мне понадобится…» (что-то, что-то еще, еще что-то). Потом вернулись со двора мужчины, окутанные почти видимой глазу дымкой табака и пекла, и женщины прервались, чтобы объявить о нехватке томатной пасты. Мужчины очень обрадовались. «Я пойду! Я пойду!» — сразу же заявили все трое. Они обожали американские супермаркеты.

«Сами, ты идешь?» — окликнули его по-английски, и он понимал, что придется, хотя жаль расставаться с женской болтовней, которая как раз в тот момент, когда нашлись ключи от машины, перекинулась на убежденность Зибы в том, что Битси предпочитает жилище Мариам дому, где они сейчас сидят. Атуса, старшая невестка, упрекнула Зибу в мнительности: «Предпочесть маленький старомодный домик ханум этому большому, прекрасному, современному, со всеми новыми штучками? Ты просто нервничаешь, Зибаджан. Переживаешь из-за будущего праздника».

Сами нехотя посадил Сьюзен подле ее малолетних родственников и вышел вслед за другими мужчинами.

— Всех поздравляю с днем Прибытия! — провозгласила Битси. — Ведь правда, погода идеальная для праздника. Мы привезли видео. И пропановую зажигалку для свечей, ради безопасности — не стоит давать девочкам спички. И фотографии прошлогоднего праздника привезли, можем устроить выставку.

Она поцеловала Сами в щеку, торопливо обняла Зибу, за ней по пятам на некотором расстоянии следовал Брэд с огромными пакетами из магазина. Завершала процессию Джин-Хо, она медленно шествовала по дорожке к дому, таращась на свои сандалии — на вид слишком большие и слишком жесткие, верный признак только что купленной обуви. (Ага: на этот раз, значит, обошлись без корейских костюмов.) Сами всегда немного тревожил тот факт, что Джин-Хо выше Сьюзен и лучше набирает вес. Страх проиграть в неведомом соревновании овладевал им каждый раз при виде нее.

— Я все думала насчет песни, — говорила Битси Зибе. — Меня по-настоящему «Они едут из-за гор» никогда не устраивала.

Тем временем на подъездной дорожке у задней двери остановился автомобиль, из него выглянул отец Битси и начал выбираться наружу очень

медленно, словно смертельно уставший человек. Наверное, его с трудом уговорили принять участие в празднике.

После смерти Конни Битси таскала отца на все сборища, но он там ни с кем почти не разговаривал, крупная седая голова его поникла.

— Привет, Дэйв! — окликнул гостя Сами. Дэйв поднял руку, уронил ее и покорно двинулся к дому по дорожке.

— Знаете песню «Такую девчонку ждал я всегда»? — продолжала Битси. — Она вполне годится, разве что ее трудно будет исполнить, — что скажете? А еще «Битлз». «Там я увидел впервые». Мне пришло в голову: если заранее отрепетировать с детьми… О, добрый день, миссис Хакими! С днем Прибытия!

Миссис Хакими облачилась в черный шелк с цветочками, а ее муж надел костюм, но хлынувшие следом за ними из дома родственники нарядились менее формально, особенно тетушка Азра — ее коротенький топ и тугие вязаные штанишки капри, обрисовывавшие каждую складку тела, были бы уместнее на аэробике.

— Как дела, как дела? — забормотали родственники дружно, только и слышалось: «Дела, дела».

Они выстроились на парадном крыльце по

двое-трое на каждой ступеньке, так что добраться до дверей оказалось непросто. Пока гости протискивались, подъехала еще одна машина — Эйб и Джанин с их тремя девочками. Сразу следом явилась Мариам, а когда она доставала с заднего сиденья гигантскую коробку с печеньем, еще одна машина втиснулась во двор, послышался тревожный скрежет дисков о бордюр. «Господи Иисусе», — выдохнул Мак. Он сидел спереди на пассажирском, а за рулем — Линвуд. Видимо, Линвуд только что получил ученические права. Лора сидела сзади. Она вышла из машины и двинулась к дому, не оглядываясь, в то время как Мак разразился длинной иеремиадой о стоимости новых колесных дисков.

— Где Стефани? — спросила Битси.

Лора скривилась:

— В лагере мажореток.

Сами застыл, ожидая реакции Битси. Неделю назад она закатила истерику по телефону, потому что родители Брэда уехали в круиз, — они же прекрасно понимали, что пропустят день Прибытия. «Круиз! Только послушайте! — кричала она Зибе. — Когда их единственная внучка отмечает вторую годовщину приезда в страну».

Но теперь она сказала лишь:

— О, как жаль! — небрежно, тихим и отстраненным тоном. Возможно, даже почувствовала облегчение. В прошлый раз на совместной вечеринке Стефани разрисовала малышкам ногти жутким синим цветом — «электрик».

Три девочки Эйба прямиком направились к Джин-Хо и Сьюзен. Это послужило сигналом и для племянниц Зибы отлепиться от старших и присоединиться к мелкоте.

Они вышли на задний двор, где Сами установил тренажеры. Братья Битси успели уже разглядеть новый автомобиль Сами на подъездной дорожке.

— Вот как! — сказал Эйб. — «Хонда сивик»!

Мужчины гурьбой отправились на улицу осматривать машину, пошли и все Хакими, хотя они-то, разумеется, уже видели обновку. Даже Дэйв проявил некоторый интерес. Вскоре он уже спорил с Линвудом, который заявил, что от подушек безопасности больше вреда, чем пользы. Тем временем женщины вошли в дом, и когда мужчины к ним присоединились, Мариам угощала фисташками Битси и ее двух невесток — больше никого в гостиной не было. Женщины Хакими столпились на кухне и там стучали крышками кастрюль и звенели тарелками, пока не наста-

ла пора звать всех к столу. О том, как именно подавать угощение, спорили до хрипоты. Сами предлагал ограничиться фуршетом.

— Да по-другому и не получится! — твердил он Зибе. — Двадцать с лишним человек! У нас за столом столько не поместится.

— Но фуршет — как-то не по-семейному, — возражала Зиба. — Мне хочется более интимной обстановки.

— Ну и как ты это организуешь с двумя дюжинами гостей, Зи?

— Посажу детей отдельно, старшие присмотрят за младшими. Их у нас, постой… двое, четверо, семеро… И если к большому столу придвинуть парочку журнальных…

Она в итоге настояла на своем. Детей устроили в кухонном уголке, взрослые стеснились в столовой за длинным, застеленным кашемировыми шалями сооружением, которое простиралось от одной стены до другой. Только внимательно приглядевшись, удалось бы обнаружить стык с приставными столами. Основные блюда выстроились сбоку — огромные горшки, блюда и миски — и заполнили четыре столика на колесах, сосредоточенные в углу. Родственники Битси опомниться не могли.

— В жизни столько еды не видела! — восклицала Джанин. — Настоящий пир!

Но Зиба отмахивалась:

— Пустяки.

— Кебабы на подходе! — возвестил Сами. — Срочно тарелки очищайте!

Он нырнул в кухню, кое-как разминувшись с Битси, которая пыталась отрепетировать песню. Какую именно — не разобрал, в рядах певцов назревал бунт. Несколько детей заглушали новый мотив старым «Они едут из-за гор». «Они приедут к нам в красных пижамах», — выводила Бриджит, а прочие, даже две племянницы Зибы, вопили: «Скррр, скррр!» — и стучали по столу вилками. «Дети, прошу вас!» — взмолилась Битси. Сами ухмыльнулся и подхватил со стойки блюдо нарезанного для гриля мяса. Когда он вышел за дверь, тишина потрясла его. В ушах слегка звенело, и он медлил, раскладывая мясо на решетке, отдыхая.

Как раз в тот момент, когда раздавали добавку, Зиба упомянула про детский сад.

— Я вам уже говорила? — донесся до Сами ее вопрос. — Осенью Сьюзен пойдет в «Джулию Джессап».

Битси, надумавшая положить себе очередной помидор-гриль, замерла и посмотрела на Зибу:

— Что такое «Джулия Джессап»?

— Тот детский сад, куда ходил Сами, там теперь Мариам работает.

— Она пойдет туда *этой* осенью? — спросила Битси.

Зиба радостно кивнула.

— Ей же всего два года.

— Два с половиной, — уточнила Зиба. — В «Джулию Джессап» берут с двух.

— Очень может быть, — ответила Битси, негодующе распрямившись, даже откинувшись на спинку; помидор замер на ложке, так и не опустившись в тарелку. — Но если они берут детей в таком возрасте, из этого еще не следует, что девочку надо отдавать.

— Не следует? — переспросила Зиба.

— Она еще слишком мала! Младенец!

Зиба невольно приоткрыла рот и оглянулась в сторону кухни, хотя со своего места не смогла бы разглядеть Сьюзен.

— Слушайте, — резко заговорила Битси, смачно плюхнув помидор в тарелку, — я еще как-то могу понять ваше стремление работать вне дома…

— Всего два дня в неделю! — перебила Зиба (женщины уж в который раз спорили из-за этого, Сами вдоволь наслушался). — И не целый день,

скорее полдня, правда же!

— Иногда вы и по субботам работаете! — напомнила Битси.

— По субботам с ней Сами! А в будние дни Мариам или кто-то из моих родственников, кто приезжает в гости.

— Именно. Так что это я еще могу понять, — непререкаемым тоном продолжала Битси. — Но отправить кроху в ясли, малютку еще в подгузниках… — Она споткнулась. — Ведь так? Она все еще ходит в подгузниках? Вы еще не приучили ее к горшку, верно?

Зиба покачала головой, и Битси понесло:

— Более того, ребенка, чья жизнь начиналась так непросто! Если вспомните, сколько им пришлось адаптироваться…

— Как интересно! — заговорил вдруг Али, брат Зибы. Он подался к Мариам, сидевшей за столом напротив него: — Я и не знал, что вы работаете в детском саду, ханум. Никто мне и слова об этом не сказал. Вы учите малышей?

Сами невольно восхитился своим родственником — видимо, детство в большой семье помогло ему сделаться миротворцем. И такими же навыками явно обладала Мариам. Ослепительно улыбнулась Али, словно готовясь давать интер-

вью.

— Я всего лишь помогаю в офисе неполный день, — ответила она. — Когда Сами ходил в этот сад, я помогала добровольно — знаете, печатала, заполняла карточки, звонила, кому требовалось. — Она ясным взглядом обвела сотрапезников. — А потом мой муж умер и у меня приключилась, можно сказать, небольшая финансовая паника. Со вдовами такое часто происходит, мне кажется. Даже при вполне достаточной пенсии или страховке и так далее — впервые оставшись одна, женщина пугается.

— Вот как? — откликнулся отец Битси. — А у вдовцов тоже бывает такая паника?

Сами не мог понять, в самом ли деле Дэйву это важно или он просто помогает заглушить неприятный разговор. Судя по тому, как Мариам смерила его взглядом, не была уверена и она.

— Ах! — сказала наконец она. — Что касается вдовцов, думаю, их больше пугают домашние дела. Они тревожатся, что больше некому будет о них позаботиться. Иногда они доходят до отчаяния и совершают самые прискорбные ошибки.

Дэйв коротко засмеялся:

— Я это учту.

Сами ждал, что мать возразит, заверит, что в

ее словах не было ничего личного, но она лишь кивнула. И тут в дверях кухни появился Линвуд — к стеклам его очков прилипло несколько рисинок, — откашлялся и возвестил, что у Джин-Хо болит живот.

— О боже! — воскликнула Битси. — Должно быть, перевозбудилась.

Она поднялась, оставив салфетку на столе, и вышла в кухню.

У Зибы испортилось настроение. Уж Сами-то это видел, даже если никто другой не замечал. Она уставилась в тарелку, ничего больше не ела, лишь ковыряла вилкой. Он сидел слишком далеко, чтобы дотянуться и погладить ее по руке. Попытался перехватить ее взгляд, но Зиба отводила глаза, и вместо нее он случайно встретился взглядом с миссис Хакими — та, должно быть, только этого и ждала: тут же выставила все зубы в улыбке. Сами не знал, много ли теща успела уловить из этого разговора. Он улыбнулся в ответ и отвел глаза.

Почему Зиба попросту не отмахнется от слов Битси? Почему так восприимчива к ее критике? Надо бы, наверное, обзавестись друзьями-иранцами. Сколько можно подлаживаться, пытаясь соответствовать!

Он услышал, как на том конце стола Брэд говорит тетушке Азре: он, мол, ей завидует. «Завидуете?» — осторожно переспросила Азра. Сэми понимал: она повторила слово, потому что не уверена в его значении, однако Брэд принял это за возражение и сказал:

— Нет, в самом деле! Однозначно! Скоро — и этот день недалек — эмигранты сделаются в этой стране элитой. Они не обременены чувством вины. Их предки не крали землю у коренных американцев, никогда не владели рабами. Их совести совершенны чисты.

Тетушка Азра таращилась на собеседника в немом изумлении. «Совести» во множественном числе добили ее, предположил Сами. Если бы Зиба так не расстроилась, она бы уже приставала к нему насчет последней порции кебаба. Сами оттолкнул стул и встал.

— Освободите место на столе! Несу последнюю порцию! — объявил он и двинулся на кухню, где наткнулся на Битси. Та стояла на коленях у детского столика, возле Джин-Хо.

— Лапонька! — взывала она. — Хочешь прилечь?

Джин-Хо покачала головой. Сьюзен, сидевшая рядом с ней, заглядывала подруге в лицо почти с

комической озабоченностью.

И вдруг Битси охнула и уставилась на стакан Джин-Хо, пустой, лишь ледяные кубики остались на дне.

— Ты пила газировку! — воскликнула она.

Джин-Хо выпятила нижнюю губу и завертела головой.

— Что ж, тогда и удивляться нечему, — сказала Битси. — Конечно, животик заболел! Боже мой!

— Полегче с ней, Битси! — не выдержал Сами.

Битси развернулась к нему, глянула снизу вверх.

Его словно в голову ударило — радостная ярость поднималась изнутри.

— Можете хоть на минуту сделать передышку?

— Вы о чем?

— Вечно докапываетесь — газировка, рафинированный сахар, работающие матери, ясли…

— Ничего не понимаю! — Битси поднялась, вцепившись в спинку стула, на котором сидела Джин-Хо. — Я в чем-то не права?

— Во всем не правы. Вам бы следовало извиниться перед моей женой.

— Извиниться… перед Зибой? Ничего не понимаю.

— Так подумайте! — посоветовал он, протис-

нулся мимо нее и двинулся к задней двери.

Сзади, очень тихо, позвала Сьюзен:

— Папа? Битси — плохая?

— Уф! — выдохнул он. Остановился, оглянулся на девочку — бровки ее приподнялись двумя тревожными черточками, встали домиком. — Нет, Сузиджан, не беспокойся. Это просто я раздражителен.

И лишь прокрутив в уме слово, означающее «раздражителен» — то есть «с быстрым норовом», буквально, — он осознал, что они говорили на фарси. Это было потрясение — но почему-то приятное. Сами с торжеством оглянулся на Битси — она так и цеплялась за стул Джин-Хо, уставившись на него, — и вышел во двор.

Кебабы давно пережарились. Кусочки баранины еще возможно было спасти, но курица выглядела словно старая кожа. С помощью прихватки для кастрюли Сами один за другим переложил шампуры на блюдо, а потом снял решетку и пошевелил угли щипцами. Сердцебиение понемногу успокаивалось. Ярость улеглась, и он чувствовал себя немножко глупо.

Щелкнула задняя дверь, и Сами обернулся

навстречу Брэду. В футболке «Ориолз»[4] и болтающихся шортах Брэд выглядел помятым, неухоженным. Остановился в полуметре, похлопал себя по голове, отгоняя гудящее насекомое. Заговорил:

— Как тут дела?

— Все в порядке, — ответил Сами и снова обернулся к грилю. Потыкал щипцами в угли.

— Кажется, у нас тут недоразумение вышло, — сказал Брэд.

Сами пошевелил еще один уголек. Потом произнес:

– *У нас* не было никакого недоразумения.

— Ладно, — сказал Брэд. — Объяснить-то, что к чему, можно?

– *У нас,* — повторил Сами, — все было хорошо. Пока ваша жена не принялась за свое и не обидела мою жену.

— Как именно она это сделала?

Сами оглянулся на Брэда:

— И вы еще спрашиваете?

— Да, спрашиваю, мой друг.

— Вы сидели за тем же столом, вы слышали, как она по косточкам разбирала воспитание нашего

---

[4] Сноски: 4
«Балтимор Ориолз» — балтиморский бейсбольный клуб.

ребенка, видели, как она испортила праздник…

— Испортила?.. Да ну, Сами! — сказал Брэд. — Конечно, порой Битси бывает слишком настойчивой…

— Точнее сказать — назойливой, — перебил Сами.

— Постой, постой…

— Назойливой, самоуверенной, и высокомерной, и… назойливой, — повторил Сами. — Давит и давит.

В порядке демонстрации он шагнул вперед и ладонью надавил на футболку Брэда. Грудь Брэда была податлива, словно губка, почти как женская. От этого Сами захотелось толкнуть его снова, сильнее, и он так и сделал.

— Придержи коней! — сказал Брэд и толкнул его в ответ, но без азарта.

Сами уронил щипцы, обеими руками вцепился в Брэда и попытался боднуть его головой в живот, а Брэд принялся драть ему волосы, и ринулся на него, и сбил Сами с ног, спасибо, не на гриль, и шлепнулся, задыхаясь, сверху. Мгновение они так и лежали, не очень-то понимая, что дальше делать. У Сами кружилась голова, он никак не мог отдышаться. С заднего крыльца слышался высокий и тонкий звук, испуганные женские

крики, тут фарси не отличишь от английского. Гости хлынули на ступеньки.

Брэд скатился с Сами, поднялся на ноги и утер лицо рукавом. Сами сел, потом встал. Согнулся, отпыхиваясь, потряс головой, надеясь, что в ней прояснится.

Следовало бы устыдиться. Почувствовать себя униженным: все видели схватку. А он почему-то ликовал. Не мог удержать серьезное выражение лица, когда посмотрел на гостей, застывших от ужаса. Дети онемели, у мужчин челюсти отвисли, женщины обеими ладонями обхватили щеки. Он обернулся к Брэду и увидел, что тот улыбается, и они обнялись. Хлопая Брэда по широкой влажной спине, отплясывая с ним неуклюжий танец по двору, Сами подумал, что родственникам они видятся персонажами какого-то сериала — два нелепых, чокнутых американца, самые настоящие американские кореша.

5

Брэд и Битси заговорили об усыновлении второго ребенка. Дэйву это казалось безумием. Вслух он, конечно же, ничего не говорил. Ограничился «О, вот как?». Но Битси уловила что-то в его тоне и потребовала:

— Выкладывай. Что ты имеешь против?

— Ничего. Откуда такой вопрос?

— Считаешь, что я старая?

— Ни в коем случае, — заверил он ее. Совершенно искренне.

По чести сказать, он не помнил в точности ее возраст. Сорок, что ли? Конни бы сразу назвала. Он быстро подсчитал в уме. Ладно, сорок три. Но дело было не в этом. Главная причина — везение не стоит испытывать во второй раз. Он так тревожился перед первым удочерением, так был рад, что все обошлось. Джин-Хо оказалась самой занятной из его внуков и внучек. И самой умненькой. Или, по крайней мере, второй после Линвуда. Почему бы не сойти с дистанции победителем? К тому же с детьми столько хлопот. Казалось бы, Битси и Брэду самое оно остановиться на одном.

Дэйв так же относился и к собственным детям. В пору отцовства он вошел сумрачно, бросая через плечо горестные взгляды на беззаботную новобрачную пору, и хотя первенец стал усладой его очей, он вовсе не стремился к умножению семейства. Если бы не настойчивость Конни, Битси так и осталась бы единственным ребенком. Конечно, и оба мальчика оказались столь же прекрасны, и он бы не променял их ни на какие сокровища, и все же Дэйв до сих пор отчетливо помнил, как в водовороте капризов, мокрых подгузников, впивающихся в ногу деталек от конструктора говорил себе: «У меня слишком много детей и слишком мало Конни». Он и сам-то чуть ли не обращался в малыша, добивался внимания жены, ухватывал любой кусочек ее времени, какой ему перепадал, сражался с мелюзгой за ее слух, за ее вдумчивый, сосредоточенный взгляд.

Что бы сказала Конни об очередной идее Битси?

О, наверное: «Конечно, дорогая. Уверена, все у тебя выйдет замечательно».

Словами не выразить, как он тосковал по Конни. Он старался не говорить об этом. Она умерла в марте 1999-го, уже больше года прошло. Почти полтора. Он понимал, что все вокруг думают:

худшая пора горя уже миновала. Соберись, мужик! Вернись к нормальной жизни! А на самом деле сейчас ему было хуже, чем сразу после ее похорон. Тогда он радовался хотя бы тому, что она отмучилась. И кроме того, он совершенно выбился из сил. Только и хотел отоспаться.

Но теперь он был одинок, словно Бог. Мучительно, сокрушающе одинок. Болтался по дому, времени свободного чересчур, заняться нечем. Наступило лето. Занятия закончились — для него не только на каникулы, но навсегда: в июне Дэйв вышел на пенсию. Было ли это ошибкой? У него всегда имелись интересы помимо работы — хобби, волонтерство, участие в общественной жизни, — а теперь ни на что не хватало сил. Он вздыхал и вслух разговаривал с Конни. «Пора починить наконец замок на двери», говорил он или: «Ох. Черт. Яйца-то купить забыл». Раз-другой она померещилась ему, но в таких странных ситуациях, что он и не пытался даже себя убедить, будто видение было подлинным. (Например, в жаркий июльский полдень она стояла на заднем дворе возле кормушки для птиц, стягивая зубами с руки заснеженную варежку.) Больше удовлетворения он находил в воспоминаниях, возникавших ниоткуда, ярких, словно домашнее видео. Тот

день, когда она влетела на подъездную дорожку у дома, из-под капота «фольксвагена» валил дым (что-то неладно с двигателем), распахнула дверь и бросилась ему в объятия. Или тот раз, когда она выдвинула его кандидатуру на премию местной телепрограммы «Герой дня», и он дулся и ворчал, услышав об этом (его подвиги заключались в том, что развозил троих детей по всевозможным занятиям денно и нощно; никаких людей из горящего здания он, конечно, не спасал), а теперь чуть не плакал, растроганный этим воспоминанием.

Он думал: да это же невыносимо.

Он думал: надо было сначала потренироваться на ком-то не столь близком. Я не справляюсь.

Он забывал, что подготовка уже была — бабушки, дедушки, родители. Но никакого сравнения, честное слово.

Он так долго ухаживал за ней, это вошло в привычку, и теперь поверить не мог, что там она справится без него. Хорошо ли ее устроили? Есть ли там все, что ей нужно? Ужасно думать, что она там чувствует себя заброшенной.

И это при том, что Дэйв никогда ни в какого Бога не верил и не допускал возможности жизни после смерти.

Он не стирал ее голос с автоответчика — сде-

лать это казалось насилием. Он понимал, что люди вздрагивают, услышав ее жизнерадостное приветствие: «Это Дикинсоны! Оставьте свое сообщение!» Прокручивая запись, он слышал растерянные вздохи звонивших. Но Битси вот говорит, что ее это утешает. Однажды она позвонила и сказала с дрожью в голосе: «Папа! Можно я несколько раз просто наберу ваш номер, а ты не будешь брать трубку? Мне что-то грустно сегодня и хочется услышать мамин голос».

Битси разделяла с ним горе — в гораздо большей степени, чем мальчики. «Помнишь мамин шоколадный пудинг?» — спрашивал он. Или: «Помнишь, как она пела ту песенку про вдову с малышом?» — и не требовалось никаких предлогов, чтобы заговорить на эту тему. Битси была с ним на одной волне. «А томатное желе», — подхватывала она. Или: «Да, конечно, а еще вторая песня была же? Про лесорубов».

Но даже с Битси он сдерживал себя. Не хотел ее волновать. Не хотел поймать ее испытующий взгляд: «Ты в порядке, папа? С тобой в самом деле все в порядке? Не придешь ли сегодня к нам на ужин? Мы позвали соседей и будем тебе очень рады, честное слово. Тебе полезно выбираться из дома».

И вовсе ему не полезно выбираться. Уж в этом-то он точно уверен. В любой компании его преследовала мысль: «К чему все это?» Болтовня о погоде, о политике, о налоге на недвижимость, о детях — бесполезная, от первого до последнего слова. А еще соседки, забегавшие к нему с кастрюльками и десертами.

— Знаете что? — сказала Тилли Браун, вручая замотанное пищевой пленкой блюдо. — Я снова бабушка.

— В смысле?

— Дочка только что родила четвертого мальчонку!

— Господи! — пробормотал он и уставился на блюдо. Судя по виду, филе лосося. Он был растроган этими приношениями, но вместе с тем озадачен. Что ему со всем этим делать? Он же один! Да и любая еда казалась теперь на вкус как опилки.

Несколько одиноких женщин дали ему понять, что охотно сходили бы с ним куда-нибудь на ужин, — правда, их было не так много. Но он от всего уклонялся. Даже если б у него имелся интерес к знакомствам — а таковой отсутствовал, — у Дэйва не было сил привыкать к новому человеку. Ему и первый-то раз дался с трудом.

Так что теперь он отвечал: «Да-да, вы очень добры» — и снова погружался в глубокое молчание. Женщины тоже не проявляли настойчивости. Он подозревал, что им вообще-то не так уж и хотелось с ним связываться. Большинство людей еле плетутся по жизни, он давно заметил это.

Битси сказала, второго ребенка они хотят взять из Китая. Там нужда больше, пояснила она. Однако и процесс усыновления сложнее, чем в Корее, и с доставкой ребенка проблем больше. Придется поехать самим в Китай за девочкой. Разумеется, это будет девочка, сказала она. Битси оглянулась на Джин-Хо, игравшую в песочнице поблизости от скамейки, на которой они сидели с отцом.

— Две девочки! — воскликнула Битси. — Чудесно, правда? К счастью, Брэд не из тех мужчин, кому вынь да положь сына.

— Джин-Хо тоже поедет с вами в Китай? — спросил Дэйв.

— Боже мой, ни в коем случае! Там столько инфекций! К тому же поездка будет непростая, это ведь не слетать туда-обратно, придется задержаться на несколько недель, пока оформим все бумаги. — Внезапным решительным движением она отставила стакан с кубиками льда и посмотрела на отца. — Вообще-то я с тобой ее

собиралась оставить, — сообщила она. — Ты ведь справишься?

— Я?

— Ты же теперь на пенсии.

— Но…

— И она тебя обожает, сам знаешь.

— Но, лапочка, сколько лет прошло с тех пор, как я возился с трехлетками…

— К сожалению, ей будет к тому времени четыре, а то и пять, — перебила Битси. — Может быть, она даже в садик начнет ходить. Процесс усыновления длится пару лет, так нам сказали.

— О! — сказал Дэйв. — Ну тогда ладно.

За пару лет он может и умереть, подумалось ему. И эта мысль его приободрила.

Настала очередь Дональдсонов устраивать праздник Прибытия. Битси заранее выбирала подходящий день.

— В этом году пятнадцатое выпадает на вторник, — сказала она Дэйву, — и Зиба предлагала собраться в воскресенье, на два дня раньше. Но… Право, не знаю. Воскресенье, конечно, удобнее, однако я бы предпочла праздновать день в день, а ты как думаешь?

— Да как-то… — замялся он.

— Я имею в виду, отмечать ту самую дату, когда

малышки вошли в нашу жизнь!

— Конечно, — поспешно ответил он. — То самое пятнадцатое.

Его загнали в угол. С Битси он часто чувствовал себя так: дочка умела усложнить жизнь и себе, и всем окружающим. С раннего детства она вырабатывала категоричные, свирепые мнения, и даже если зачастую бывала права, он видел, как собеседников так и тянет возразить. Он прямо-таки слышал их мысли: «А может быть, с глобальным потеплением и обойдется!» Даже мир во всем мире становился менее желанным, когда его отстаивала Битси.

Конни говаривала, беда Битси в том, что девочка сомневается в себе. В глубине души она такая неуверенная, чувствует себя не столь уж доброй, достойной. Дэйв старался напоминать себе об этом в подобных ситуациях. (И как ему дальше справляться без Конни, без ее умения смотреть не в упор, а чуть изменить угол зрения и оправдать ту же Битси?)

Дата была назначена — на вторник, кто бы мог подумать! — и начались проблемы с меню. Очевидно, Битси чувствовала, что Язданы, как она выразилась, «изменили правила», закатив год назад полномасштабный пир.

— То есть, сам посуди, мы что подавали в первый раз, — толковала она Дэйву по телефону. — Выставили самые примитивные закуски, ну чай был, кофе и торт. А в прошлом году! В прошлом году еды хватило бы приюту для бездомных на целый месяц. У Джин-Хо разболелся живот, и она проспала весь фильм — ни одного кадра не увидела.

— И что? — недоумевал Дэйв. — В этом году ты сделаешь все по-своему.

— Язданы сочтут нас негостеприимными. Ты же знаешь, как они зациклены на еде. Но даже если я устрою обед, столько разных блюд не приготовить. У меня даже не хватит кастрюль, сковородок. У меня нет *таких больших* кастрюль и сковородок.

— Приготовь свой чудесный лимонад с кусочками цедры, — самым ласковым голосом принялся уговаривать ее Дэйв. — Купи в пекарне слоеный торт…

Но Битси не слушала. Она уже размышляла вслух:

— Моя овощная лазанья пойдет, как думаешь? Или мое пакистанское блюдо? Или нет, только не рис. А я еще про большую кастрюлю тут рассуждаю! Помнишь тот раз, когда я приготовила

абичуэлас неграс? Первый же из этого семейства, кто взялся накладывать себе рис, чуть до дна не доскреб.

Дэйв рассмеялся. Он наслаждался общением с Язданами. С виду такие простые, сплошь писаны светлыми красками, невинные, всему верящие, но время от времени открывалась куда более сложная внутренняя суть. Взять хотя бы мистера Хакими. Уж у него-то найдутся темные цвета.

— Мистер и миссис Хакими придут? — с надеждой спросил он.

— Да, и один из братьев Зибы, не помню который. У нее всегда гостят родственники — странно, как их на работе не хватятся. А наша-то семья… Так обидно вышло с Маком и Лорой. Они же знают, когда у нас праздник Прибытия, возить Линвуда по университетам можно в любое другое время — и летом, да и вообще весь учебный год на это есть. А родители Брэда — ну, типично для них, я так понимаю. Их вечные круизы — им как будто наплевать на все. Хотела бы я знать, вели бы они себя иначе, будь Джин-Хо их биологической внучкой.

Будь Джин-Хо их биологической внучкой, никто бы не хороводился с дурацким праздником Прибытия, проворчал про себя Дэйв. Вслух же

он сказал:

— Ну что ты. Они просто боятся что-то упустить в жизни, вот и выходят такие накладки.

Господи боже, он заговорил словно Конни. Должно быть, и Битси это почувствовала, потому что сменила тему.

— Помнишь «Гайз энд Доллз»? — спросила она.

— Что-что? «Гайз энд Доллз»?

— Помнишь их песню — «Я узнаю, когда явится моя любовь»?

— А, ты про песню.

— Мне с самого начала казалось, что в этой «Они едут из-за гор» не хватает достоинства, — пояснила Битси.

Если до предела растянуть телефонный шнур, то как раз можно ухватить пульт от телевизора. Дэйв включил вечерние новости и тут же приглушил звук, чтобы дочь ничего не заподозрила.

Праздник Прибытия выпал на влажный, душный день, с утра собирались тучи, суля освежающую грозу, но обещание не сбылось, и к вечеру Дэйв с ужасом помышлял о том, что придется влезть в приличный костюм и выйти на улицу, в парилку. Дома он повадился ходить в плавках. Поднявшись на верхний этаж, в гардеробную, он рассеянно ворошил седые волосы на груди, пока

перебирал варианты. В конце концов выбрал полосатую рубашку из жатой ткани и брюки цвета хаки. Перед выходом следовало снова принять душ, но на это сил не хватило. Дэйв удовольствовался тем, что побрызгал в лицо холодной водой.

Одну вещь насчет устраиваемых Битси вечеринок он усвоил: не надо приходить слишком рано. Перед сбором гостей она вовсю принимается командовать, велит ему складывать салфетки, или переставлять стулья, или еще какое бессмысленное занятие подыскивает. А потому Дэйв не торопился с выходом из дома и, когда подъехал к Дональдсонам, обнаружил на подъездной дорожке несколько машин. Девочки гуляли на тротуаре — Сьюзен усердно давила на педали велосипеда, а хозяйка велосипеда, Джин-Хо, наблюдала. (Почему-то Сьюзен всегда и во всем доставалось первой попробовать — Дэйв уже это замечал. С виду меньше Джин-Хо, более хрупкая, но до смешного упертая.)

— Привет, — сказал он. — К празднику готовы?

Джин-Хо откликнулась:

— Деда! — И подошла обнять его.

Сьюзен, как обычно, взирала недоверчиво. Он погладил ее по голове, проходя мимо, задержал сложенную чашечкой ладонь. Волосы ей

заплетали в две тонкие косички, ничего общего с плотной, в форме кастрюли, стрижкой Джин-Хо, — и трогательна была идеальная округлость маленького черепа под его рукой.

— Ждем Полли и всех их, — ответила Джин-Хо. Полли, старшей из трех дочерей Эйба, исполнилось тринадцать, как раз тот возраст, к которому тянутся маленькие девочки. — Мама сказала, можно гулять, только на улицу не выходить. Мама не знает про силем.

— Силем? — переспросил Дэйв.

— Сьюзен не надела силем для велика.

— А! — сказал Дэйв. Да, вот он, шлем, на верхней ступеньке крыльца, — гладкий, черный, похожий на жука предмет с «гоночными» полосками по бокам.

— Что ж, полагаю, жизнь продолжается в привычном формате, — заключил он.

— А?

Он помахал внучке рукой и двинулся к дому. И в тот момент, как поднялся на крыльцо, дверь распахнулась и Битси приветствовала его:

— Наконец-то!

Она вышла, чтобы поцеловать отца. Летнее платье Битси было пошито из более-менее удавшейся ей самодельной ткани — лиловые полосы

с синей прожилкой, — вот только зря оно от груди сразу таким пузырем. Дэйв любил, когда у женщин талия подчеркнута (Конни твердила, это дает себя знать мужской страх перед беременностью).

— Все уже собрались, кроме Эйба, — сообщила Битси. — Иранцы в полном составе… — Подавшись ближе, она шепнула ему на ухо: — Они привели дополнительного.

— В смысле?

— Язданы привели еще гостя.

— А.

— Не спросив меня заранее.

— Ну, наверное, по их обычаю…

И он едва избежал столкновения с Зибой: она стояла прямо за дверью.

— Привет, Зиба, — сказал Дэйв и поцеловал ее. Она, как обычно, была в облегающей футболке и еще более облегающих джинсах, а каблуки такие высокие, что она покачнулась, когда отступала, освобождая ему проход.

— С праздником Прибытия! — сказала она, затем указала рукой на болезненно тощего подростка, стоявшего рядом с ней, — ссутулившись, руки под мышками. — Это Курош, сын Сируза.

Дэйв понятия не имел, кто такой Сируз, но

сказал:

— Здравствуй-здравствуй, Курош, с праздником Прибытия.

И парень высвободил одну ладонь для рукопожатия.

— Спасибо, сэр, — ответил он без акцента. — Еще много-много раз.

(Вообще-то это пожелание не очень соответствовало случаю, если призадуматься.)

Явился Брэд, потея и задыхаясь.

— Примерно такая же погодка, что в самый первый день Прибытия, верно? — сказал он и повел Дэйва в гостиную, где супруги Хакими сидели подле одного из братьев Зибы (самого старшего, он ей в отцы годился, голова лысая, кожа на лице задубела) и его матерински благодушной жены. Церемониальный ряд из четырех иранцев вдоль длинного дивана, мужчины в костюмах, женщины в добротных черных платьях. Вероятно, потому Брэду и не терпелось подсадить к ним Дэйва — разбавить.

— Отец Битси, вы его знаете, — напомнил он гостям, и все Хакими радостно заулыбались и сделали вид, что готовы приподняться навстречу, не исключая и женщин, — но так и остались сидеть. Дэйв уже привык к этому их жесту.

Сами, похоже взявшийся отвечать за напитки, дежурил у широкого подоконника, превращенного в бар.

— Дэйв! — окликнул он. — Скотч? Я как раз соорудил порцию для Али.

— Почему и нет? — отозвался Дэйв. Как удачно, теперь он знает имя этого брата, вот бы еще и жену упомянули.

— Видели картинки? — загромыхал мистер Хакими. — Посмотрите! Очень хорошие картинки!

«Картинки» выстроились на камине и на примыкавшем к нему книжном шкафу — фотографии первого и второго праздника, по большей части без рамок, загибающиеся по краям. Дэйв быстро глянул, чтобы отделаться, но Хакими настаивал:

— Вот та, справа! Вы там с Джин-Хо!

И Дэйву пришлось подойти поближе и вынуть из кармана рубашки очки, продемонстрировать интерес. На крайней справа фотографии он поднимал Джин-Хо, ухватив ее поперек живота, чтобы девочка смогла дотянуться до свечки и зажечь ее той газовой штукой, что используется для плит. Наверное, из-за усилия, с каким он удерживал девочку, лицо Дэйва получилось таким напряженным, щеки запали. Он испуганно поду-

мал: как же я ужасно выгляжу! Вылитый труп.

Сложения он был крупного, всю взрослую жизнь таскал на себе несколько лишних килограммов, ходил враскачку, а тут вдруг — лицо истощенное, на шее напряглись жилы. Конни умерла ровно за пять месяцев до того, как был сделан этот снимок, и теперь Дэйв увидел, что ему удалось — незаметно для себя самого — несколько оправиться с тех пор. Он ощутил внезапное облегчение — слава богу, он больше не там. Пожалуй, и потерянный в ту пору вес успел набрать.

— Дедушка с внученькой! — умилялся мистер Хакими. — Выпьем за дедушку с внучкой! Ваше здоровье!

И Сами сунул Дэйву запотевший бокал.

Раз Битси подает аперитивы, значит, решилась приготовить полноценный ужин. Едва ли у нее оставался другой выход, сказал себе Дэйв, после того как праздник, по ее настоянию, назначили на вечер буднего дня. Итак, сидеть придется допоздна, при этом Битси он почти не увидит, она будет суетиться с угощением. Дэйв уселся в кресло-качалку и стал слушать, придав своему лицу, как он надеялся, внимательное выражение, неспешный разговор Сами и Брэда об «Ориолз». Сам он уже не следил за их успехами. Стоит на время

отвлечься от бейсбольной команды, от сплетен, которые и составляют человеческий интерес, от миниатюрных драм душераздирающих личных провалов и чудесных возвращений в строй, и уже не вернешь себе прежний энтузиазм. А Хакими, судя по заледеневшим на их лицах улыбкам, и вовсе об этом спорте не в курсе. Они оттаяли только при виде Мариам, когда она вынырнула из кухни, где, видимо, помогала хозяйке. В руках у нее был поднос, и когда она подошла к сидевшим на диване иранцам, те радостно подались вперед, послышалось непонятное Дэйву иноземное бормотание, быстрый обмен репликами и тихий смех, — тут-то Дэйв осознал, что в головах у этих людей происходит многое, о чем он никогда не узнает из их примитивного, прихрамывающего английского. Отказаться от родного языка — разве это не вечно оплакиваемая утрата?

Глубокий вырез блузы открывал словно полированные ключицы Мариам. Приблизившись с подносом к Дэйву, она сказала:

— Рада вас видеть. Хотите канапе?

— Спасибо, — ответил он и взял миниатюрный бутербродик. Вроде с рыбным паштетом.

— Скоро у вас будет новая внучка? Ждете?

— Новая? Ах да, — пробормотал он. — Жду-

жду. — Ведь, наверное, именно так требовалось отвечать.

— Интересно, будет ли у вас потом два праздника Прибытия, — продолжала Мариам.

— Господи боже! — вырвалось у него, и Мариам засмеялась.

К тому времени, как явились Эйб и Джанин с дочками, все уже наугощались закусками, и, перейдя в столовую, кое-кто не удержался от стона при виде огромного количества тарелок.

— Битси, да куда же столько еды! — воскликнула Джанин.

Тарелки с холодной курятиной, лососем, креветками, полдюжины вегетарианских блюд и столько же салатов. Если это состязание, подумал Дэйв, то страшно даже представить себе, сколько придется съесть в будущем году.

По крайней мере, завершающий торт был традиционный, звезды и полосы, и песня, вопреки всем хлопотам Битси, все та же.

— «Я узнаю», — завела она с упованием высоким, медоточивым голосом, но три шумные дочки Эйба тут же ее заглушили.

— «Они едут из-за гор, из-за гор», — голосила Бриджит, и Брэд распахнул дверь кухни, где дожидались Джин-Хо и Сьюзен. Как в прошлый

раз, они стояли растерянно, вместо того чтобы, согласно инструкциям, смело шагать в столовую.

— Туууут! Туууут! — завывали дочери Эйба, наслаждаясь звуковыми эффектами больше, чем самой песней. — Скрип-скрип! Эй, сзади! Эй, крошка!

Сначала к ним присоединились Эйб и Джанин, потом Сами с Зибой и, наконец, Дэйв, хотя и жаль ему было огорчать Битси. Даже Хакими, как умели, бормотали в такт, смущенно хихикая каждый раз на припеве и застенчиво переглядываясь.

После торта настало время просмотра фильма. «ПРИБЫТИЕ ДЖИН-ХО И СЬЮЗЕН», — гласили титры, новая надпись, на этот раз курсивом, а не каллиграфией.

Смотрели по-разному. Хакими, например, выпрямились и почтительно уставились на экран, не отрывали от него глаз. Противоположная крайность — Джин-Хо, возившаяся с куклой Элмо. Дэйв, стоявший в глубине комнаты, смотрел внимательно (хотя и не желал в этом признаваться) — он знал, что увидит Конни. Только бы другие не заметили, как его это волнует. Они будут беспокоиться за него, постараются чем-то отвлечь. Скажут, нельзя погрязать в скорби.

Да, вот она, чудесная улыбка на лице, руки сложены перед грудью словно в молитве.

БАБУШКА — гласит ее значок. На голове у нее бейсбольная кепка, она уже проходила химиотерапию, но лицо полное, румяное. И как крепко она стоит на ногах, нисколько не опираясь на мужа. Он стал забывать, какой она выглядела в жизни. Теперь она представлялась ему с белой как бумага кожей, из-под которой выпирали кости, — умирающая. Умирала и наконец умерла. Ох, черт. Нельзя ли, подумал он (думал об этом и год назад), как-нибудь украсть у них кассету, посмотреть дома, одному. Он бы прокручивал только эти кадры с Конни, снова и снова. Задерживался бы взглядом на любимой, знакомой складке чуть пониже подбородка, на глубоко — надежно — угнездившемся между валиками кожи обручальном кольце.

Малышка Джин-Хо прибыла на руках у сопровождающей женщины, ее окружили со всех сторон, заслонили. Многочисленные Дикинсоны и Дональдсоны будто одурели. Мелькала Сьюзен — то войдет в кадр, то исчезнет. Больше не покажут Конни, это он помнил.

— Тяжело смотреть на Конни, нет? — спросила Мариам.

Оказалась рядом с ним, слева. Эта иностранная интонация — «нееет» — почему-то раздражала.

Он так далеко ушел от этого пестрого сборища, зачем его снова тащат в реальность? Дэйв, упрямо глядя на экран (там уже бежали титры, в прежней, каллиграфической версии), пробормотал:

— Ничего не тяжело. Приятно видеть ее здоровой.

— Ах! — сказала Мариам. — Да, это я понимаю. — И добавила: — Я раньше думала, если бы ко мне вдруг подошли и сказали: «Ваш муж только что умер», когда он был совершенно здоров, было бы легче. Но смотреть, как он слабеет, все больше, больше, — вот что по-настоящему ужасно.

Дэйв посмотрел на нее. Его часто смущало, какая Мариам невеличка, — столь элегантная дама должна быть монументальной, казалось ему, — и теперь пришлось опустить взгляд сантиметров на десять, чтобы увидеть ее профиль (Мариам смотрела вбок, на других гостей, пальцы ее изящно обхватили ручку чайной чашки).

— Я все думала: если бы мне дано было оплакивать того мужчину, кого я знала изначально! — продолжала она. — А вместо этого сохранились последние его образы, заболевшего, потом совсем больного, потом того, кто был зол на весь мир, ненавидел меня за то, что я пристаю с таблетка-

ми, едой, питьем, и наконец — далекий от всех, погруженный в сон, тот, кто на самом деле уже не был с нами. Я думала, хоть бы знать тот день, когда он *по-настоящему умер*, день, когда умерло его настоящее «я». Этот бы день я и отмечала как день поминовения.

— Я забыл, что у него тоже был рак, — сказал Дэйв.

Мариам умолкла. Смотрела, как все остальные выходят из столовой; дети спешили во двор, взрослые — в гостиную.

— Конни в последнее время была… очень требовательной, — пробормотал Дэйв. Хотел еще что-то добавить, но передумал. Потом все же сказал: — То есть она была почти *жестокой.*

Мариам кивнула, нисколько не удивившись, отпила чаю.

— Наверное, это неизбежно, — продолжал он. — Когда человек заболевает, он чувствует, что ему все должны. Становится придирчивым. В настоящей нашей жизни Конни такой не была, ни капельки. Я же знал это! Мне следовало проявить понимание, а я не смог. Иногда я даже огрызался. Мне часто не хватало терпения.

— Да, конечно, — сказала Мариам и беззвучно поставила чашку на блюдце. — Это страх, — по-

яснила она.

— Страх?

— Помню, в детстве, если мама хоть маленькую слабость проявляла — даже если укладывалась в постель с головной болью, — я всегда так сильно сердилась на нее! Я пугалась, вот в чем причина.

Дэйв обдумал ее слова. Да, в чем-то она права. Конечно, медленное умирание Конни пугало его до потери рассудка. И все же чем-то этот разговор его не удовлетворял, словно еще что-то требовалось прояснить. Дэйв подвинулся, пропуская мимо сына Сируза, потом проговорил:

— Я сожалею не только о последних ее днях.

Мариам чуть приподняла брови.

— Обо всей ее жизни. Обо всей нашей жизни вместе. О каждом необдуманном слове, какое ей сказал, в чем был невнимателен. Я всегда так сосредоточивался — то есть сосредоточивался на каком-то проекте, а все остальное к черту. Помню, как-то раз я делал в доме разводку для аудиосистемы, которую сам спроектировал, — так я не прервался на обед, отказался пойти с Конни в кино на фильм, который она хотела посмотреть… Теперь мне тяжело это вспоминать. Я говорю себе: чего бы я не отдал теперь за обед с ней, за то, чтобы посидеть с ней рядом в кино.

— Вы к нам присоединитесь? — позвал Брэд. — Добавка торта — в столовой.

— Спасибо, — откликнулся Дэйв, но Мариам ничего не сказала. Она снова сделала глоток, заглянула в чашку. — Ну да, — произнесла она. — Но если б мы были другими, они бы, наверное, нас не полюбили?

— О чем вы?

— Не будь вы человеком разносторонних интересов, увлекающимся проектами, — если бы вас интересовала одна лишь Конни и вы все время были при ней, захотела бы она выйти за вас?

Мариам вроде бы и ждала ответа, и Дэйв еще думал над ее словами, когда она воскликнула:

— Джанин! Как Полли выросла за лето!

— Да, уже подросток, — вздохнула Джанин. — Помоги нам небеса!

Мариам легко рассмеялась и пошла за Джанин в другую комнату, а Дэйв потянулся следом. Он задумался — может, и вправду съесть еще торта. Вдруг ни с того ни с сего вернулся аппетит.

Сентябрь, запах сухих листьев, который так легко спутать с запахом только что очиненных карандашей. Соседские дети снова бредут в школу с рюкзачками, студенты, битком набив свои машины, разъезжаются по университетам, и

Дэйва снова ушибло: пенсионер. После нежных прощаний в прошлом июне, когда ему посвятили школьный ежегодник (*Нашему любимому мистеру Дикинсону, благодаря которому для трех поколений воспитанниц Вудбери оживала физика*), после множества торжественных прощальных вечеров с вручением памятных подарков (часов по большей части, вот нелепость, теперь-то ему с какой стати следить за временем) — после всего наступил момент истины, осень, когда все прочие начинали год заново, но Дэйв лишь брел по своей одинокой жизни дальше, и для него ничего не менялось по сравнению с летом. Он-то думал, будет рад отдохнуть. Уж как ему надоели эти вудберийские воспитанницы. Но теперь он скучал по их голосам с придыханием, каждая фраза у них заканчивалась восклицательным или вопросительным знаком, скучал по ежечасным эмоциональным кризисам и катаклизмам и даже по таинственным приступам смеха, пусть и подозревал зачастую, что хихикают как раз над ним. Они уже забыли его, разумеется. Зачем себя обманывать? Уже сходят с ума по его преемнику, галантному юнцу только что из Принстона. Словно идешь по красной дорожке — обернешься, а позади тебя ее скатывают.

Он *ушел.* И собственное представление Дэйва о себе оказалось сотрясено до основания, когда он понял, как его это удручает.

Он же всегда любил работать руками, был мастером-ремонтником, плотником, изобретателем-самоучкой, вот и думал, что выход на пенсию пройдет безболезненно. А тут возился как-то в подвале, переделывая трехсторонний цоколь лампы, и вдруг почувствовал, что и минуты больше не выдержит в этом сумраке, сыром, пропахшем землей. Замурзанное оконце над головой напоминало закрашенные окна брошенных фабрик; верстак с аккуратно развешенными над ним инструментами — место для каждого обведено белым, все распределены по назначению и размеру — помещался в холодном кубе флуоресцентного света, а со всех сторон, даже в этот солнечный день, давила тьма. Дэйву померещилось, что он не может вдохнуть, и он стал прикидывать, как скоро его найдут, если он свалится здесь с инсультом.

Наверху, в кухне, — там воздуха было вдоволь, света даже чересчур — он осушил стакан воды, изучая при этом деталь лампы, которую почему-то прихватил с собой. Тут-то он и сообразил, что верстак можно перенести наверх. Если не

сам верстак и наиболее крупные инструменты, но уж те, что помельче, — наверняка. Можно занять маленькую комнату, которую они именовали кабинетом, она располагалась за кухней и служила своего рода кладовкой для швейных материалов Конни, ее неоплаченных счетов и старых журналов. Теперь ведь никто ему не запретит. Дэйв даже почувствовал, как разгорается искра былого энтузиазма. Занять чем-то руки! Он положил очки на кухонную стойку и отправился обследовать кабинет.

В этот хаотичный дом на Маунт-Вашингтон они переехали без малого сорок лет назад, когда дети еще были маленькие, и за годы позволили скопиться всему этому барахлу. К тому же Конни от природы не отличалась организованностью. Сколько Дэйв ворчал, обнаружив на стуле брошенные ножницы или разыскивая свои лучшие плоскогубцы!

Один из угловых шкафов был полностью забит тканями, и Дэйв, даже не заглядывая, мог сказать, что часть материи раскроена да так и брошена, даже все еще приколоты булавками образцы тканей, а другие материи, купленные импульсивно десять-пятнадцать лет тому назад, вообще не были использованы, на изломе складки блестели

от пыли и солнца. Дэйв какую-то даже злобную радость ощутил — наконец-то, наконец-то приведет все в порядок.

В тот день и весь следующий он складывал всякое добро в целлофановые мусорные пакеты для «Гудвил». Ткани и запасы для вязания, пачку выкроек из «Баттерик», плетеную корзинку с нитками, незаконченную детскую шаль — задуманную, вероятно, для старшей из внучек. В плоской цинковой палитре засохли и съежились таблетки акварели. Тут — блокнот, все страницы чистые, по краям успели пожелтеть. Резак для кожи, он искал его с прошлого Рождества. Книга о том, как сшить кружевные коврики для кукольного домика, ее следовало вернуть в библиотеку Роландпарка до 16 мая 1989 года. Руководство к электрической печатной машинке, давно выброшенной. Коробка неиспользованных благодарственных открыток. Квитки о возврате налогов за двадцать лет (с пропусками).

Подумав, налоговые квитки он решил сохранить. Извлекая их, наткнулся на корзинку с нитками и ее тоже вытащил, мало ли, вдруг в какой-то момент понадобится пуговицу пришить. Потом спохватился насчет других предметов — например, он в самом начале выбросил зеленую

пластмассовую коробку вязальных крючков. Вязальные крючки очень удобны для всякой мелкой починки. В какой же из мусорных пакетов он их сунул?

На исходе второго дня комната выглядела намного, намного страшнее, чем до того, как он за нее взялся. Толком и не протиснешься среди куч. Налоговые квитанции пристроились в кресле, диван завален фотоальбомами и толстыми конвертами с разрозненными фотографиями, надо будет их просмотреть на досуге. Пока что и сесть некуда. Полное поражение.

Он выдвинул нижний ящик стола, надеясь убрать туда налоговые квитанции, и наткнулся на аптечную россыпь. Осталось с первых дней болезни Конни, предположил он. Позднее ее снаряжение, как и сама болезнь, разрослось и заполнило дом целиком. В гостиной стояла больничная кровать, в передней комнате — инвалидное кресло. Но в ящике стола запас был минимальный, неназойливый: коробка с пропитанными спиртом салфетками, электронный градусник, ксерокопия информационного листа о побочных эффектах «химии».

Дэйв, кстати, никогда не употреблял слово «химия». Слишком фамильярно для такого ужаса. Он

всегда выговаривал целиком: «химиотерапия».

Конни клялась: она этому не поддастся. Пройдет весь курс налегке. А потом как-то утром Дэйв удивился, с чего это вода в душе поднимается по щиколотку, — поковырялся и обнаружил ее волосы, множество, забившие слив. Она сама еще не сознавала — только вечером заметила, сколько их на расческе. И он ничего говорить не стал. С этого между ними началось и все ширилось отчуждение. Он волей-неволей оставался в мире безоглядно здоровых, а Конни присоединилась к малому кругу страдальцев, высматривавших друг друга в приемной врача; они сопоставляли симптомы, перебирали варианты альтернативных лечений, обменивались крошками опыта, как кто справляется (один мужчина только в консервированные персики и верил). Их близкие, изнеможенные, с запавшими глазами, переглядывались сочувственно и молчали.

Она уходила все дальше. Она бросалась в бой против очередного осложнения, возникавшего то здесь, то там, стоило на миг утратить бдительность, как раз в тот момент, когда результаты анализов или консультация приободряли их, и Дэйву приходилось в одиночку разбираться со страховкой, счетами из больницы и рецептами.

Порой ему казалось, будто побочные эффекты химиотерапии заразны: он лишился аппетита, его постоянно слегка подташнивало и мнилось, что кровь как-то медленно сворачивается, если порезаться при бритье.

Он сказал об этом Конни, и она ответила:

— Ты хоть понимаешь, какие это мелочи для человека в моем положении?

Вспышка гнева, пробужденная этим ответом, была ему почти что приятна. Избавила на миг от вины. Лишь на миг.

— Всю жизнь, — говорил он теперь Битси по телефону, — я с нетерпением ждал следующего этапа. Спешил вырасти, закончить учебу, жениться, дождаться не мог, когда же вы, дети, начнете ходить, разговаривать. Изо всех сил поторапливал. И чего ради? Теперь сам не могу ответить. И самое страшное: теперь, когда вспоминаю болезнь твоей матери, вижу, что был момент, когда я уже начал торопить, чтобы и *это* скорее закончилось. Что я за человек?

— Ну конечно же, ты хотел, чтобы все прошло поскорее, — успокоительно заговорила Битси, — ты надеялся, что она поправится.

— Нет, лапонька, я не это хотел сказать, — возразил он, хотя на миг соблазнился — не притво-

риться ли, что она угадала. — Я имею в виду, я желал, чтобы твоя мама скорее уж умерла.

Молчание затянулось так, что Дэйв пожалел о своих словах. Некоторые вещи лучше держать при себе. Наконец Битси спросила:

— Папа, хочешь, мы с Джин-Хо заедем к тебе ненадолго?

— Нет, — ответил он. Не хотел, чтобы она увидела, во что превратился кабинет.

— Или ты приедешь к нам? На ланч. Всего лишь бутерброды с арахисовым маслом и джемом, но мы всегда тебе рады, ты же знаешь.

— Спасибо, но я дела не закончил по дому. — И он распрощался.

Напрасно он ее обременял такими признаниями. Следует нести этот груз в одиночестве. Дэйв пошел в кухню, залил хлопья холодным молоком, но глотать почему-то не получалось, и на третьей ложке он сдался. Тупо сидел у кухонного стола и таращился в соседский двор, где пилили старый корявый тополь. Накануне рабочие обре́зали ветви с листьями и скормили их измельчителю. Ночь дерево простояло, воображалось Дэйву, в состоянии шока — растительной его версии. Спилили небольшие ветки — эту процедуру дерево могло бы пережить. С утра взялись за ветки

покрупнее, однако и с этим дерево, наверное, сумело бы справиться, хотя и выглядело теперь приземистым и коротколапым, словно кактус карнегия. Но теперь включились циркулярные пилы и принялись за сам ствол, так что все его предыдущие попытки пережить и приспособиться оказались напрасными. Дэйв постоял, тяжело повернулся и отнес миску в раковину.

Сны стали для него отрадой — они были такими яркими. Словно появилась другая жизнь: чем скуднее бодрствование, тем ярче сны. Однажды, например, ему приснилось, будто у него есть гигантский тигр с ковриком желтовато-седой шерсти на подбородке. Тигр вошел в комнату, встал на задние лапы, положив передние на кровать в изножье, и всматривался в спящего Дэйва. Потом, словно приняв решение, запрыгнул — матрас под ним глубоко прогнулся, — прошел по постели и ткнулся носом Дэйву в лицо. Дэйв чуял жаркое, отдающее сырым мясом дыхание, от близости усов было щекотно, хотя зверь и не касался ими его кожи. В целом ощущение приятное, дружелюбный тигр, нисколько не опасный. А потом он проснулся — никакого тигра, один в постели.

Вероятно, эти сны отчасти были вызваны шевелением каких-то существ на чердаке, в паре

метров над головой, — белки там, еноты или мыши. Надо бы от них избавиться, но было что-то компанейское, милое в этих ночных звуках, и Дэйв все откладывал войну с соседями.

Если несуществующий тигр может явиться ночью, почему же Конни не может? Почему бы ей не присматривать за ним, не быть ближе, чем даже эти чердачные существа? Она верила, что предки заботятся о ней. Была более духовной, чем он, пусть и не традиционно религиозной, и цитировала языческую мудрость: «Благодарность — корень всех добродетелей», которую понимала так: нам следует помнить тех, кто жил до нас. Она воображала, будто дедушки-бабушки подбадривают ее и ведут через испытания, как и прадеды, которых она не знала, и пра-пра… и так далее, до самых истоков. Так почему же не может Конни сама позаботиться о Дэйве? Далеко не сразу он сообразил, что непоследователен: Конни ведь не его предок. Они даже не родственники. А он почему-то упускал это из виду, и не в первый раз. На медицинской консультации, когда речь зашла о возможной трансплантации костного мозга: «Я отдам ей свой!» — сказал Дэйв и опомнился только под удивленным взглядом врача.

И все же он закрывал глаза и звал ее, звал.

Воскрешал мельчайшие детали: длинные мясистые мочки, пятнышки на тыльной стороне кистей, будто на воробьином яйце, чуть надтреснутый голос, благодаря которому любые ее слова звучали так непретенциозно, неэгоистично.

— Помнишь эти свидания весной? — спросила она как-то. Не Дэйва, она говорила по телефону, сидя за кухонным столом с тяпкой на коленях — видимо, звонок помешал садовым работам. — Каждый раз, когда наступает весна, я снова думаю об этом. Мальчики являлись к парадному входу в рубашках с короткими рукавами, еще чувствовался запах от утюгов, которыми поработали их матери, а девочки надевали платья в цветочек и балетки, без чулок, что-то было такое свежее и такое… свободное — впервые выйти с голыми ногами.

Дэйв сидел тогда в гостиной с сыновьями и еще с кем-то. Кто это был? Какая-то соседка, приятельница Конни, заглянула к ним.

— Конни по телефону говорит, — сообщил ей Дэйв. — С минуты на минуту закончит.

Наклонив голову, он прислушивался, ожидая завершающих разговор ноток, но Конни смолкла, и Дэйв вдруг спохватился, что она уже несколько минут ничего не говорит. Потом он понял: только

тишина и реальна, тишина в его спальне. Конни больше никогда не скажет ни слова.

В самом старом альбоме женщины были в жестких платьях и со сложными прическами, мужчины прятали подбородки в высоких воротниках, младенцы смотрели сурово, придушенные белыми кружевами. Дэйв мог бы заинтересоваться жизнью этих людей, знай он, кто они такие, но он ничего не знал. Надписи на обороте были до обидного неинформативны. *Воскресенье, сентябрь 1893, перед роскошным обедом*, гласила одна. Или другая: *Прекрасный амариллис, который мама подарила нам на Рождество.* Этим людям, видимо, и в голову не приходило, что однажды их снимки будет перебирать кто-то посторонний.

Более поздние были надписаны внятнее, да и без подписей Дэйв узнал бы своих бабушку и дедушку по отцу, сидящих на лужайке с новорожденным первенцем — его будущей тетей Луизой, ее единственную любовь унес туберкулез, а сама она скончалась в восемьдесят восемь лет в доме престарелых, выжив из ума, но на фотографии она браво шагала в камеру, вытянув вперед маленькие ручки, а родители следили за ней с самыми гордыми, самыми счастливыми

улыбками.

Люди сороковых выглядели неожиданно гламурно, даже его мать в домашнем платье в косую полоску. В пятидесятые цвета прибавилось — по большей части пронзительно розовый и голубой, — но платья какие-то обвисшие, мятые, мужские стрижки чересчур короткие. Неужели Конни и впрямь выходила на люди в сверкающем розовом футляре, сужавшемся к середине лодыжки настолько, что подивишься, как она двигаться-то могла?

После этого темп жизни, видимо, ускорился — поздние фотографии так и не были вклеены в альбом. Дэйв открывал конверт за конвертом: Битси в пору кривых зубов, до того, как поставили брекеты; Эйб с щенком терьера, которого вскоре после приобретения переехала машина; снова Эйб, вручение дипломов. В самом последнем, самом тонком конверте Джин-Хо и Сьюзен пускали друг в дружку мыльные пузыри. Но и этот снимок, казалось, сделан давным-давно, лица девочек намного круглее и при этом не столь выражены, не столь индивидуальны черты.

Так в чем же *смысл*, в чем *смысл*, в чем *смысл*? Он протер начисто угловой шкаф (три тряпки понадобились) и сложил на нижнюю полку аль-

бомы и конверты. Налоговые квитанции спрятал в ящик стола, где прежде лежали аптечные припасы. Из подвала принес ящик с набором малых инструментов, коробку с отделениями для шурупов и гвоздей, любимые пособия по ремонту и банку с клеем — распределил все на верхних полках шкафа (туда же отправились и крючки для вязания, и корзина для шитья, оставшаяся после Конни). Мусор вынес в проулок, пакеты для «Гудвил» сложил в багажник автомобиля. Протер стол и журнальные столики. Закинул в корзину для стирки грязные тряпки. Смел обрывки бумаги, пропылесосил пол и диван.

Он слишком устал, чтобы готовить ужин. Выпил два стакана скотча и лег, провалился в пьяный сон, матерчатый, словно тканью накрывший лицо. Ему снилось, будто он где-то за городом, на широком поле, — это, сообразил он, кладбище мебели. Брошенная мебель группировалась по категориям — акр кроватей, акр бюро, акр обеденных столов. Десятки кресел стояли под шелковицей, сиденья их были пусты, сквозь подушки проросли сорняки, и оттого, что кресла смотрели друг на друга, они казались еще более одинокими.

«Как это можно вытерпеть?» — спросил он,

и кто-то вдали, какой-то мужчина в вылинявшей одежде, жестоким насмешливым голосом пропел: «Оооо, как это можно вытерпеть?» Дэйв замер, испуганный, — потом почувствовал, как чья-то рука скользнула в его руку, обернулся и увидел Мариам Яздан, невозмутимо разглядывавшую те же стулья. «Они думают обо всем, что видели в жизни, — сказала она ему. — Они любят вспоминать». Ему это почему-то показалось утешительным, и когда она предложила: «Пойдем?» — он крепче сжал ее пальцы и следом за ней пошел прочь с этого поля.

6

К тому времени, как Мариам сообщили о новом доме, Сами и Зиба уже внесли залог и назначили день переезда.

— Новый дом? — спросила она. — Я и не знала, что вы собираетесь.

— О, мы и сами это едва ли знали, — ответил сын, а Зиба добавила:

— Мы не были уверены, что найдем то, чего хотим, так зачем говорить людям.

Но Мариам ведь не «люди», и к чему такая секретность? Они же перебирали брошюры риелторских компаний, многократно ездили на осмотры, сравнивали преимущества того и иного района. И ни слова.

Вслух Мариам сказала:

— Что ж, замечательно. Поздравляю.

И похлопала Сьюзен по коленке. Они сидели в гостиной Мариам, Сьюзен рядом с ней на диване, с книжкой-раскраской.

— Ты как, волнуешься? — спросила Мариам внучку. — Уже видела свою новую комнату?

— Там подоконник-диванчик, — сообщила

Сьюзен.

— Вот как! Диванчик!

— Поднимешь подушки, а под ними можно все мои игрушки сложить. Джин-Хо и я даже внутрь залезли.

Джин-Хо уже побывала в новом доме? Они рассказали Дональдсонам раньше?

Сами откашлялся и пояснил:

— Мы сказали Брэду и Битси, потому что это рядом с ними.

— А! Маунт-Вашингтон, — сказала Мариам.

— Надеюсь, ты не огорчишься из-за того, что мы не переехали поближе к тебе, мам. Мы думали о Роланд-парке, но общая атмосфера Маунт-Вашингтона показалась нам более… не знаю, как сказать…

Общая атмосфера Маунт-Вашингтона более дональдсоновская, поняла Мариам. Но вслух этого лучше не говорить.

— Ну, вы все равно окажетесь гораздо ближе. В пяти-десяти минутах езды. Я в восторге.

Сами и Зиба одновременно подались вперед и подняли чашки с чаем, словно почувствовали облегчение, и Мариам тоже взяла чашку и улыбнулась им.

Она понимала, почему они ее не предупредили.

Стеснялись, что снова подражают Дональдсонам. Уж эти Дональдсоны, блаженно уверенные, что их путь — единственно правильный. Этим кормите девочку, а тем не корми́те, пусть смотрит по телевизору такие программы, а другие не смотрит, живите в этом районе и ни в каком другом. Типичные американцы.

Но Сами и Зибе Дональсоны казались особенными, и Мариам не считала, что в ее обязанности входит вразумлять их.

Новый дом на улице Петтиджон всего на три квартала отстоял от жилища Брэда и Битси. Высокое крыльцо, величественные старые деревья, просторный задний двор. Но всего одна гостевая комната, поэтому Зиба сказала, что придется купить раскладной диван для родственников. Она пригласила Мариам вместе пройтись по магазинам. Разумеется, будучи декоратором, она знала все мебельные магазины и со знанием дела обсуждала стиль и материал и вероятное время доставки.

— Ох, только не от «Мерфри-Мейнсбург»! — сказала она продавцу. — Они сто лет везти заказ будут.

Это произвело на Мариам впечатление, хотя в глубине души она все же несколько сомневалась

во вкусе невестки. Зиба пояснила, что конечная цель — обставить весь дом в американском колониальном стиле, и она отбирала кровати с кружевным пологом на четырех столбиках, обитые изнутри бархатом сундучки для хранения всевозможных бумажек, вращающиеся стулья с витой ножкой, телевизор и приставку словно в фестончиках, сплошь до сияния полированное дерево цвета какао, на вид какое-то ненастоящее. Но что Мариам в этом понимала.

Они переехали в апреле, в пятницу, — свободный день у Зибы и рабочий у Мариам, так что Мариам прошла по коридору из своего кабинета в детсадовскую группу и позвала Сьюзен. Она сама предложила несколько дней забирать девочку к себе.

Сьюзен ходила в группу трехлеток, четыре ей исполнилось только в январе. Обычно Мариам подавляла желание лишний раз взглянуть на нее, и даже когда трехлетки топали мимо стеклянной двери кабинета на прогулку, она сосредоточенно просматривала бумаги на столе. Но какое же удовольствие — под уважительным предлогом войти в группу. Детишки убирали рисовальные принадлежности, мыли руки в раковинах — взрослому по колено, — вешали

халаты в шкафчики, обозначенные их именами. В первую минуту Мариам не увидела Сьюзен — та пристроилась у читального стола с книгой. Раньше всех закончила рисунок или вовсе не участвовала в уроке? Мариам всегда беспокоилась по такому поводу, потому что Сьюзен на фоне шумных сверстников казалась очень сдержанной. Но воспитательницы дружно уверяли, что она отлично справляется. «Она такая маленькая… *личность*», — недавно сформулировала одна из воспитательниц. Именно так и Мариам думала о внучке и потому немного успокоилась.

— Нам пора, — сказала она Сьюзен. — Ты сегодня у меня — помнишь?

Сьюзен захлопнула книгу и поставила на полку — все это не говоря ни слова, — но, проходя мимо воспитательницы, сообщила:

— Сегодня я буду спать в новом доме.

— О, я *знаю*, — ответила учительница. Грета ее зовут — такая восторженная.

— Но сперва я поеду к Мари-джан, потому что мама еще только готовит мою кровать.

— Вот как тебе повезло! — сказала Грета и улыбнулась Мариам: — Хорошенько повеселитесь вдвоем.

Мариам улыбнулась и поблагодарила, но Сью-

зен вышла из комнаты, не ответив Грете. И в машине отказалась обсуждать прошедший день. Мариам давно следовало привыкнуть, и все же она каждый раз задавала этот вопрос: «Как дела в саду? Чем занимались?» — а Сьюзен глазела в боковое окно, и ее молчание казалось не грубым, а, наоборот, тактичным, словно она из вежливости не замечала допущенного Мариам промаха. Она все еще ездила в специальном детском сиденье, потому что не набрала вес. Джин-Хо уже перешла на бустер, детское сиденье без спинки, но Сьюзен пока не доросла, хотя и пыталась по этому поводу спорить.

Неделю назад Мариам подобрала маленького бродячего кота и назвала его Муш, «Мышь» на фарси, за серую шкурку. Сьюзен влюбилась в кота и, войдя в дом, сразу понеслась по комнатам, взывая:

— Муш! Муш! Муши-джан! Где ты, Муши-джан?

— Пусть лучше он тебя ищет, — посоветовала Мариам. — Пойдем на кухню, ты пополдничаешь. И он явится.

Так и вышло. Едва Сьюзен принялась за молоко с печеньем, откуда ни возьмись возник Муш, принялся тереться о ножки ее стула.

— Муш! — заверещала она. — Можно его угостить? Можно дать молока?

— Лучше кошачье лакомство, — ответила Мариам и вручила ей коробку.

Сьюзен соскользнула со стула и уселась на корточках возле Муша, острые голые коленки торчали из-под шорт. На стене над ее головой зазвонил телефон. Мариам дотянулась и ответила:

— Алло?

— Это Дэйв Дикинсон, Мариам. Как дела?

— Привет, Дэйв, все хорошо, а у вас?

— Я слышал, вы присматриваете за Сьюзен?

— Только пока не закончится переезд.

— Я подумал, может, привести Джин-Хо для компании?

— О, у вас сегодня Джин-Хо? — спросила Мариам.

— Э, нет, но я могу за ней съездить.

— Это очень мило. Сьюзен, хочешь, чтобы к нам приехала Джин-Хо?

Сьюзен ответила «да», не сводя глаз с кота, который осторожно обнюхивал предложенное угощение, и Мариам сказала Дэйву:

— Мы будем рады ее видеть. Спасибо, что подумали об этом.

— Явимся через полчаса, — посулил он.

В последнее время он нередко предлагал Мариам что-то в этом роде. Должно быть, тосковал по Конни. И вероятно, с трудом адаптировался к пенсионному существованию, судя по тому, как затягивал разговоры, подолгу прощался и непременно присоединялся к любой встрече Дональдсонов и Язданов.

На этот раз он остался, привезя Джин-Хо, несмотря на то что Мариам охотно присмотрела бы за обеими девочками.

— Да какие у меня особые дела, — сказал он и как-то странно скривился. — То есть, — добавил он, — мне тут *нравится.* Я бы посидел, если не помешаю.

— Ничуть, — сказала Мариам. На самом деле она собиралась приготовить ужин и отвезти его Сами и Зибе, но вместо этого спросила: — Чашечку чая? Или кофе?

— Кофе хорошо бы. О нет, простите, у вас же полно дел, да? Право, я нисколько не нуждаюсь в кофе.

Она улыбнулась этому обороту речи. Дэйв в последнее время именно «нуждался». Он с такой надеждой смотрел на людей, он следил за Мариам так упорно, пока она сновала по кухне, а когда она поставила перед ним чашку, рассыпался в

неумеренных благодарностях.

— Вы так добры, — сказал он. — Понимаю, я доставляю лишние хлопоты.

— Да какие хлопоты! — ответила она.

Раз он тут угнездился, придется готовить при нем. Мариам достала из шкафа сковородку — постаралась не греметь, как будто до последнего пыталась скрыть от него свои планы.

Когда в сковородку полилась вода, он что-то сказал, но она не расслышала. Завернув кран, переспросила:

— Что вы говорите?

— Говорю, кофе необыкновенно вкусный. В каком-то особом месте его покупаете?

— В обычном супермаркете, — ответила она со смешком.

— Ну, может быть, это потому, что кофе кто-то сварил для меня. Ужасно устал сам себе готовить.

Промельк серого: Муш удирал от следовавших за ним по пятам девочек. Он не бежал, но быстро шагал, стараясь соблюсти достоинство, и девочки зажали его между столом и дверью. «Муши-муш! — звали они наперебой. — Муши-джан!» — и Джин-Хо тоже, она присела на корточки рядом со Сьюзен, приманивала кота

лакомством. Она была одета, как Сьюзен, в шорты и футболку, на ногах бесформенные сандалии, какие в тот год носили все дети.

— Муши? Его так зовут? — спросил Дэйв.

— Муш, — уточнила Сьюзен.

— Ну хорошо. Здравствуй, Муш, — сердечно приветствовал кота Дэйв. — Откуда ты родом?

Сьюзен обернулась к Мариам, нахмурилась:

— Я не знала, что Муш умеет разговаривать.

— Он не умеет, — пояснила Мариам, помешивая рис. — Придется тебе за него ответить.

— А! — Сьюзен снова повернулась к Дэйву и сказала: — Мари-джан нашла его под крыльцом.

— Счастливчик Муш! — откликнулся Дэйв.

— И знаете что, — переключилась Сьюзен, — я сегодня буду спать в моей новой комнате.

— Да, я слышал. У вас теперь целый новый дом.

— Сегодня грузовик перевезет мою кровать.

— Это обычный дом или волшебный? — спросил Дэйв.

— Как это?

— Например, иногда по утрам, на пробежке, я вижу в двух кварталах от меня дом, на который мне очень нравится смотреть. Там на веранде качели, и гамак, и купол на крыше. Но в другие

дни я его не вижу.

Сьюзен, сидя на корточках, молча изучала Дэйва.

— То есть его там нет, — продолжал он.

— Куда же он девается?

— Ну, не знаю, иногда он стоит там, а иногда нет. Так со многими вещами бывает — гораздо чаще, чем мы замечаем.

— Правда? — обернулась Сьюзен к Мариам. — Так бывает?

— И был один, и не было одного, — процитировала Мариам, к собственному удивлению. — Кроме Бога не было никого.

— Что это? — спросил Дэйв.

— Так начинаются многие сказки у нас. Наверное, это что-то вроде «жили-были».

— Вот как! — сказал Дэйв и поставил чашку на стол. — Замечательно! Повторите еще разок? «И был один…»

— Это всего лишь неуклюжий перевод, — сказала она.

— Но как там дальше?

Почему она вдруг почувствовала такую усталость, сама не знала. Уронила половник в рис. Сидя у ее ног, Сьюзен твердила:

— Что такое купол, Мари-джан? В моем новом

доме есть купол?

Не отвечая девочке, Мариам обратилась к Дэйву:

— Знаете, просто глупо вам тут сидеть целый день сложа руки. Давайте я привезу Джин-Хо, когда поеду со Сьюзен?

— О! — пробормотал он.

На миг ей сделалось его жаль.

— Нет, конечно, вас никто не гонит, — сказала она. — Только зачем же день терять?

— Нет у меня дня, Мариам.

Она притворилась, будто не слышала.

— Только и надо — установить бустер Джин-Хо в мою машину, — сказала она. — Вот о чем я вас хотела попросить, если вы не против.

На что он был вынужден ответить:

— Да, разумеется, я не против.

Поднялся, руки бессильно повисли по бокам, растерянный, безутешный. И все же она не смягчилась.

Сьюзен и Джин-Хо весь день строили Мушу домик из картона. Процарапали карандашом окошки, выпросили у Мариам коврик из ванной, чтобы уложить его на пол в домике. Кровать сделали из картонной коробки и постелили туда одну из принадлежавших Мариам шалей, хотя

Мариам и предупреждала их, что Муш вряд ли обрадуется такой кровати.

— Кошки своевольны и не станут спать там, где им укажешь, — сказала она.

Джин-Хо ответила:

— Хорошо, тогда сделаем из коробки ему стол.

Но Сьюзен, тоже своевольная, уперлась:

— Нет! Это его кровать! Я хочу, чтобы он тут спал.

— Что ж, попытка не пытка, — сказала Мариам.

— И мы сделаем купол!

Мариам рассмеялась и вернулась к плите.

Около шести часов вечера позвонила Зиба — сообщить, что переезд более-менее состоялся. Мариам увернула кастрюлю с рисом в полотенце, собрала девочек и усадила их в машину. Когда она высаживала Джин-Хо возле дома Дональдсонов, вышла Битси и вынесла запакованное в пенопласт угощение для Сами и Зибы.

— Это на завтра, — сказала она, — и я подумала, что послезавтра можно пригласить их на ужин. Приедете к нам, Мариам? Я бы и папу позвала.

— О нет, спасибо, у меня дела, — ответила Мариам. Ей не хотелось, чтобы Сами и Зиба подумали, будто она чересчур много места занимает в их

жизни.

По дороге она попыталась научить Сьюзен ориентироваться:

— Смотри, когда ты станешь достаточно большой, чтобы самой возвращаться домой от Джин-Хо, ты пройдешь мимо большого дома с решетками и пересечешь улицу — помни, сначала надо посмотреть и направо и налево, — потом на следующей улице повернешь направо, там, где двор с кормушкой для птиц…

Сьюзен слушала молча, всматриваясь в каждую примету, как будто запоминая. Какая у нее прелестная осанка! Девочка сидела в детском креслице словно миниатюрная королева, безупречно владея собой.

Зиба встретила их у двери в старой рубашке Сами. Лицо ее блестело от пота, на щеке расползлось грязное пятно.

— Входите! — велела она. — Добро пожаловать в новый дом, Сьюзи-джан! — Она подхватила дочку на руки и стала показывать гостиную: — Видишь, как тут красиво! Тебе нравится? Смотри, куда мы твою лошадку поставили!

Мариам, с рисовой кастрюлей в руках, пошла не в комнаты, а прямо в кухню. Она собиралась попросить Сами, чтобы тот вынул из машины

большой термос от Битси, но Сами нигде не было видно, а Зиба уже понесла Сьюзен наверх, неумолчно (и довольно нервозно) щебеча о том, какая у Сьюзен теперь красивая комната. Пришлось Мариам самой возвращаться за термосом. Распаковав его, она обнаружила внутри не только горшочек с горячей едой и салат, но и десерт — домашний пирог. Пирог она выложила на стол рядом со своей кастрюлей. В кастрюле — самая любимая еда Сами, рис с рыбой и зеленью, вполне самодостаточная еда, но теперь Мариам с огорчением подумала, что надо было что-то еще добавить.

Зиба вышла в кухню, ведя за руку Сьюзен, и спросила:

— Останетесь поужинать с нами?

Мариам с самого начала собиралась остаться, но приглашение в форме вопроса ее смутило. Она ответила:

— О, ну у тебя же дел много.

— Мы всегда вам рады, — сказала Зиба, но не стала отрицать, что дел много.

Так что Мариам отклонила приглашение и отправилась домой.

Садясь в машину, она помахала рукой Зибе и Сьюзен, которые вышли на крыльцо ее про-

водить, и усомнилась в правильности своего решения. Следовало, наверное, предложить свою помощь — накрыть на стол, они бы вместе поели, и она бы убрала за всеми. Или Зиба рада была от нее избавиться? С ней так трудно что-то понять. Иногда Мариам догадывалась, почему Сами выводят из себя изысканные любезности «старой родины», за которыми все прячут свои истинные чувства.

Она глянула напоследок на невестку и внучку, стоявших на крыльце, и поехала прочь, неуверенная, недовольная собой.

Новый дом изменил их жизнь только к лучшему. Сьюзен могла играть с соседскими детьми, больше не требовалось организовывать и согласовывать встречи. До детского сада десять минут езды, до магазина еще ближе, к Дональдсонам — пешком. Когда в саду начались летние каникулы, Мариам вновь выпало присматривать за девочкой по вторникам и четвергам. Она уютно устраивалась на крыльце и чистила клубнику, пока Сьюзен гоняла на трехколесном велосипеде, или окучивала вместе со Сьюзен и Джин-Хо посадки на заднем дворе. Первые тощие морковины уродились в конце июня, и девочки чуть с ума от радости не сошли. Они ели их сырыми, окуная

в йогурт с укропом. Даже Сьюзен, презиравшая любые овощи, сжевала три штуки. Летом Мариам работала в «Джулии Джессап» только один день в неделю. Она оплачивала счета, просматривала письма, звонила поставщикам или договаривалась о текущем ремонте. Зачастую единственной живой душой во всем здании, кроме нее, оставался уборщик, толкавший широченную швабру по уже до блеска намытым коридорам. Директриса, миссис Барбер, на лето уезжала в Майами, но время от времени звонила и спрашивала, как идут дела.

— Превосходно! — отвечала Мариам. — Пришли работники делать новое покрытие под лазалками, как и договаривались. Отца близнецов Уиндхем перевели на работу в Атланту, так что я написала двум родителям из листа ожидания.

Она сама чувствовала, как преувеличивает свои хлопоты, будто стараясь доказать, что полностью отрабатывает жалованье.

Даже в разгар школьного года работы было не так уж много, в компании давным-давно знакомых людей день тянулся неспешно. Мариам работала словно в трансе, отрешившись от всего, сидя за безупречно чистым столом посреди

«аквариума» — общего помещения для нее, миссис Барбер и миссис Симмс, заместительницы директора. Что-то успокоительное было в том, чтобы самые простые дела исполнять идеально. Под конец каждого дня она очищала корзину компьютера и раз в месяц неукоснительно проводила дефрагментацию диска.

В июле Мариам съездила в Вермонт к своей дважды кузине, дочери дяди по отцу и тети по матери. Фара была на несколько лет моложе и во всем отличалась от Мариам. Живя в районе, где почти все жители были исконно местные, в браке с бывшим хиппи, которого она подцепила во время учебы в Париже, Фара почему-то вздумала сделаться до мозга костей иранкой. Она встречала Мариам в аэропорту, вырядившись так экзотично, что на нее и в Тегеране оглядывались бы: бордовая шелковая туника поверх тугих белых легинсов, отороченные мехом тапочки с загибающимися вверх носами — прямо с персидской миниатюры — и гроздь золотых цепочек, почти целиком укрывшая обширную грудь.

— Мари-джан! Мари-джан! — выкрикивала она, подпрыгивая. Все встречающие — бледные и бесцветные на ее фоне — обернулись и уставились на Фару. — Салаам, Мари-джан! — вопила она.

Мариам на миг захотелось притвориться, будто она с этой женщиной незнакома, но, столкнувшись с ней лицом к лицу, она увидела знакомые глаза Карим-заде — длинные и узкие, сходящиеся острым углом, и нос Карим-заде — прямой, как булавка. В отличие от Мариам, Фара не закрашивала седину, белые волосы штопором закручивались среди черных, в точности как у их общей бабушки. По дороге из аэропорта (все заднее сиденье пыльного бежевого «шевроле» завалено деталями от машины) Фара болтала на фарси с такой скоростью, словно родной язык годами накапливался, закупоренный в ее груди. Передавала новости «из дома», цитируя телефонные разговоры не только дословно, но еще и меняя голоса, тонко пищала за кузину Шоле, бухтела басом за троюродного брата Каве. Фара поддерживала куда более близкую связь с родственниками, чем Мариам.

— О, по десять раз на неделю, — говорила она, — кто-нибудь непременно изводит меня жалобами, да еще и за мой счет.

Выходит, она сама и звонила, а зачем, если эти разговоры так скучны? Что-то вроде вины выжившего, вероятно.

— Они говорят и говорят о трудностях ны-

нешней ситуации, у них так мало развлечений, почти все фильмы запрещены, почти вся музыка, алкоголь — только то, что контрабандисты доставляют после заката в бутылках из-под отбеливателя. Они думают, моя жизнь сплошь состоит из удовольствий. Представления не имеют, каково тут крутиться!

Если бы родичи услышали это заявление от облаченной в шелк и блистающей золотом Фары, они бы недоверчиво рассмеялись, но Мариам понимала, о чем она говорит. Здесь и правда нелегко, гораздо труднее, чем дома могут себе представить; порой она сама недоумевала, как они с кузиной сумели продержаться в этой стране, где все происходит так стремительно, где всем вокруг известны все правила, неведомые тебе.

— Моя сестра списки мне зачитывает, что ей прислать, — продолжала Фара. — Спортивную обувь, и косметику, и витамины — банку за банкой. В Иране сколько угодно витаминов! И очень хорошие, но она уверена, что американские витамины эффективнее. Я отправила ей пузырек «Вигор-Витс», и после первой же таблетки она мне сказала: «Я уже чувствую себя такой молодой! Столько сил прибавилось!»

Упомянув «Вигор-Витс», Фара невольно перешла на английский, возможно сама того не заметив. Это явление Мариам часто отмечала у иранцев: несутся вскачь на фарси, но мелькнет какое-то американское слово, техническое заимствование вроде «телевизора» или «компьютера», что-то щелкает в мозгу — и дальше человек говорит по-английски, пока слово на фарси не переключит его обратно.

— Наверное, ты с этим меньше сталкиваешься, ведь твои братья могут попросить, что захотят, у собственных детей, — рассуждала Фара. — По крайней мере, Парвиз может, у него же двое в Ванкувере, там прекрасные магазины. (Последняя фраза стремительно металась между фарси и английским, сначала переключателем сработал «Парвиз», потом «Ванкувер».) — К тому же ты намного сильнее. Ты умеешь просто сказать «нет». Мне следовало бы стать сильнее, а я, как это говорится… швабра?

— Тряпка, — подсказала Мариам.

— Тряпка. Об меня ноги можно вытирать.

Мариам прикусила язык.

Они мчались по сельской местности Новой Англии со скоростью, явно превышавшей ограничение, мимо маленьких аккуратных ферм — хоть

вдоль игрушечной железной дороги такие домики расставляй.

Наконец свернули на гравиевую дорожку, загремели валявшиеся на заднем сиденье запчасти. Через несколько минут машина остановилась перед серым, обшитым вагонкой домом.

— Отлично! — сказала Фара. — Уильям дома.

Он сидел на ступеньке парадного крыльца — жилистый мужчина в линялых джинсах. Завидев машину, он поднялся и побрел навстречу, улыбаясь.

— Салаам алейкум! — приветствовал он Мариам, а когда она вышла из машины, добавил: — Рад тебя видеть.

— Рада видеть *тебя*, — ответила она, прижимаясь щекой к его щеке.

Уильям, на ее взгляд, был из тех мужчин, кто навеки застрял в отрочестве. На джинсах заплатки цветов американского флага, тощая козлиная бородка, длинная косица, которая теперь, когда спереди Уильям облысел, выглядела так, словно сползла на затылок. И его страсть ко всему иранскому тоже казалась ей подростковой.

— Знаешь, я приготовил к твоему приезду фесенджан, — поспешил он ее порадовать.

— Именно этого мне и хотелось, — ответила

она.

Уильям полностью взял на себя и кухню, и всю домашнюю работу. К тому же он был добытчиком: обучал будущих писателей в местном университете. Мариам в толк взять не могла, куда Фара девает столько свободного времени. Детей у них не было — вроде бы они и не хотели, — и Фара никогда не работала.

Провожая Мариам наверх в гостевую комнату, Фара пробормотала:

– *Надеюсь,* кровать застелена… ага, хорошо.

Полевые цветы на столе, неуклюже втиснутые в графинчик, вероятно, тоже дело рук Уильяма.

Дав Мариам время распаковать чемодан, ее позвали на коктейль в гостиную, просторную и все еще отдающую сараем, как это бывает в подлинных фермерских домах Новой Англии, но украшенную персидскими коврами, эмалями из Исфахана и пестрыми, похожими на драгоценности шалями. Уильям рассказывал о новейшем своем изобретении: он возился с «игрушкой для руководителя», которая непременно их обогатит.

— Вроде гелиевой лампы, — объяснял он. — Помнишь такие? Но намного более клевая с виду.

Он принес показать свое изделие: прозрачный

пластик в форме песочных часов, внутри вязкая жидкость.

— Смотри, — сказал он, переворачивая, — как жидкость ползет вниз, сначала по часовой стрелке, а потом против часовой, на поверхности собирается пирамида, а потом вдруг плющится… Разве не захватывающе?

Мариам кивала. Это и правда оказалось до странности гипнотическим.

— Что подало мне идею: заканчивался шампунь «Макглим», и я перевернул бутылку над новой — знаешь, как это делается. Чтобы выдавить последние капли. И я смотрел, как они перетекают, и тут подумал: слушай, это же прям такой дзен, помогает сосредоточиться и сконцентрироваться. Можно это дело вывести на рынок как штуковину для снижения давления. И я взялся работать над дизайном, вычислил наиболее привлекательную форму… вот только с жидкостью никак не разберусь. То есть, понимаешь, нужна правильная консистенция. Густая, как «Макглим», но не слишком густая, разумеется, и прозрачная, как «Макглим», потому что прозрачная действует более успокоительно…

— Так почему же попросту не взять «Макглим»? — удивилась Мариам.

— А! Взять «Макглим»?

— Вроде бы очевидное решение.

— Но… шампунь. И потом, «Макглим» чуть ли не самый дорогой из всей линейки. — Он с нежностью оглянулся на супругу: — Все самое лучшее для Фары-джан.

Фара томно помахала ему рукой и сказала Мариам:

— А что поделать? У меня волосы Карим-заде — не расчешешь.

За ужином в тот вечер (настоящий иранский ужин от первого до последнего блюда, полностью аутентичный) Фара вспоминала их с Мариам детство. У нее сложилась более радужная версия прошлого, чем у Мариам, сплошь веселые застолья и выезды на семейную дачу в Мейгун или затяжные пикники с участием всех до единого родственников с обеих сторон. Куда подевались ссоры и расколы, дядюшка-опиоман и дядюшка-растратчик, бесконечная злобная конкуренция тетушек за скудное внимание их отца? Неужто Фара забыла кузину, которая покончила с собой, когда ей запретили учиться на врача, и ту, другую, которой не позволили выйти замуж за любимого?

— О, какие счастливые, счастливые времена! —

вздыхала Фара, и Уильям вздыхал в унисон и качал головой, словно сам там жил. Ему нравились разговоры об Иране, он подсказывал Фаре, когда она что-то пропускала.

— А монеты? — спохватился он. — Помнишь? Новенькие золотые монеты, которые вам в детстве дарили на Новый год.

Мариам это казалось назойливостью, хотя она и понимала, что следовало бы радоваться тому, как он интересуется их культурой.

Вероятно, из-за этих застольных разговоров ей и приснилась ночью мать. Выглядела она так, как в раннем детстве Мариам, — черные волосы без седины, ни единой морщинки, родинка над верхней губой обведена карандашом для бровей. Она рассказывала Мариам о кочевом племени, за которым подсматривала в своем детстве. Это племя заселилось на участке через дорогу, явившись как-то ночью неведомо откуда. У женщин браслеты вот посюда (она указала на свой локоть). Мужчины верхом на лоснящихся скакунах. Однажды утром она проснулась, а они все исчезли. Во сне, как прежде наяву, мать рассказывала эту историю неторопливо и нежно, печаль проступила на ее лице — и Мариам проснулась, впервые в жизни подумав, что мать, быть может, тоже хо-

тела бы исчезнуть. Ни разу в жизни она ни о чем личном мать не спрашивала — не могла такого припомнить, — а теперь было слишком поздно. Эта мысль вызвала несильную, даже приятную меланхолию. Мариам все еще оплакивала смерть матери, но уехала так далеко, совсем в иную жизнь. Они словно бы даже утратили родство.

В гостевой комнате светало, в окне над головой Мариам, в квадрате бледно-серого неба, проступил зубчатый черный хребет елового леса. Этот ландшафт показался ей столь же фантастическим, как пейзаж Луны.

Следующие дни она проводила в той ленивой женской рутине, что усвоила в детстве, — они с Фарой пили чай и листали глянцевые журналы; Уильям возился в мастерской или куда-то уезжал, искал нужные детали в хозяйственных магазинах и на свалках. Днем он принимался готовить и каждый вечер обновлял иранское меню, с величайшей гордостью произнося названия блюд на фарси.

«Попробую *хореш*», — говорил он, так напирая на «х», что звук больше походил на кашель. С каждым днем его поведение казалось Мариам все более абсурдным. Хотя беды в этом нет, разумеется. Это она придирается.

В последний вечер он сказал:

— Положить тебе *поло*?

И Мариам вдруг ответила:

— Почему ты не называешь рис просто рисом?

— Что-что? — удивился он, и Фара на миг оторвала взгляд от тарелки.

— То есть… — Мариам поспешно дала задний ход: — Спасибо, положи мне еще *поло.*

— Я неправильно произношу? — уточнил он.

— Нет-нет, просто я… — Вдруг она самой себе стала противна. Похоже, превращается в сварливую старуху. — Простите, — сказала она обоим. — Наверное, это из-за смешения языков. Я путаюсь в них.

На самом деле не это ее беспокоило.

Однажды, года через два после смерти Кияна, его коллега пригласил Мариам на концерт. Довольно приятный человек. Американец, разведенный. Подходящего предлога, чтобы отказать, не нашлось. По дороге она упомянула, что Сами «рассматривает перспективу» (именно так и выразилась) поехать в теннисный лагерь, и тот человек заметил: «У вас великолепный словарь, Мариам». Несколько минут спустя он признался, что мечтает как-нибудь увидеть ее «в национальном костюме». Стоит ли пояснять, что

Мариам никогда больше не встречалась с этим мужчиной.

А как-то раз, когда ждала приема у врача, медсестра позвала: «Захеди есть?» — и регистраторша ответила: «Нет, есть Яздан», как будто они взаимозаменимы, что один иностранный пациент, что другой. Да и произнесла она «Яздун». Впрочем, если бы регистраторша и выговорила правильно, «Яздан» — уже американизированная версия, Киян укоротил свою фамилию, перебравшись в Америку. Более того, Мариам вовсе и не была Яздан. Она — Карим-заде и на родине сохранила бы свою фамилию даже после замужества. Получается, женщины, которую так именовали, не существовало в реальности. Она — американская выдумка.

Ладно. Довольно. Мариам выпрямилась и улыбнулась сидевшему напротив нее Уильяму.

— Это лучшее *горме сабзи,* какое мне довелось попробовать, — сказала она.

Он ответил:

— Ох ты, *мерси,* Мариам.

Вернувшись в Балтимор, Мариам обнаружила в Сьюзен произошедшие всего за неделю перемены. На носу проступило несколько веснушек, меленьких, словно толченая корица, и она осво-

ила шлепанцы. Расхаживала по дому, слегка пришлепывая резиновыми подошвами. А еще, сказала Зиба, девочка узнала, что такое смерть.

— Как-то само вдруг к ней пришло, откуда — не знаю. Теперь она просыпается по два-три раза за ночь и спрашивает, придется ли ей умереть. Я отвечаю — нет, пока она не станет очень, очень, очень старой. Я понимаю, нельзя ничего обещать. И все же я говорю: «*Дети* не умирают».

— Ты совершенно права, — решительно отрезала Мариам.

— Но ведь…

— Дети не умирают.

— Битси посоветовала ей не переживать по этому поводу, потому что она вернется и станет кем-то другим.

Мариам вздернула брови.

— Но Сьюзен ответила: «Я не хочу быть кем-то другим, я хочу быть мной!»

— Еще бы! — сказала Мариам. — Битси чокнутая, так девочке и скажи.

— Ох, Мари-джан!

— Нечего навязывать свои выдумки чужим детям.

— Она только добра желает, — заступилась Зиба.

Мариам все же позволила себе насмешливо присвистнуть, хотя и знала, что Зиба права: Битси всего лишь пыталась приободрить Сьюзен. И она так их выручила, пока Мариам была в Вермонте, — не только по вторникам и четвергам забирала Сьюзен к себе, но и на всю субботу: матери Зибы пришлось срочно удалять аппендикс. Итак, Мариам сочла своим долгом пригласить Джин-Хо на весь день к Сьюзен в первый же вторник по возвращении. Брэд привез дочку в комплекте с завернутым в полотенце купальником, и девочки все утро провели в надувном бассейне. После обеда, пока они «дремали» в гостевой комнате наверху (на самом деле, конечно, перешептывались и хихикали), Мариам приготовила две кастрюльки курицы с баклажаном и, когда настало время провожать Джин-Хо домой, прихватила с собой одну из кастрюль угостить Дональдсонов.

— О, это то, что я думаю? — заговорила Битси, едва открыв дверь. — Я тот самый запах чую, да, то, что я думаю? Вы приготовили мое самое любимое!

— В знак благодарности, — сказала Мариам. — Вы так любезно взяли на себя заботу о Сьюзен.

— Я была рада это сделать! Заходите же.

— Нам пора домой, — сказала Мариам.

— Я только что приготовила целый кувшин чая со льдом.

— Спасибо, но…

— Ах, я забыла! — спохватилась Битси. — Вы такой пурист насчет чая. Наверное, вам не нравится, когда в него кладут лед.

— Ничего подобного, — ответила Мариам, хотя и правда никогда не понимала, в чем тут смысл.

Почему-то ее ответ Битси истолковала как готовность принять приглашение, развернулась и повела их в дом. Девочки поскакали следом, и Мариам нехотя вошла, недоумевая, как это получилось, что она согласилась.

— Я не оставила Зибе записку, — предупредила она, ставя кастрюлю на кухонный стол. — Она будет беспокоиться.

— Знаете, что вы должны теперь сделать? — заговорила Битси, открывая холодильник и доставая голубой кувшин. — Возвращайтесь сегодня вечером и помогите нам справиться с вашим угощением, когда родители заберут Сьюзен.

— О нет, к сожалению, не могу, — ответила Мариам.

— Отец тоже придет!

— Я уже приглашена на ужин.

Битси отошла к буфету за стаканами.

Джин-Хо окликнула ее:

— Мама, можно мне и Сьюзен попкорн?

Но Битси сказала лишь:

— Как жаль! С другом или с подругой?

— Что? А, с подругой. С Кари.

— Мама! Мама! Мам! Можно мне и Сьюзен…

— Мы разговариваем, Джин-Хо. Так что, Мариам, а возможно такое, чтобы вы сходили на ужин с мужчиной?

Мариам была ошарашена.

— Вы говорите о… о свидании? Вот уж нет.

— Почему же нет? — спросила Битси. — Вы очень привлекательная женщина.

— Для меня это все давно позади, — равнодушно ответила Мариам. — Слишком много хлопот.

— Но вы же не думаете, что с моим отцом будет много хлопот, — возразила Битси.

— С вашим отцом?

— Мама, можно мне и Сьюзен попкорн?

— Я разговариваю, Джин-Хо. — Битси поставила перед Мариам стакан чая со льдом. Себе не налила и вроде бы этого не замечала. Села напротив. — Мой отец считает вас замечательной.

— Ну… и я думаю, что он очень хороший человек.

— Не согласитесь ли вы сходить с ним на ужин?

Мариам заморгала.

— Он не знает, что я с вами об этом заговорила. Это было бы для него унизительно, если бы он узнал! Но вы так… Честно говоря, Мариам, к вам не подступишься. Если б мы ждали, пока он наберется храбрости заговорить с вами, мы бы никогда этого не дождались.

— Ох, я… — пробормотала Мариам.

— Он уже который месяц о вас вздыхает, — продолжала Битси. Она подалась вперед, сложила руки на столе. Глаза у нее округлились, заблестели. — Даже не пытайтесь меня уверять, будто ничего не замечали.

— Вы, наверное, ошибаетесь, — сказала Мариам, уже понимая, что Битси, скорее всего, права. Все эти «случайные» встречи, и как он крутился у нее в доме, как затягивал прощание… Мариам вздохнула и выпрямилась на стуле. — Поговорим о вашей малышке, — предложила она. — Зиба сказала, что китайское агентство по усыновлению ответило.

— А, да, агентство… — Но мысли Битси явно блуждали не там. Она так и застыла в позе вопрошания, пальцы переплетены, взгляд обращен

внутрь.

— Я так поняла, ребенка уже выбрали для вас.

— Да, девочку. — Битси, похоже, собралась с мыслями. — Да, разумеется, девочку. Так почти всегда. Но придется еще долго ждать. Чуть ли не до весны, можете себе представить? Нашей дочке исполнится уже десять месяцев, а то и год, прежде чем мы ее увидим, а тем временем где она? Одинешенька в огромном детском доме!

В тот вечер за ужином Мариам спросила Кари:

— Тебе не кажется порой, что ты уязвима, потому что не имеешь пары?

— Уязвима? — переспросила Кари.

— Не в смысле угрозы или неприятностей, но… не чувствуешь ли себя незащищенной? Всякий может подойти и… пригласить тебя на свидание!

— Ужас! — воскликнула Кари и засмеялась, но тут же вновь сделалась серьезной, и Мариам решила, что подруга поняла ее вопрос. Еще бы: Кари красавица, тонкие черты лица, таинственно затененные глаза. Несомненно, мужчины то и дело пытаются ее пригласить, даже если Кари об этом не упоминает. — Я отвечаю, что в моей культуре это не принято.

— Да не может быть! — воскликнула Мариам. Более свободной женщины, чем Кари, она в жиз-

ни не встречала.

— «Простите? Ужин? С мужчиной? Господи! Конечно же, вы не знали, что я вдова». Они что-то бормочут, потому что знать-то знали, но теперь будут думать, что в Турции на этот счет действует какое-то примитивное табу.

— Надо бы и мне так, — сказала Мариам, не совсем в шутку.

Наверное, теперь уже слишком поздно. Столько лет она старалась ассимилироваться, выглядеть современной, просвещенной…

— Носи вуаль, — посоветовала Кари.

И снова рассмеялась, и Мариам засмеялась вместе с ней и принялась изучать меню.

Вновь настал черед Сами и Зибы принимать гостей на праздник Прибытия. У Зибы, как выяснилось, планы были самые честолюбивые.

— Можно целиком зажарить барашка, — сказала она Мариам как-то вечером после работы. — Это ведь произведет впечатление? Вы же знаете наших друзей-греков, Ника и Софию, — они так сделали на свою Пасху. Ник выкопал на заднем дворе яму, в автомастерской им выковали решетку. Они готовы нам ее одолжить. Как думаете?

— Мне кажется, слишком много хлопот, — засомневалась Мариам.

— Я не боюсь хлопот!

— И столько еды. Много ли будет гостей?

— Конечно, целая толпа, знаете, как всегда бывает. На этот раз только двое моих братьев, так уж получилось, но с ними жены и трое детей, потом еще мои родители и Дикинсоны с Дональдсонами — по крайней мере, Мак, Эйб и отец Битси…

— Но все же, целый барашек! — повторила Мариам.

Но Зиба переключилась на какую-то другую мысль. Она изучающе присматривалась к Мариам.

— Вообще-то, — сказала она, — Битси говорила, что ее отец пришел бы, даже если б тут не было никого, кроме вас. — У нее проступила на щеке ямочка. — *В особенности* если бы не было никого, кроме вас.

— Похоже, Битси много чего наболтала, — сухо ответила Мариам.

— Битси и не нужно ничего говорить! И так видно, что этот человек чувствует!

— Ну, во всяком случае, меня это не интересует, — сообщила Мариам.

Встала и взяла свою сумочку с дивана.

— О, Мари-джан! — залепетала Зиба. — Такой добрый человек, и такой растерянный. И к тому

же подумайте, как это было бы хорошо для обеих наших семей. Неужели вы не можете хоть разок поужинать с ним?

Мариам остановилась, нащупывая в сумке ключи, и сказала:

— Ну в самом деле, Зиба! С какой стати ты предлагаешь мне такое?

— Почему бы и нет? Вы одиноки, он одинок…

— Я иранка, он американец…

— И что это меняет?

— Побывала бы ты со мной у Фары, — сказала Мариам, — не спрашивала бы. Уж как ее муж празднует ее «иностранность». Прямо-таки не Фара, а Воплощение Ирана.

— Дэйв так себя вести не станет.

— Неужели? «Расскажите мне, — заговорила она почти умоляющим тоном, — какие у вас рассказывают сказки, Мариам? Какие у вас местные обычаи? Поделитесь вашими занятными суевериями».

— Он не говорил такого.

— Но был к этому близок, — отрезала Мариам. Ключи уже были у нее в руке. — Словом, я пошла. Сюзи-джан? Сьюзен? Я ухожу.

Сьюзен не отвечала. Она распевала песенку из «Улицы Сезам», раскачиваясь на своей лошадке.

— Увидимся в четверг, — сказала Мариам.

Но Зиба не собиралась сдаваться. Провожая Мариам к двери, сказала:

— Я же не предлагаю вам выйти за него замуж.

— Зиба! Довольно!

— Я даже не говорю о романтических отношениях. Да в этой стране кто только с кем не ужинает. Это ни к чему не обязывает. Вы этого не понимаете, потому что вышли замуж по сговору и никогда не ходили в кино с чужим мужчиной, не перекусывали с ним гамбургерами.

И на это Мариам много что могла бы возразить, но она просто помахала рукой и вышла. Обычно перед уходом она прижималась щекой к щеке невестки, но не в этот раз. Втыкала каблуки в гравий дорожки, ощущая на своей спине взгляд Зибы, но не оборачиваясь.

Если бы она захотела спорить с Зибой, то могла бы сказать, что ее брак, хотя и по сговору, вовсе не был похож на то, что им представляется. Она была *вестернизированной* молодой особой, самой что ни на есть свободомыслящей, устремленной в будущее. Поступила в Тегеранский университет, но едва успевала учиться из-за политической деятельности: в то время у власти был еще шах — шах и внушавшая страх тайная полиция.

Сколько ужасных, ужасных историй. Мариам посещала секретные собрания и носила из одного убежища в другое туго скатанные листочки с сообщениями. Она подумывала вступить в коммунистическую партию. Потом ее арестовали вместе с двумя юношами — они раздавали в студенческом кампусе листовки. Молодых людей продержали несколько дней, но Мариам ее дядя Хассан сумел вытащить через час. Она толком не знала, как он этого добился. Конечно же, качал головой, прищелкивал языком и раздавал сигареты из плоского серебряного портсигара. Наверное, и какие-то суммы перешли из рук в руки. А может, и нет: семья Мариам обладала кое-каким влиянием.

И все же этого влияния окажется недостаточно, сказали ей родичи, если она и впредь будет так себя вести, подвергая риску и себя, и всех близких. Мать слегла, дяди бушевали и орали. Подумывали отослать ее в Париж, там ее кузен Каве изучал физику, попытаться выдать ее замуж за него. Выдать ее замуж *за кого угодно.*

А потом соседка, госпожа Хамиди, упомянула сына своей подруги. Врач, живет в Америке, патологоанатом, хорошо оплачиваемая работа с девяти до пяти, и не бывает срочных вызовов.

Вот-вот приедет домой в отпуск. Мать хотела бы его женить. Знакомила с девушками, но он не проявлял интереса.

Госпожа Хамиди пришла на чай с подругой и ее сыном Кияном. Высокий, серьезный, сутулый мужчина в темно-сером деловом костюме. Он показался Мариам совсем старым (потом забавно было об этом вспоминать — целых двадцать восемь лет!), но лицо приятное. Густые брови, большой выразительный нос, а уголки губ выдавали его мысли — чаще всего опускались, если приходилось слушать болтовню старух, но разок-другой дернулись кверху, когда Мариам сумела остроумно парировать. Она видела, что мать Кияна сочла ее дерзкой, но что за беда? Мариам планировала выйти замуж по любви — лет в тридцать, не раньше.

Женщины поговорили о погоде, с каждым годом нарастает жара. Мать Мариам сообщила, что розовый куст выпускает листочки. Все взгляды устремились на Мариам и Кияна, их с самого начала усадили на соседние места.

— Мариам-джан, — сладчайшим голосом заворковала мать, — покажи, пожалуйста, доктору-ага розы.

Мариам шумно вздохнула и поднялась. Киян,

бурча, последовал за ней. Как во всех гостиных, где довелось побывать Мариам, десятки стульев с прямыми спинками, выстроенные вдоль стен, обрамляли огромный квадрат пустого пространства, который Мариам и Кияну пришлось пересечь, чтобы выйти в сад. Посреди этого квадрата Мариам обуял какой-то бес, она остановилась, обернулась ко всем этим таращившимся на нее женщинам и исполнила несколько па чарльстона, ту часть, когда руки нахально мотаются перед коленками. Никто и глазом не моргнул. Мариам повернулась и вышла, Киян за ней следом.

В саду она указала рукой на голые колючие кусты:

— Полюбуйтесь розами!

Уголки губ у Кияна снова дернулись вверх, это она заметила.

— Фонтан, жасмин, полная луна и соловей, — перечисляла она.

Луны, разумеется, не было никакой, да и соловья, но Мариам настойчиво простирала руку в том направлении, где всему этому следовало быть.

Киян сказал:

— Прошу прощения.

Она обернулась и внимательнее прежнего

вгляделась в его лицо.

— Это не моя была затея, — пояснил он.

В его произношении была какая-то едва уловимая особенность. Не акцент и, безусловно, не манерность (в отличие от ее кузена Амина, который, вернувшись из Америки, изображал, будто напрочь забыл фарси — до такой степени, что как-то раз обозвал петуха «мужем курицы»). Но видно было, что Киян отвык от родного языка, и почему-то из-за этого он казался менее авторитетным, и лет ему, конечно, меньше, чем она сначала решила. Мариам почувствовала, как смягчается.

— И не моя затея, — кивнула она.

— Да уж догадываюсь, — ответил он, и на этот раз уголки его рта поднялись настолько, что вышла настоящая улыбка.

Они присели на каменную скамью и обсудили события в стране за время его отсутствия.

— Слышал, люди выходят на демонстрации против нашего могущественного шах-ин-шаха, — сказал он. — Ох, какой грубый, злой народ.

Оба тихо рассмеялись и пустились сопоставлять свои взгляды на политику, права человека и положение женщины. По каждому пункту они были заодно. Они перебивали друг друга, выплес-

кивая свои мысли, а примерно через полчаса Киян повернул голову в сторону дома, и Мариам, проследив за его взглядом, обнаружила трех своих тетушек, сгрудившихся у окна. Осознав, что их заметили, тетушки поспешно скрылись.

Киян ухмыльнулся Мариам:

— Здорово мы их порадовали.

— Бедняжки! — подхватила Мариам.

— Сходим завтра в кино? Тогда они вовсе в рай вознесутся.

— Почему бы и нет, — засмеялась она.

Они сходили в кино следующим вечером, а через день ели вместе кебаб, потом был праздник в университете, потом вечеринка у одного из его друзей. В ту пору молодые женщины обладали в Иране большей свободой, чем когда-либо прежде или потом (сколько бы Мариам ни ворчала), и ее родные запросто отпускали ее без присмотра. Кроме того, все полагали, что у Кияна честные намерения. Они, конечно же, поженятся.

Но они-то не собирались вступать в брак, они обсудили и решили, что брак чересчур ограничивает и стесняет и вступать в него надо лишь тогда, когда люди намерены обзаводиться детьми.

По ночам она стала ощущать его присутствие, не всего Кияна целиком, но то запах мускатного

ореха, то высокую тень, сопутствовавшую ей на прогулках; она ощущала его интерес — серьезный, чуть насмешливый.

Одно обидно: к их встрече он пробыл в стране уже пять дней из намеченных трех недель. Скоро ему уезжать. Родственницы Мариам вновь забеспокоились, стали задавать почти прямые вопросы. Один-другой дядюшка возникал и с надеждой поглядывал на Кияна всякий раз, когда тот заходил в гости.

Мариам притворялась, будто ничего этого не видит. Жила весело, независимо.

Как-то раз после английского семинара она сбегала с друзьями по длинной лестнице и увидела, что внизу ее ждет Киян. Несмотря на весну, резко похолодало. Он надел коричневую вельветовую куртку, поднял воротник — и вдруг показался ей таким американским, *иным.* Он смотрел в другую сторону, туда, где пассажиры садились в автобус. Этот сильный, четко очерченный профиль… внезапно желание пронзило ее.

Он обернулся, увидел Мариам и почему-то без улыбки следил за тем, как она приближается. Когда она остановилась перед ним, он сказал:

— Наверное, нам следует сделать то, чего они хотят.

И она ответила:

— Ладно.

— Ты поедешь со мной в Америку?

И она ответила:

— Поеду.

Они пошли от университета вместе, Мариам прижимала книги к груди, Киян глубоко запихал руки в карманы.

Выяснилось, что вместе с ним она уехать не успеет, оставалось всего четыре дня. Церемонию провели заочно в июне — Киян по телефону из Балтимора, Мариам в свадебном платье западного образца, в пол, вокруг члены обеих семей. На следующий вечер она улетела в Америку.

Мать держала Коран над ее головой, когда Мариам переступала порог родительского дома, все женщины плакали. Словно они и не молились о том, чтобы поскорее выдать ее замуж, — с самого дня ее ареста.

Мариам не принадлежала к числу тех иранцев, для кого Америка была землей обетованной. Ее саму и ее университетских друзей Штаты сильно разочаровали: демократия, к их величайшему изумлению, поддержала монархию, когда престол шаха пошатнулся. Так что в новую страну она ехала отчасти взволнованная, но отчасти и

настороженная. (Но в глубине души — постыдно ликуя при мысли, что никогда больше не придется ходить на политические собрания.) Главное же — она ехала к Кияну. Даже самые близкие подруги не знали, насколько он завладел каждой клеточкой ее мозга. Когда она вышла в зал балтиморского аэропорта и там он ее ждал в рубашке с короткими рукавами, обнажающими незнакомые ей худые руки, Мариам на миг ощутила шок: разве об этом мужчине она грезила дни напролет?

Ей было девятнадцать, она не умела готовить, мыть пол, водить автомобиль, но Киян явно считал, что она со всем как-нибудь справится. То ли ему не хватало самого элементарного сочувствия, то ли он был столь лестного мнения о ее способностях. Порой Мариам склонялась к первой версии, порой к другой — день на день не приходится. Бывали хорошие дни, а бывали плохие — поначалу больше плохих. Дважды она собирала вещи, чтобы ехать домой. Однажды она обозвала мужа эгоистом и опрокинула кувшин йогурта ему на тарелку. Он что, не видит, как она одинока — всего лишь женщина, без помощи и защиты?

В ту пору за границу не звонили так часто,

как теперь, вместо этого Мариам писала матери письма. Она писала: «Я привыкаю и ко многому приспособилась», она писала: «У меня появились друзья, и мне здесь вполне хорошо», и со временем это стало правдой. Она записалась на водительские курсы и получила права, она училась по вечерам в университете Таусона, она впервые приняла гостей. Постепенно Мариам сообразила, что и Киян вовсе не был так привычен к американской жизни, как ей думалось. Он одевался более формально, чем коллеги, и не всегда понимал их шутки, почти не владел обиходным, разговорным английским. Это открытие вовсе ее не разочаровало — напротив, Киян стал ей милее. По ночам они спали, свернувшись и прижимаясь друг к другу, словно два орешка кешью. Ей нравилось утыкаться носом в густые влажные кудри у него на затылке. Вот уж чего самые могущественные и мудрые тетушки не сумели бы организовать.

Насчет барашка на решетке Сами сомневался — как бы соседям не досадить дымом. В итоге Зиба добавила в меню другие блюда, ее мать приехала за неделю до праздника и помогла с готовкой. Вечерами к ним присоединялась и Мариам. Они чистили баклажаны, лущили нут, резали

лук, так что слезы струились по щекам. Сьюзен поручалось мыть и замачивать рис. Мариам растроганно следила, как девочка стоит на стуле у раковины, такая маленькая, фартук укрывает ее до кончиков пальцев на ногах, и сосредоточенно помешивает рис в дуршлаге с холодной водой. За работой она пела ту песенку, что Битси разучивала с девочками для праздника. Очевидно, Битси отказалась от надежды выучить встречающих чему-то новому, вместо «осточертевшей “Они едут из-за гор”», как бедолага в сердцах высказалась, и целиком сосредоточилась на самих девочках. Выписала диск с корейскими детскими песенками, но, к своему огорчению, не нашла ни единого английского слова даже на лейбле. «Это с тем же успехом могут оказаться похоронные плачи», — жаловалась она Зибе. Впрочем, выбранная ею песенка совсем не походила на плач, бойкая, нахальная мелодия, хор подпевал «О-ла-ла-ла». Мариам сочла эту песенку очень милой, хотя Сьюзен и говорила, что им с Джин-Хо больше нравится другая. Она спела оттуда одну строчку — «По-по-по», так это воспринималось на слух — и согнулась пополам от смеха.

Мариам улыбнулась и покачала головой. Ее поразило, с какой легкостью Сьюзен уловила

непривычные ритмы, словно ее корейские корни и впрямь были живы. Но вот она стоит и встряхивает сито с рисом тем решительным, от себя, движением, что знакомо любой иранской хозяюшке.

В кухне все поневоле сближались, и даже миссис Хакими осмелилась обратиться к Мариам просто по имени.

— Достаточно ли мяты, Мариам? — заговорила она на фарси.

И, как назло, Мариам не сумела вспомнить имя своей сватьи, но все-таки вывернулась:

— Ну, ты же в этом разбираешься гораздо лучше, — использовав на фарси дружеское «ты».

Почему они до сих пор держатся столь формально? Им бы давно следовало стать почти сестрами. Вероятно, Хакими считают ее чересчур независимой, подозревала Мариам. Или же необщительной. Что-то в этом роде.

Зиба пустилась обсуждать список гостей.

— Нам бы надо побольше пригласить с нашей стороны, — рассуждала она. — Как жаль, что у Сами нет братьев и сестер. Дональдсонов всегда так много. Вы бы могли позвать Фару, например?

— О! — сказала Мариам. — Ну… — И умолкла.

Фара, скорее всего, приняла бы приглашение.

И с ней бы приехал Уильям, разве что ему бы помешал ретроградный Меркурий или еще какая нью-эйджевская фигня. Они бы провели у Мариам неделю, а то и больше, и ей пришлось бы участвовать во всех их многочисленных «активностях». Фара прекрасно ладила с Хакими. В прошлый раз, когда Фара приезжала в Балтимор, Мариам пришлось трижды возить ее в Вашингтон на обед, а потом и самой принимать гостей, чтобы отблагодарить всех тех, кто был так мил с ее кузиной.

Верно, верно, она необщительная.

В тот вечер Мариам вернулась к себе, радуясь возможности побыть одной, в тишине и спокойствии своей жизни. На ужин — стакан красного вина и кусочек чеддера. Она включила телепередачу о медведях гризли. Но тут позвонил Дэйв Дикинсон.

— Я тут думал насчет праздника, — сказал он. — Давайте я подвезу вас?

— Спасибо, но…

— Нет смысла ехать поодиночке на двух машинах.

— Да, но мне надо приехать заранее, — возразила она. — Помочь напоследок.

— Я бы, может, тоже пригодился.

— Вряд ли, — сказала она. — К тому же вы живете совсем недалеко от них. Зачем же заезжать за мной?

— Наверное, мне просто хотелось побыть в вашей компании.

— Спасибо, — ответила она.

Молчание.

— Всего доброго! — сказала она и повесила трубку.

Медведь продирался сквозь лес, шкура ободранная, свалявшаяся. Грустное зрелище. Мариам нажала кнопку на пульте и выключила телевизор.

7

Китайская сиротка была наконец «готова» (словно маффин, подумал Дэйв, услышав это выражение). Брэд и Битси упаковали детскую одежду трех размеров, игрушки для детского дома, деньги в красных подарочных конвертах, одноразовые бутылочки, порошковое молоко, сливовое и персиковое пюре, цинковую мазь, лекарство от чесотки, детский «Тайленол», термометр, антибиотики — и детские, и взрослые, — батончики с хлопьями, смеси орехов с сухофруктами, таблетки для очистки воды, мелатонин, компрессионные чулки, адаптеры для розеток, аптечку срочной зубоврачебной помощи и маски для защиты от загрязненного воздуха. Дэйв, отвозивший дочь и зятя в аэропорт, с трудом впихнул все это в багажник.

Ему предстояло прожить три недели с Джин-Хо в доме Битси и Брэда, а не у себя, поскольку родители сочли неправильным так надолго отрывать не достигшую пяти лет девочку от дома. Спать в комнате Битси и Брэда казалось неправильным, словно вторжение в их жизнь, но опять-таки

Битси настояла (ближе к детской). Каждое утро при пробуждении он первым делом видел фотографию Брэда и Битси, они обнимались на каком-то пляже. Затем в глаза бросалось деревце с сережками Битси — огромные грубоватые поделки из меди, глины и дерева. Поскольку было начало февраля, будние дни Джин-Хо проводила в детском саду — это выручало. А по вечерам их частенько приглашали на ужин к Маку или Эйбу, к Язданам или кому-нибудь из соседей. Но остальное время они проводили вдвоем, Дэйв и Джин-Хо сами по себе. Он говорил себе: теперь-то они сумеют по-настоящему сблизиться. Не каждому деду выпадает такой шанс. И ему нравилось общаться с Джин-Хо. Живая, любопытная девочка, неутомимая болтушка, любительница настольных игр, обожавшая любую музыку. И все-таки он никак не мог избавиться от глубоко затаенной тревоги. Как ни суди, девочка-то не его. Вдруг что-то стрясется? Когда она выходила во двор поиграть, он поминутно выглядывал в окно. Когда они переходили узкую, без машин, улицу, он брал ее за руку, хотя малышка и протестовала:

— Мама разрешает мне переходить просто рядом с ней!

— Ну, я не твоя мама. Я вот такой беспокойный. Ты уж со мной не спорь, Джин-Хо.

Иногда по вечерам она скучала, разок-другой даже прослезилась.

— Как ты думаешь, что они сейчас делают? — спрашивала она.

Или:

— Сколько еще дней ждать, пока они вернутся?

Порой Джин-Хо давала ему понять, что он не умеет то или другое делать, как Битси, — он не совсем правильно ее причесывал и совсем неудачно нарезал тосты. Но в основном она вполне с ним сжилась, знала, что родители привезут ей сестру, и очень этого ждала. Болтала о том, как будет кормить Шу-Мэй из своей бутылочки и катать в своей прогулочной коляске. На слух Дэйва, это имя произносилось «Шоу-Мэй», в первый раз ему послышалось даже «Чурмэйн», и этот звук казался ему слишком жестким для девочки, но Джин-Хо все устраивало. Только и слышалось: я и Шу-Мэй то, я и Шу-Мэй се.

— Как только Шу-Мэй научится спать всю ночь, мы будем жить в одной комнате, — сообщила она.

— А если она захочет твои игрушки? Ты не

расстроишься? — спросил Дэйв.

— Пусть играет, сколько захочет! А еще я научу ее всем буквам!

— Ты — идеальная старшая сестра, — похвалил он.

Джин-Хо просияла, две скобочки, признак полного довольства, проступили в уголках рта.

Его удивляло, что у девочки нет определенного времени укладывания, вообще никакого режима дня. Современная жизнь сделалась чересчур аморфной. Как те поводки, на которых нынче выгуливают собак, огромные катушки рулеток, поводок разматывается и позволяет псу забегать вперед, насколько тот пожелает. И Дэйв бранил себя за такие мысли: застрял в прошлом, слишком консервативен. Он тер глаза, пока они сидели за бесконечной игрой в «Кэндиленд».

— Не пора ли тебе спать, Джин-Хо?

Она его даже ответом не удостоила, а весело покатила своего пряничного человечка на четыре клетки вперед.

Проводив ее в детский сад, Дэйв ехал к себе домой, проверял, как там все, забирал почту, прослушивал сообщения на телефоне. Ему недоставало привычного распорядка дня. Одно из неудобств жизни в чужом доме — тут не наве-

дешь свой порядок, не можешь переставлять и раскладывать все по-своему. Конечно, что мог, то он сделал. Продул все батареи у Битси и Брэда, подровнял царапавший пол уголок двери. Принес из дома копытное масло и целый вечер втирал его в поцарапанный кожаный рюкзак, с которым Битси ездила на фермерский рынок.

— Что это? — спросила Джин-Хо, наваливаясь на руку деда. От нее пахло детским пластилином — лакричный аромат.

— Это копытный жир. Полезен для кожи.

— Копытный? Что это такое?

— Не знаешь, что такое копыто? Ну вот слушай, — заговорил он. — Жили-были пугливое коричневое копыто и храброе коричневое копыто. Этот жир у нас из… — он перевернул банку и сощурился, держа ее на расстоянии вытянутой руки, — из пугливого коричневого копыта.

Подобные сказки он рассказывал собственным детям, славился своим умением; дети с трудом скрывали восторг и просили его продолжать. Но Джин-Хо нахмурилась и спросила:

— Они убили пугливое коричневое копытце?

— О нет. Его просто выжали. В копытах очень много жира, понимаешь?

— А выжимали больно?

— Да нет же, нет! Копыта любят, когда их выжимают, иначе они станут такими жирными, что все время будут поскальзываться и падать. Вот почему их не держат в доме. От них все ковры станут грязными.

Но девочка смотрела на него тревожно. И молчала.

Он уж сам был не рад, что затеял этот разговор, но как теперь выпутаться? Может, она еще маленькая, шуток не понимает? Или у нее вообще нет чувства юмора? Или дело в том… да, наверное, вот в чем причина — требуется аудитория. Еще один взрослый человек, чей смешок выдал бы розыгрыш. В былые времена эту роль брала на себя Конни. Конни его отчитывала добродушно: «Право, Дэйв, ты невозможный!» — и говорила детям: «Не верьте ни единому слову».

Он отставил в сторону банку с копытным жиром. Больше всего на свете Дэйв мечтал сейчас завалиться в постель.

Мариам позвонила и пригласила их на ужин.

— Я позову Сами и Зибу, — предупредила она, — так что Джин-Хо будет с кем поиграть.

На самом деле звала она их затем, чтобы присутствие других людей сделало их ужин не столь интимным. Дэйв читал в ней как в открытой

книге.

Ни малейшего романтического интереса Мариам к нему не питала. Он уже принял этот факт и смирился. Отчасти утешало только явное отсутствие у Мариам такого интереса и к другим мужчинам. По крайней мере, ничего личного.

В последнее время Дэйв начал осматриваться по сторонам, прикидывая варианты. Ему недавно исполнилось шестьдесят семь, он вполне мог прожить еще лет двадцать. Уж конечно, он не обязан проводить столько лет в одиночестве, ну правда же?

Но другие женщины по сравнению с Мариам казались непривлекательными. Им недоставало спокойного взгляда ее темных глаз или изящных, выразительных рук. Не возникало такого ощущения покоя и сдержанности, словно она может оставаться наедине с собой и в толпе.

В тот вечер она повязала поверх волос яркий шелковый шарф, он заструился по ее спине, будто ручей, когда Мариам повернулась и повела их в гостиную. Сами и Зиба уже были там, сидели на диване, между ними прикорнул кот. Сьюзен пребывала наверху, она спустилась до середины лестницы, громыхая огромными туфлями на шпильках, и позвала Джин-Хо переодеваться.

— Мари-джан выложила для нас в коробку столько одежек! — сказала она. — И кружевные! И шелковые! И бархатные!

С ее плеч алым плащом свисала длинная юбка.

Девочки скрылись наверху, а Дэйв сел и принял из рук Мариам бокал вина. Сначала говорили об известиях от Брэда и Битси. Брэд разослал всем знакомым общее письмо из Китая. Они вместе с другими усыновителями ехали в город, где имелось консульство США, а как только бумаги Шу-Мэй будут готовы, они отправятся домой. Это письмо прочли все, кроме Мариам, потому что у нее и компьютера не было. (Ее дом был настолько свободен и пуст, что у Дэйва дыхание перехватывало. Ни кабельного телевидения, ни видео, ни беспроводного телефона, ни автоответчика, никаких тебе сбитых в клубок проводов, куда ни глянь.) Сами распечатал для Мариам письмо, и она, водрузив на нос очки в черепаховой оправе, зачитала его вслух: «Шу-Мэй крошечная и еще не садится, но мы каждый день кладем ее на свою постель и подтягиваем за руки, чтобы показать, как это делается. Она принимает это за игру. Вы бы слышали, как она смеется».

Мариам опустила бумажный листок и оглядела поверх очков всех собравшихся.

— Одиннадцать месяцев — и еще не садится! — сказала она.

— В детском доме они лежат на спине целыми днями, — пояснил Дэйв.

— Но разве у младенцев нет естественного желания сесть? Разве не пытаются они все время приподняться?

— Раньше или позже. Это просто занимает больше времени, когда никто не уделяет ребенку внимания.

— А-ах-ах! — пробормотала Мариам, несколько быстрых выдохов подряд, и сняла очки.

Ужин, к удивлению Дэйва, оказался с начала до конца американским: жареная курица, картошка, обжаренная с зеленью, и тушеный шпинат. Его как-то странно обескуражило умение, с которым Мариам приготовила все блюда. Неужели обязательно *все* делать компетентно? И он обрадовался, убедившись, что снизу картофелины чуть-чуть пережарены. Или это умышленно? Эти иранцы, они и рис нарочно прижигают.

И отсутствие интереса к нему, возможно, следует принимать именно как нечто личное.

Джин-Хо вышла к ужину в блузе, шелковой, черной, и в коротеньких, по лодыжки, сапожках на шпильках. Сьюзен нацепила огромную, как

платье, футболку с надписью ИНОСТРАНЕЦ.

— Иностранец? — прочел Дэйв. Он подумал, что футболка принадлежит Сами. — Вы были фанатом «Иностранца»?[5] — спросил он его.

— Это мамина.

— Вы были фанатом «Иностранца»? — повторил Дэйв вопрос, обращаясь к Мариам.

Та рассмеялась.

— Это не название группы, — сказала она. — Просто слово. Сами заказал для меня футболку с такой надписью, шутки ради, когда я получила гражданство. Я так расстроилась, став американкой, понимаете.

— Расстроились?

— Мне было нелегко отказаться от иранского гражданства. Я все тянула. Окончательно я оформила бумаги только спустя какое-то время после Революции.

— Как же так? Казалось бы, вы должны были обрадоваться, — удивился Дэйв.

— О, ну да, конечно! Я была очень счастлива. И все же… знаете… Я в то же время была огорчена. Меня бросало то в ту, то в другую сторону — традиционное эмигрантское танго.

---

[5] Сноски: 5

Имеется в виду американская рок-группа *Foreigner*, чрезвычайно популярная в конце 1970-х — начале 1980-х.

— Извините, — пробормотал Дэйв. Вот олух-то! Он понятия не имел, насколько такое состояние обычно для эмигрантов. — Разумеется, это нелегко, — сказал он. — Простите, я, наверное, высказался как шовинист.

— Вовсе нет, — ответила Мариам и обернулась к Зибе, предложила ей добавку шпината.

Так у него всегда выходило с Мариам — то ляпнет что-нибудь, то что-нибудь уронит или рассыплет. В ее присутствии руки становились чересчур большими, а ноги слишком громко топали.

Разговор о гражданстве напомнил Сами о недавнем приключении с кузеном Махмадом.

— Он гражданин Канады, — пояснил он Дэйву, — сын маминого брата Парвиза. Сейчас он с сестрой-близнецом живет в Ванкувере, и месяц назад его пригласили на медицинскую конференцию в Чикаго. Он вроде как специалист по регенерации печени. Однако чуть ли не у трапа самолета его остановили представители спецслужб. Одиннадцатое сентября, само собой, после одиннадцатого сентября любой человек с ближневосточной внешностью внушает подозрения. Они его увели, обыскали, задавали миллион вопросов… Короче говоря, он опоздал на само-

лет. «Извините, сэр, — сказали они ему. — Вы сможете сесть на следующий рейс, если мы к тому времени закончим». И тут Махмад рассмеялся. «Что такое?» — спрашивают они. А он знай себе смеется. «Да в чем дело?» — «Я только что понял, — говорит он, — что мне вовсе нет надобности никуда лететь и я не хочу лететь. Поеду обратно домой. Всего доброго».

— А-ах-ах, — сказала Мариам, хотя она, уж конечно, слыхала эту историю не в первый раз.

— Какое безобразие! — возмутился Дэйв. Как ни глупо, он готов был снова извиниться перед ними.

— А когда Брэд и Битси приземлятся в Балтиморе, — продолжал Сами, — где вы с друзьями собираетесь их встречать? Опять-таки, одиннадцатое сентября. Девочек мы все ждали прямо у выхода с самолета, но на этот раз мы, я так понимаю, будем бродить вокруг здания аэропорта, а полицейские будут на нас орать.

— Полицейские? — подхватила Джин-Хо. — Полицейские будут на нас орать?

— Нет, нет, конечно же нет, — спохватилась Зиба. — Полно, Сами. Поговорите о чем-нибудь другом.

Мариам поспешила спросить, можно ли уже

подавать десерт. Сразу после ужина все разъехались, потому что Сьюзен пора было спать (выходит, не все современные семьи отказались от жесткого режима дня). И Дэйв не предложил задержаться и помочь с мытьем посуды. Он знал, что Мариам откажется, и, по правде сказать, ему не хотелось задерживаться. Этот ужин окончательно сбил его с толку. Он мечтал поскорее попасть домой.

Когда он поблагодарил Мариам за гостеприимство, уже у самой двери, она сказала:

— Если вам и Джин-Хо что-то будет нужно, сразу мне позвоните.

— О, непременно, — ответил он.

Но он знал, что не позвонит. В жестком свете фонаря над крыльцом Мариам казалась суровой и неприступной. Она скрестила руки на груди, и эта поза показалась ему неприветливой, хотя Дэйв и понимал, что Мариам лишь защищается от холодного ночного воздуха. Ему припомнился ее слегка насмешливый вид в присутствии Битси и тот случай, когда она сказала, что американцы читают только американские книги, и другой раз, когда она заявила, что в этой стране за йогурт принимают совсем не то. Пожалуй, оно и к лучшему не видеться с ней слишком часто.

Сажая Джин-Хо в машину, он услышал, как переговариваются у своего автомобиля Сами и Зиба.

— Где мишка Сьюзен? — спросила Зиба. — Он у тебя?

А Сами:

— Должен быть на заднем сиденье. По-моему, она его в дом не брала.

От спокойной теплоты этого разговора, взаимовыручки, что складывается в многолетнем браке, Дэйва лишь сильнее прихватила тоска.

Вечером в день приезда Шу-Мэй Дэйв поехал в аэропорт на машине Битси. В машину заранее установили второе детское сиденье — малышовое, то, из которого Джин-Хо уже выросла. Джин-Хо сидела рядом с этим сиденьем в своем бустере, на ее груди красовался значок СТАРШАЯ СЕСТРА, к себе она прижимала огромную прямоугольную коробку в розовой с горошком упаковке. В этой коробке сидела зеленая плюшевая лягуха размером почти с девочку. Дэйв уговаривал выбрать игрушку поменьше, но Джин-Хо была непреклонна. «Хочу, чтобы Шу-Мэй сразу ее заметила», — уперлась она, и Дэйв уступил.

В машине Битси весь пол был усыпан скомканными салфетками, крошками печенья, деталями

пластмассовых игрушек. А еще машину чуть-чуть вело влево, это надо непременно сказать Битси. Дэйв ехал медленнее обычного, пропуская любой автомобиль, который пытался его обогнать. Вечер был пасмурный, на грани дождя, не холодно, зато очень сыро — пришлось включить дворники.

Джин-Хо спрашивала, не будет ли сестренка тосковать по дому.

— Вдруг она приедет сюда и решит, что тут не так хорошо, как в Китае? — гадала она.

— Ни в коем случае. Она только оглядится по сторонам и сразу скажет: «Как здорово! Мне тут нравится!»

— Она же еще не разговаривает, деда.

— Ты права. Опять я дал маху.

Джин-Хо ненадолго притихла, равномерно стуча ногой по спинке сиденья для пассажира, — хорошо, что рядом с Дэйвом никто не сидел. Потом она сказала:

— Помнишь, мы со Сьюзен копали ход в Китай?

— Очень хорошо помню, — сказал Дэйв. — Твой отец в темноте попал ногой в эту яму и вывихнул лодыжку.

— А китайские дети, — продолжала Джин-Хо, —

они копают ход до Америки?

— Никогда об этом не думал. Но вполне вероятно. Да, конечно, почему бы и нет?

— Так это же круто!

— Очень круто.

— В один прекрасный день, когда мы с подружками будем играть, они вдруг выскочат из-под земли и спросят: «Эй! Где это мы?» А я скажу: «В Балтиморе, штат Мэриленд».

— Да, очень круто, — повторил он.

Вероятно, следовало бы указать Джин-Хо на кое-какие проблемы с логистикой, но зачем? К тому же ему нравилась такая неусложненная версия мира, словно прямиком из книжки-раскраски: детки в куртках от председателя Мао и детки в джинсах каким-то образом понимают друг друга.

На парковке в аэропорту он проехал мимо «вольво» Эйба — тот как раз занимал место, а уже на пешеходном мостике Джин-Хо закричала:

— Вон Сьюзен! Я вижу Сьюзен!

Сьюзен шла впереди вместе с родителями, размахивала пакетом с покупками. Все трое обернулись и подождали Дэйва и Джин-Хо.

— Я подарю Шу-Мэй лягушку! — известила Джин-Хо. Огромная коробка заслоняла ей обзор,

девочке приходилось изгибаться, чтобы разглядеть дорогу, но она отказалась доверить эту драгоценность Дэйву.

— А я подарю банное полотенце с капюшоном на голову, и губку, и желтую утку, и бутылочку специального шампуня! — ответила Сьюзен.

— Спасибо, что приехали встречать, — сказал Дэйв.

— Не могли же мы пропустить такое! — отозвалась Зиба. — Джин-Хо, что у тебя на значке написано? Так ты теперь старшая сестра?

Мариам нигде не было видно. Дэйв не знал даже, известно ли ей, когда прилетает самолет.

Внутри Дэйв распрощался с Язданами и повел Джин-Хо в терминал D. По плану они собирались ждать сразу за зоной контроля, чтобы первыми приветствовать родных. Потом они спустятся в багажный зал, и там соберутся все остальные.

Джин-Хо держалась очень серьезно и торжественно. Стояла рядом с Дэйвом, обхватив обеими руками свой подарок, и упорно вглядывалась в выходивших пассажиров, хотя рейс из Лос-Анджелеса еще даже не приземлился. Поначалу Дэйв пытался ее отвлечь, указывая на забавные сценки («Ты только подумай, люди возят с собой подушки!»), но вежливые, безучастные ответы

девочки быстро его охладили. Он стоял молча, покачиваясь с пятки на носок, изучая столь разные лица — всех возрастов, всех оттенков кожи, но с одинаково ошеломленным выражением.

И вот они наконец — Брэд впереди, прокладывает путь, он весь увешан сумками, пакетами и прочим багажом, за ним Битси со свертком в розовом одеяле, прижатым к левому плечу. Вид у Битси изнуренный, но, заприметив Дэйва и Джин-Хо, она приободрилась, направилась прямо к ним. Теперь уже Брэд последовал за ней, а то чуть было не пошел не в ту сторону.

— Джин-Хо! — воскликнула Битси. — Как же мы по тебе соскучились!

Она опустилась на колени и обняла дочку. Не вставая с колен, повернула сверток в розовом одеяле так, чтобы всем стало видно личико.

У Шу-Мэй черная, ершиком, челка и сильно раскосые глаза, отчего казалось, будто она взирает на всех с насмешкой. А какой ротик — непонятно: закрыт соской.

— Шу-Мэй, это твоя старшая сестра, — сообщила малышке Битси. — Скажи: «Привет, Джин-Хо!»

Шу-Мэй сильнее втянула в себя соску, та заходила ходуном. Джин-Хо молча созерцала сестру. Дэйв с опозданием сообразил, что надо было взять

камеру. Внизу у многих есть при себе камеры, но именно эту сцену следовало запечатлеть. Впрочем, смотреть тут особо не на что. Как почти все судьбоносные события, эта минута до обидного недраматична.

— Ужасный перелет, — пожаловался Брэд. — Прямо от Миссисипи сплошная турбулентность, а у Шу-Мэй при взлете и посадке закладывало уши. Все уверяли, что соска поможет, но как же она, бедная, вопила.

На щеке Шу-Мэй блестела дорожка от слез.

— Я привезла ей подарок, — сказала Джин-Хо.

— О, как это мило! — ответила Битси. — Ты очень заботливая старшая сестра.

Она с благодарностью оглянулась на отца и поднялась, вновь прижав Шу-Мэй к плечу.

— Пошли вниз, нас там ждут.

— Пусть она сначала подарок посмотрит, — напомнила Джин-Хо.

— Не сейчас, лапонька. Давай попозже.

Дэйв опасался, что Джин-Хо заспорит, но она кротко поплелась рядом с Битси. Он взял у нее из рук коробку, чтобы девочка шла налегке. Забрал у Брэда пару пакетов и пошел за ними следом к эскалатору. Со спины Джин-Хо показалась ему вдруг такой выросшей, что сердце сжалось: он

вспомнил, как такое же сочувствие вызывала у него Битси, когда они принесли домой ее новорожденного братика. Ее ладошки показались вдруг гигантскими лапами, а коленки-то какие узловатые.

Снизу донесся радостный вопль. Приветственная делегация стояла прямо у подножия эскалатора — друзья и родственники, употевшие в зимней одежде, с подарками, шариками, плакатами.

Как только Брэд доехал до первого этажа, он бросил сумки и подхватил малышку вместе с одеялом, поднял ее высоко над головой.

— Вот она, ребята! — объявил он. — Мисс Шу-Мэй Дикинсон-Дональдсон!

Защелкали фотоаппараты, зажужжали видеокамеры, запечатлевая, как Шу-Мэй переходит на руки к матери Брэда.

— Кто у нас красотка! — заворковала мать Брэда, прижимая к себе ребенка. — Кто сладкая малышка! Я твоя бабушка Пэт, малышка сладкая!

Шу-Мэй таращилась на нее, вверх-вниз ходила соска.

Наконец-то, благодарение небесам, Битси смогла заняться Джин-Хо, взять ее за руку.

Все поспешили к конвейеру, на котором появи-

лись первые чемоданы и рюкзаки.

— Видела бы ты, что нам каждый день давали на завтрак! — рассказывала Битси Джин-Хо. — Столько новых блюд, каких мы никогда не пробовали. Тебе понравилось бы.

Джин-Хо, похоже, в этом сомневалась. Лора полыхнула вспышкой фотоаппарата прямо ей в лицо. Полли — уже пятнадцатилетняя, до смерти уставшая от семейных мероприятий, — нацепила наушники плеера и поглядывала на парня в футбольном свитере. Каких только одежек не увидишь в аэропорту. Одни пассажиры, явно прямиком из тропиков, выходили в гавайских рубахах и шлепанцах, а другие — в толстых лыжных ботинках и многочисленных поддевках. Прошла молодая пара, волоча холщовые сумки, размером и формой напоминавшие доски для глажки, ламинированные абонементы на горнолыжный склон свисали с застежок молний на их куртках. Женщина отбрасывала за плечи струящиеся темные волосы, мужчина описывал с ирландским акцентом какое-то приключение, «наивернулся», выходило у него, а сразу позади… да это же Мариам, шагала себе неторопливо, сунув руки в карманы пальто. Она подошла к Джин-Хо, которая осталась стоять в одиночестве,

пока Битси высматривала на конвейере багаж.

— Где же твоя сестричка? — спросила Мариам, и Джин-Хо ответила:

— Ее забрала бабушка Пэт.

Мариам оглянулась на мать Брэда, которую уже окружило несколько женщин, ворковавших над младенцем.

— Очень миленькая, — сказала Мариам, не пытаясь подойти ближе.

— Мы *предполагаем*, что она миленькая, — уточнил Дэйв. — Но пока не вынем у нее соску изо рта, полной уверенности не будет.

— Это напоминает вам тот день? — спросила его Мариам. — Когда привезли Джин-Хо?

— О да! Конечно же!

Но он сказал так только ради Джин-Хо, чтобы она чувствовала свою причастность. На самом деле — ничего общего между этим вечером и тем, четыре с половиной года назад. Хотя все старались как могли. Вон Лу с микрофоном, записывает поздравительные речи. Бриджит с Дейдрой поют в унисон «Они едут из-за гор», а подруга Битси по книжному клубу держит плакат «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ШУ-МЭЙ». Но атмосфера изменилась теперь, когда запретили собираться прямо у выхода. Общее настроение не складывалось, все

вразброд, энтузиазм казался вымученным.

Мариам пустилась рассказывать Джин-Хо про ее Прибытие.

— Самолет опаздывал, — говорила она, — мы стояли и ждали часами. Конечно, мы приехали заранее, так не терпелось тебя увидеть. Но казалось, что ты никогда не прилетишь. И никто ни словом не объяснял, почему такая задержка.

Это звучало так, словно она в тот раз приехала в аэропорт ради Джин-Хо. Дэйв на миг чуть не забыл, что они тогда и знакомы-то не были.

— Наш самолет опоздал? — переспросила Сьюзен. Она втиснулась между Джин-Хо и Мариам. — Я и не знала, что самолет опоздал. А ты знала? — спросила она Джин-Хо.

Джин-Хо пожала плечами и уставилась куда-то в сторону. (Порой Дэйву казалось, что она предпочитает обойтись без напоминаний о дне Прибытия.)

— Никаких объявлений, — продолжала Мариам. — Но наступил момент, когда мы почувствовали — что-то происходит. Дверь отворилась, мы все собрались вокруг…

Брэд тем временем с помощью нескольких встречающих снимал с конвейера багаж — целую гору, даже больше той, с которой они отправ-

лялись в путь. Наконец, отступив на шаг, Брэд сверился со списком:

— Большая спортивная сумка: есть. Сумка с одеждой: есть. Красный чемодан, синий чемодан, маленький синий чемодан…

Битси, снова подхватив на руки Шу-Мэй, обходила собравшихся, всех приглашая к себе домой.

— Одному богу известно, что там творится. Я же уезжала на три недели, — приговаривала она (чем слегка обидела Дэйва, который с утра вымыл весь дом от первого этажа до последнего). — Но нам было бы приятно видеть всех вас, а Джанин, спасибо ей, привезет напитки.

У нее покраснела шея — верный признак, что Битси возбуждена, — вся она была разгоряченная, неуклюжая, и Дэйв почувствовал укол смешанной с жалостью любви, а почему, и сам едва ли понимал.

— Ну я старый дурень, — жизнерадостно признавался Лу. — Подсунул микрофон какому-то чужаку. Думал, это сосед или кто-то в этом роде. Но он был очень мил. Сказал: «К сожалению, я не имею удовольствия знать этих людей, но желаю им всего наилучшего и считаю, что им очень повезло с такой красивой дочкой». Разумеется, эту запись можно стереть, но, может быть, лучше

оставить.

— Конечно, оставьте! — сказала Битси. — Где этот человек? Давайте и его пригласим. — Она повыше вскинула Шу-Мэй на плечо и обернулась к Дэйву: — Папа, ты поедешь с нами? Втиснешься между двумя детскими сиденьями?

— Зачем же втискиваться? — возразил он. — Я же могу поехать с…

Он обернулся, ища глазами Эйба или Мака, но очутился лицом к лицу с Мариам.

— Конечно, я вас подвезу, — сказала она.

И не успел он извиниться, как Битси сказала:

— Отлично! Спасибо, Мариам. И спасибо, что приехали встретить Шу-Мэй.

— Ни за что бы такое не пропустила, — ответила Мариам, но таким легким, небрежным тоном, из-за которого Дэйву порой казалось, что Мариам над чем-то втайне посмеивается.

Все ринулись на парковку, подхватив чемоданы. Дэйв возглавил процессию, чтобы показать, где он оставил машину. Когда он попытался уложить подарок Джин-Хо в багажник, та запротестовала:

— Надо отдать Шу-Мэй. Пусть посмотрит, пока будем ехать.

— Хорошо, милая, — сказал Дэйв. — Пока, скоро

увидимся.

Он отдал ключи Брэду и пошел за Мариам на верхний уровень к ее машине. В гараже было холоднее, чем снаружи, пробирало до костей, они оба шли быстро, шаги их на бетонном полу отзванивали чуть ли не металлом.

— Не странно ли, — заговорила Мариам, — совершенно незнакомый человек вдруг вот так навеки входит в семью. Конечно, и с кровными детьми так, и все же… Почему-то это кажется мне более поразительным.

— Для меня поразительно и то и другое, — сказал Дэйв. — Помню, перед рождением Битси я волновался, как мы с ней уживемся. Я говорил Конни: «Сама подумай, как долго мы выбираем, с кем вступать в брак, а тут неведомо откуда появится этот младенец, ни психологических тестов не проходил, ни рекомендаций у него не спрашиваем, — а вдруг у нас с ним ничего общего не окажется?»

Мариам засмеялась и плотнее укуталась в пальто. Они больше ни о чем не говорили, пока не сели в машину, пока не осталась позади касса и автомобиль не слился с потоком на шоссе. Тут Дэйв сказал:

— А как насчет Сами и Зибы? Они собираются

еще усыновлять?

— Кажется, они считают, что больше одного ребенка им не осилить, — ответила Мариам. — Учитывая, сколько нынче стоят частные школы.

— А общедоступное образование поддержать не хотят?

Мариам глянула на него искоса и не ответила, несколько минут вела машину молча. Ее профиль, вспыхивавший серебром в свете фар, когда мимо пролетал автомобиль, казался ледяным и суровым, а длинная линия носа — неправдоподобно прямой.

— Хотя это, наверное, сугубо личное решение, — пробормотал он наконец.

— Да, — лаконично подтвердила она.

На миг Дэйва охватила страсть к мятежу. С какой стати эта женщина демонстрирует свое превосходство! Он сказал:

— Знаете ли, иногда вы могли бы снизойти и до небольшого спора.

Она глянула на него совсем уж мельком и снова устремила взгляд на дорогу.

— Вы бы, например, могли мне сказать, что государственные школы в Балтиморе ужасны. Я бы мог ответить: да, но если бы родители впряглись, мы бы, как я надеюсь, сумели изменить дело к

лучшему. Тогда вы бы возразили, что не станете жертвовать будущим своей внучки ради всего лишь надежды. Я могу вести такой спор! На куски не развалюсь!

Она все еще молчала, но, кажется, с трудом сдерживала улыбку.

— Вы так себя ведете, словно уж настолько правы, что и спорить нет надобности, — попрекнул он.

Она удивилась:

— Это я-то? — И на этот раз поглядела на него во все глаза.

— Так, словно вы думаете: о, эти тупые американцы, что они вообще понимают.

— Ничего подобного я не думаю!

— Быть американцем не так просто, как вам кажется, — признался он. — Не думайте, будто мы не понимаем, как к нам во всем мире относятся. В те времена, когда я еще ездил за границу, стоило завидеть группу наших туристов, меня передергивало, хотя я и понимал, что и сам мало чем от них отличаюсь. В том-то и беда: нас сваливают в одну кучу. Мы все, так сказать, на одном корабле, и куда бы корабль ни двинулся, я вынужден плыть вместе с ним, даже если он себя ведет… как школьный хулиган какой-нибудь. Не

могу спрыгнуть за борт, как вы не понимаете!

— В то время как нас, иранцев, — сухо заговорила Мариам, — неизменно оценивают исключительно как отдельных и уникальных личностей.

— Нуу… — пробормотал он, чувствуя себя слегка глуповато. Переборщил, конечно.

— Вы видели, как сегодня в аэропорту пассажиры обходили стороной Сами, Зибу и меня? Должно быть, нет. Вы этого даже не замечаете. Но с одиннадцатого сентября так обстоят дела. О! — выдохнула она. — Порой я так устаю быть иностранкой, хоть ложись и помирай. Тяжелая это работа — быть иностранкой.

— Работа?

— Очень много труда, усилий, и все же мы никогда не впишемся окончательно. В прошлое Рождество Сьюзен сказала, когда я везла ее домой из сада: «Вот бы мы тоже праздновали Рождество, как все. Не хочу быть другой», вот что сказала она. Это разбило мне сердце.

— Что ж… — сказал Дэйв. Осторожно, чтобы не навлечь на себя очередной взгляд Мариам, он предложил: — А может быть, пусть у нее будет маленькая елочка? Разве никак нельзя?

— У нее была елочка, — сказала Мариам. Они

въехали в город, и она поглядывала в зеркало бокового вида, выжидая момент, чтобы перестроиться на другую полосу. — Огромная елка. Уж это-то мы для нее сделали.

— Тогда… не знаю, украшения? Венок, гирлянда лампочек?

— Разумеется. И омела.

— А! И… А небольшие подарки — это было бы против вашей веры?

— Она получила десятки подарков. И сама дарила.

— Вот как. — На миг он умолк. — Тогда что, чулок? — спросил он в конце концов. — Чулок она вешала?

— О да.

— А колядки? Не религиозные, разумеется, но, может быть, спеть «Джингл беллз», «Доброго короля Венцеслава» и, постойте, пожалуй, «Я вижу три корабля»…

— Она ходила колядовать с соседскими детьми. Прошли по всей улице и спели все песенки до единой, и про младенца Иисуса в том числе.

— Ну тогда… — сдался он, — я не вполне понимаю…

— Но в машине в тот день она мне сказала: «Это не то же самое. Я не чувствую этого. Это не

настоящее Рождество».

Дэйв рассмеялся.

— Да бога ради! — сказал он. — Это же самое говорит каждый ребенок в стране.

Она притормозила на светофоре и поглядела на него.

Он пояснил:

— Вы не думаете, что они все так рассуждают? Каждый говорит: «В другой семье празднуют правильнее, по телевизору это выглядит красивее, я думал, все будет лучше». Это же Рождество! Так оно устроено! У всех завышенные ожидания.

Она приняла его аргументы, увидел Дэйв. Ее лицо немного прояснилось.

— Эта девочка на сто процентов американка, — подытожил он.

Мариам улыбнулась и снова нажала на газ.

И дальше они ехали в молчании, которое Дэйв не пытался нарушить, потому что Мариам, казалось, погрузилась в размышления. Останавливаясь на красный свет, она постукивала ногтем по рулю, словно в такт внутреннему диалогу, и когда притормозила перед домом Брэда и Битси, сказала:

— Да, конечно, вы правы.

— Я прав?

— Я слишком чувствительна к своей иностранности.

— Что? Стойте, стойте! Я вовсе не это пытался сказать.

Но она медленно кивнула и добавила:

— Слишком много об этом думаю.

Машина уже остановилась, но Мариам не выключала мотор, и Дэйв понял, что она не собирается заходить. Она смотрела прямо перед собой, упираясь взглядом в ветровое стекло.

— Наверное, это граничит с жалостью к себе, — сказала она. — Которую я презираю.

— Я ничего подобного не говорил! Нет в вас ни грамма жалости к себе.

— Но видите ли, — продолжала она, — человек впадает в… как бы это сказать… у него складывается предвзятое мнение. Начинает казаться, будто все было бы по-другому, если бы ты был частью этой страны. Начинаешь думать, будто иностранность *определяет* всю твою жизнь. «Если б я была дома», — говоришь себе и забываешь, что к той стране ты тоже перестала принадлежать. После стольких-то лет. Она уже не будет для тебя домом.

Дэйву казалось, что смысл ее слов глубоко печален, но голос был ясен, лицо, повернутое в

профиль, бесстрастно. Желтый свет падал на лицо или пропадал на миг, когда между автомобилем и фонарем на подъездной дорожке проходили другие гости.

— Мариам! — позвал Дэйв.

Она обернулась, посмотрела на него как будто издали, дружелюбно, однако в глубокой задумчивости.

— Вы часть этой страны, — сказал он. — Принадлежите ей точно так же, как я, или кто угодно, или Битси, или… Это как с Рождеством. Всем кажется, будто лучше сжился кто-то другой.

По крайней мере, она вроде бы его слушала. Склонила голову набок, смотрела ему в глаза. И вдруг он смутился. Нельзя же так торжественно выступать.

— Ну ладно, — сменил он тон. — Вы же зайдете?

Она выдохнула:

— Ох!

— Прошу вас, — сказал он, дотянулся до ключей в замке зажигания, выключил газ. — Пойдем, — позвал он и передал ей ключи. И тут показалось, что слова приобретают новое значение, и он позвал ее снова: — Добро пожаловать, Мариам. Добро пожаловать домой.

И ее пальцы сомкнулись не на ключах, а на его пальцах, они сидели, держась за руки, внимательно глядя друг на друга.

8

Право, Зиба не знала, что и думать.

Ее все теребили, особенно женщины. И мама, и невестки, и жена Сируза Нахид.

— Мариам… Она… Она в самом деле?.. Почему она все время появляется с отцом этой Битси?

Она пришла вместе с ним в марте на новогоднюю вечеринку у Хакими — на стопроцентно иранский праздник, что родители Зибы каждый год устраивали в каком-нибудь большом вашингтонском отеле. Обычно Мариам их не посещала. «Ханум не снисходит до наших простеньких семейных сборищ», — со смаком говорили друг другу родичи; на самом деле «сборища» были очень далеки от простоты, и, скорее всего, именно поэтому Мариам всякий раз находила предлог, чтобы уклониться. Гости разряжены в пух и прах, очень много музыки, очень шумно, веселились чуть ли не до утра. Но в тот год — вот она, Мариам, в длинном черном шелковом кафтане с золотой вышивкой, черные волосы плотно и гладко стянуты на затылке, лицо — идеальный, великолепный овал, безупречный макияж, а подле нее

Дэйв Дикинсон в мешковатом сером костюме, голубой рубашке и полосатом галстуке, — кажется, Зиба впервые (если не считать похороны его жены) видела Дикинсона в галстуке. Он был чуть ли не единственным тут американцем. Ну да, кое-кто из молодых кузенов женился на блондинках, трудно иранцу устоять перед блондинкой, но все же этот мужчина выделялся бледностью, увядший какой-то. Но его вроде бы это не беспокоило. Он глазел по сторонам с откровенной радостью — и на изысканную обстановку, и на музыкантов с сантурами и тамбуринами, и на разодетых детишек, носившихся стремительно среди взрослых. При виде разнообразной еды он так стиснул крупные руки, словно едва мог сдержать бивший через край восторг. Кто-то из гостей рассмеялся, и Зиба чуть ли не пожалела беднягу, хотя сам он ничего не заметил.

Она знала, что он приедет с Мариам, но лишь потому, что в последний момент ей сказали об этом родители. Сама Мариам ее не предупредила.

— А тебе она говорила? — спросила Зиба мужа, и Сами покачал головой.

Этот разговор произошел перед самым началом празднества, и все же она изумилась, завидев

примерно час спустя Дэйва посреди собравшейся толпы. Он стоял под высокой мраморной аркой, рядом с витой колонной, зазор между ним и Мариам не превышал трех сантиметров. Зиба это очень даже заметила (и все обратили внимание). Весь вечер он тенью следовал за Мариам, хотя притрагиваться к ней не притрагивался. Мариам же вела себя так, словно они всего лишь приятели. Не касалась его руки, если заговаривала с Дэйвом, не взяла его под локоток, когда они двинулись навстречу Сами и Зибе поздороваться. Значит, их отношения еще только-только начинаются — первое свидание или второе. Или же это вовсе не свидание, а культпоход, Мариам решила удовлетворить любознательность Дэйва. Или даже руководствовалась соображениями удобства: Мариам не любила водить машину в темноте. (Но в таком случае почему бы не поехать с Сами и Зибой.)

На следующее же утро Зиба позвонила Битси. Та сказала, что и ей отец ни словом не обмолвился.

В апреле, когда новогоднюю вечеринку устраивала Мариам (это вошло в обычай с тех самых пор, как у них появились девочки), Зиба и Сами, приехав к ней, застали там Дэйва — а ведь они приехали заранее. Как обычно, хотели иметь

время в запасе до гостей, чтобы помочь, хотя у Мариам всегда и без них все под контролем. В итоге Дэйв предложил им аперитив, Дэйв откликнулся на звонок в дверь, когда приехали родители Зибы, и пошел им открывать. Но опять-таки они с Мариам соблюдали дистанцию, и ее еду он хвалил, как любой гость, — спрашивал, что за специи она использовала, и, по-видимому, не был заранее посвящен в подробности меню.

Битси, приехав вместе с Брэдом, приветствовала отца:

— О, папа, ты здесь! А мы-то все утро тебе звонили, хотели тебя подвезти.

Все утро? — мысленно переспросила Зиба. Так он тут спозаранку торчит?

Мать Зибы сказала ей после праздника, что следует немедленно выяснить у Мариам, как обстоят дела.

— Это же твоя свекровь! — кричала она в телефон. — Ты с ней чуть ли не каждый день видишься. Вот и спроси: «Нам уже покупать свадебные наряды?»

— Спросить ханум? — изумилась Зиба.

Обычно она возражала, когда родичи за спиной Мариам именовали ее «ханум». Вообще-то это значит попросту «мадам», но они произносили

это слово таким тоном, словно подразумевали «ее величество». И Зиба это не одобряла или, по крайней мере, делала вид, не признаваясь даже себе, до какой степени она побаивается Мариам. «Нужно просто узнать ее получше», — твердила она родным и всей душой надеялась, что однажды ее слова совпадут с реальностью.

Но теперь она решилась:

— Я бы никогда не осмелилась задать ей такой вопрос.

Мать настаивала:

— Тогда пусть Сами. Уж Сами-то она скажет.

Сами сказал, что для него спросить такое — не проблема. И все-таки он выжидал, пока не увиделся с Мариам лично, отметила Зиба. Не взял трубку и не разобрался сразу же. (Зиба об этом с ним не заговаривала. Между ними давно установилась определенная деликатность, привычка действовать осторожно, в перчатках, если речь шла о его матери.) В воскресенье, когда они по дороге в кино завезли Сьюзен к Мариам, Сами обронил:

— Как, Дэйв не здесь? Мне казалось, в последнее время я встречаю его повсюду.

— Не здесь, — легко ответила Мариам. — Сьюзен, пойдем в сад, поможешь выбрать, какие

цветы сажать.

Эта птичка воды не намутит — так вроде бы говорится?

— А если у них в самом деле роман, — отважилась Зиба спросить Сами в машине, — как ты к этому отнесешься? Не будешь ли ты чувствовать себя…

— Я буду прекрасно себя чувствовать, — ответил Сами.

— Потому что ведь тебе может показаться это странным, твоя мать с новым мужчиной.

— Я был бы только рад за нее. Она имеет полное право быть счастливой. Да и мой отец был не таким уж легким человеком.

— Вот как? — переспросила Зиба.

— Да, так. — Он притормозил перед перекрестком.

— Ты никогда не говорил мне.

— О, у него все время настроение менялось. То вверх, то вниз, — пояснил Сами. — Непредсказуемо. Ребенком я каждое утро всматривался в его лицо, чтобы понять, хороший нас ждет день или плохой.

— Твоя мать совсем иначе о нем отзывается!

— В хорошие дни он был дружелюбен, расспрашивал меня об уроках, готов был помочь

с заданиями. В дурные дни он… словно бы провалился внутрь себя. Становился угрюмым, недовольным, матери приходилось все время заниматься им. «Мариам, где то? Мариам, где се?» Ему нужно было заваривать особый чай, покупать английское пищеварительное печенье. Требовательный. *Очень требовательный* человек. Мне всегда хотелось, чтобы мама научилась давать ему отпор.

— Неужто? — сказала Зиба. А про себя дивилась, как это Сами никогда прежде об этом не упоминал.

«Вот мужчины!» — сказала она себе. И с благодарностью подумала о том, как Сами отличается от отца. Не было на свете мужчины более последовательного, с более ровным характером и более приветливого, чем Сами, а уж как добросовестно он помогает ей по дому и с ребенком. Все женщины в ее семье только диву давались. Зиба придвинулась к мужу, насколько позволял ремень безопасности, и на миг прислонилась головой к его плечу.

— Тебе тоже с ним было нелегко, — сказала она.

Но он ответил:

— Да нет, не так уж было плохо. — И тут же: — В

котором часу начинается фильм?

Мужчины.

В мае у Мариам на кухне появилось новое приспособление: электрический чайник с заварочным в паре, оба суперсовременные, из матовой стали, основание заварочного чайника точно совпадало по диаметру с отверстием большого. Не то что прежний, который приходилось выравнивать, затаив дыхание.

— О! Откуда такой? — спросила Зиба.

— Из магазина импортных товаров в Роквилле, — ответила Мариам.

— Вы ездили в Роквилл? Одна?

— Меня отвез отец Битси.

— А!

Зиба ждала продолжения. Мариам отмеривала заварку.

— Мне казалось, вы любите свой японский заварочный чайник «Тысяча лиц», — сказала наконец Зиба.

— Любила, — подтвердила Мариам. — Но и этот хорош. И к тому же… это подарок.

— А! — повторила Зиба.

Мариам повернулась спиной, так что Зиба не видела выражения ее лица.

Теперь эта тема сделалась главной при любой

встрече Зибы с Битси. «Что происходит? — спрашивали они друг друга. — И зачем делать из этого секрет? Неужели Мариам и Дэйв не понимают, как рады будут их роману все до единого в обеих семьях?»

Женщины обменивались новыми уликами, которые успевали подметить: Мариам теперь не всегда имела время посидеть с девочкой; Дэйва застали за прослушиванием кассеты с иранской музыкой. Певицу звали Шуша.

— Шуша! — обрадовалась Зиба. — Это же любимая певица Мариам. И Мариам — единственный человек, кого я знаю, еще не сменивший кассеты на диски.

Зато автоответчиком она обзавелась. А ведь сколько лет Сами и Зиба уговаривали ее! Правда, поначалу она не могла толком разобраться с этим устройством и вместо ее голоса то и дело включалось стандартное приветствие. «Оставьте… пожалуйста… сообщение», — невыразительно произносил робот мужским голосом. И вдруг, таинственным образом, появилось новое обращение Мариам, хотя она и уверяла, что без помощи Сами не справится. Он приехал, чтобы настроить, а она сказала:

— О, кажется, все наладилось. Спасибо.

Можно подумать, новая запись появилась по волшебству сама собой, стоило Мариам отвернуться.

Разумеется, с автоответчиком разобрался Дэйв. Он, конечно же, и автоответчик купил — еще один подарок.

Прежде Мариам уверяла, что от этой штуковины только лишние хлопоты: «Что ты хочешь сказать, что не соизволишь позвонить второй раз, если не застанешь меня дома?» Типичное мариамство, типичное «ее величество», от чего Зиба прикрывала на миг глаза.

— О да, — сказала Битси. — Они встречаются, конечно.

— Но если так, почему бы это не признать? — спросила Зиба.

— Может быть, Мариам смущается. Она как-то сказала мне, что уже миновала эту пору, а теперь, наверное, ей неловко, оттого что она переменила свое мнение.

— Трудно себе представить, чтобы Мариам смущалась, — возразила Зиба.

Женщины улыбнулись друг другу.

Было время, Зиба не знала, как себя держать при Битси, это доходило до мучения — Битси казалась ей сильно старше, намного более опытной, такая

творческая, так страстно увлечена политикой и переработкой мусора, все решения принимает информированно и осознанно. Однако так было до того, как Битси принялась на каждом шагу извиняться за свою американистость и за принадлежность к «первому миру», за «белый хлеб», как она это называла. Все время превозносила экзотическую внешность Зибы и спрашивала ее мнение по разным международным вопросам. Не то чтобы у Зибы имелось свое мнение, тем паче отличающееся от вычитанного в «Балтимор сан» (если находилась минутка заглянуть в газету). Но почему-то ее вдруг облекли таким авторитетом. А в последнее время Битси обращалась к ней и за моральной поддержкой — с маленькой Шу-Мэй столько хлопот! Похоже, девочка плохо приживалась на чужой почве. Чудесное дитя, нежное, любящее, но самый легкий вирус тут же валил ее с ног, и со времени прибытия ее уже дважды пришлось класть в больницу. Лицо Битси обмякло от нехватки сна, словно у матери новорожденного. Порой она в десять утра еще не вылезала из халата. Она по пустякам срывалась на Джин-Хо и терпела поражение, пытаясь справиться с домашним хозяйством. Зиба выполняла ее поручения, забирала Джин-Хо поиграть и всячески старалась

подбодрить Битси.

— Шу-Мэй уже так выросла по сравнению с тем, какой ты ее привезла, — говорила она. — И как она цепляется за тебя!

Поначалу Шу-Мэй не умела ни за кого цепляться. Вероятно, ее никогда не брали на руки. Если кто-то пытался поднять ее, девочка выгибала спину и замирала в неподвижной позе отторжения. Но теперь она устраивалась на коленях у Битси, хваталась за складку ее рукава и внимательно всматривалась в то, что открывалось ей поверх розовой пластмассовой соски. Никак не удавалось вытащить у нее изо рта соску. Битси говорила, теперь она жалеет, что дала девочке пустышку, но что было делать, перелет — такое мучение.

— Теперь у нас в каждой комнате по соске, — рассказывала Битси, — на случай, если понадобится, и три или четыре у нее в кроватке и, наверное, с полдюжины в коляске. Когда я ее кормлю, приходится выдергивать соску изо рта, словно пробку, забрасывать туда ложку еды и снова затыкать, и она все время сопротивляется. Наверное, потому-то она такая худая.

Она и правда была худой — тоненькой, слабенькой, маленькой не по возрасту. В четырнадцать

месяцев еще не начала ползать. Но интеллект — несомненный. Она всматривалась в лицо то одного взрослого, то другого так пристально, словно читала по губам, а когда рядом с ней играли Джин-Хо и Сьюзен, ее внимание удваивалось, черные, блестящие, с приподнятыми уголками глаза следили за каждым их движением.

— Если б только она спала днем, — вздыхала Битси, — тогда я бы справлялась с делами. Но она отказывается напрочь. Кладу ее в кроватку — она кричит. Не плачет, а орет, таким пронзительным жалобным голосом. Потом вечером я соображаю: я же что-то собиралась сегодня сделать. Что? Что такое я планировала? И вспоминаю наконец: волосы расчесать.

— Да, кстати, — сказала Зиба, — насчет праздника Прибытия. Думаю, нам лучше устроить его в этом году у нас дома.

— Почему? У вас было в прошлом году.

— Но вам с Шу-Мэй…

— До праздника еще три месяца, — сказала Битси. — Если жизнь не наладится к тому времени, меня в психушку заберут.

— Тем больше причин будет устроить праздник у нас, — осмелилась пошутить Зиба, но Битси даже не улыбнулась.

Пришлось Зибе переменить тему и спросить мнение Битси, достаточно ли девочки уже большие, чтобы этим летом отправить их в дневной лагерь.

— Ох, не знаю, — нервозно ответила Битси. — Кто заранее может сказать?

Было время, когда она с избытком нашла бы, что сказать. Зиба тосковала по тому времени.

Как-то раз в июне в дверь внезапно позвонили и перед Зибой предстала Мариам в сшитой на заказ блузе, льняной юбке, бежевых льняных лодочках и велосипедном шлеме.

— Что такое? — изумилась Зиба.

— Извини, что явилась без предупреждения, — сказала Зиба. — Можно войти?

И, не дожидаясь ответа, двинулась внутрь. Шлем был черный с оранжевым — оранжевые всполохи над каждым ухом, — а от завязки под нижней челюстью проступила складка плоти, которую Зиба никогда прежде не замечала.

— Я ездила по магазинам, как видишь, — сказала Мариам, указывая на юбку, словно это было доказательством, — а вернувшись домой, решила примерить купленный шлем. Хотела убедиться, что сумею с ним справиться.

— Вы купили *велосипедный шлем*?

— Но я, очевидно, совсем не разбираюсь в таких шлемах: надеть надела, а снять не могу.

Зиба чуть не расхохоталась. Вроде бы ей удалось сохранить серьезное выражение лица, но Мариам сказала:

— Да, конечно. Вид у меня тот еще. Но я подумала, уж лучше поеду к вам, чем просить кого-то из соседей.

— Да, конечно, — мягко ответила Зиба. — Дайте посмотрю.

Она шагнула вперед и ухватилась за пластиковую застежку с одной стороны головы. Потянула ее, но безрезультатно. Стала нащупывать замок — не нашла.

Тут Сьюзен, возившаяся на заднем дворе, вошла в дом с лейкой и сказала:

— О-о, Мари-джан! Что это на голове?

— Велосипедный шлем, моя хорошая, — ответила ей Мариам. — Ну как? — спросила она Зибу.

— Пока никак, погодите минутку. — Зиба пробежалась пальцами по ремешку. Она чувствовала запах горьковатого одеколона Мариам и жар ее кожи. — Что вы закрепили, когда надели шлем? — уточнила она.

— Кажется, эту пряжку, но теперь я не помню в точности. Парень, который продал мне шлем,

и застегнул его, и расстегнул в мгновение ока, а теперь я не… ох!

— Извините, — сказала Зиба. Она попыталась стянуть ремешок через подбородок, но он сидел как влитой. Она совершенно в таких вещах не разбиралась. В детстве только в волейбол играла, обмотанная тяжелым черным платком, который плотно закрывал уши и спускался на грудь. — Я что-то упускаю, — сказала она. — Вот пряжка, вот ремешок…

— А где велосипед? — спросила Сьюзен у Мариам.

— Нет у меня велосипеда, джан.

— Так зачем же тебе шлем?

— Я собиралась покататься на велосипеде моего друга.

Сьюзен наморщила маленький лоб. Зиба, отступившись, сказала:

— Сами разберется.

— Сами дома?

— Нет, но будет с минуты на минуту. Заходите, садитесь, подождем его.

— Ох, ну и дела! — сказала Мариам. Подошла к зеркалу в золотой раме, висевшему напротив входа. — Может быть, эта пластмассовая штучка… — рассуждала она, всматриваясь в свое

отражение.

— Я проверила пластмассовую штучку, — ответила Зиба. — Садитесь, Мариам. Я заварю вам чаю. А… вы сможете пить чай в шлеме?

— Не знаю, — вздохнула Мариам. — Да и не хочу! Может, просто разрезать ремешок ножницами?

— Не стоит портить новенький шлем. Заходите, подождем Сами.

Мариам вошла следом за невесткой в гостиную, но вид у нее был мрачный.

— Это Даниэлы велосипед? — спросила Сьюзен, увязавшись за Мариам.

И тут Зиба наконец расхохоталась в голос, вообразив Даниэлу Ле Февр, самую томную из подруг Мариам, вращающей педали — в костюме от Каролины Эррера и туфлях за четыреста долларов. Мариам вздохнула и опустилась на диван.

— Нет, — сказала она. — Другого моего друга. — И переменила тему. — Что ты поливала? — спросила она Сьюзен. — Уже что-то растет?

— Нет, я просто баловалась.

— Вчера я купила несколько ростков кошачьей мяты для Муша, — сказала Мариам. — Мы с тобой посадим их на грядке под окном, когда ты снова будешь у меня.

— Велосипед Дэйва? — угадала вдруг Зиба.

И тут же пожалела, что высказала догадку вслух, потому что Мариам довольно долго молчала, прежде чем ответить:

— Он прежде был Конни.

— О!

— Дэйв пригласил меня покататься за городом в выходные. Велосипед Конни так и стоит у него в гараже, но он думал, ее старый шлем уже не очень надежен.

— Совершенно правильно! — подхватила Зиба. — Это как детские сиденья для автомобиля. Их не следует перепродавать. Ограниченный срок жизни.

Можно было подумать, что обе женщины заждались своего спасителя, так резко они обернулись, когда Сами открыл дверь. Его шлем смутил гораздо меньше, чем ожидала Зиба. Только и сказал, входя:

— Привет, мама! Почему ты в шлеме?

— Думала, ты поможешь мне его снять, — ответила она.

— Конечно! — Он подошел и что-то проделал с ремешком — раздался щелчок, и Сами снял шлем с головы матери.

— Спасибо! — поблагодарила Мариам. — И тебе

спасибо, ты хоть попыталась, — сказала она Зибе. Поднялась, сунула шлем под мышку и подхватила с дивана сумочку.

— Хорошей поездки в выходные, — пожелала Зиба.

— Спасибо! — повторила Мариам, уже от двери.

Сами ей вслед сказал:

— Мама! А ты потом сумеешь его снять?

— О, я справлюсь! — ответила она. — До свидания.

Похоже, ей не терпелось как можно скорее от них уйти.

В июле Мариам отправилась с ежегодным визитом в Вермонт. Муша она оставила у Сами и Зибы, и Зиба пообещала посреди недели заехать и полить цветы. Она отправилась в дом Мариам в среду утром, проводив девочек в дневной лагерь. Входя в дом Мариам, Зиба чувствовала себя чуть ли не вором: очень уж закрытой, очень личной выглядела маленькая сумрачная гостиная. Она оставила входную дверь открытой — мол, ничего тайного она тут не делает — и сразу направилась в кухню. Отметила одинокую чашку с блюдцем на краю раковины. Налила воды в лейку, которую Мариам держала на кухонной стойке,

и прошлась по дому, задерживаясь у каждого растения и кончиками пальцев проверяя почву. С растениями все в порядке, неделя выдалась мягкая и влажная.

Наверху Зиба первым делом заглянула в гостевую комнату, где обитала Сьюзен, когда они привозили ее к Мариам. Все привычно: двуспальная кровать под кружевным покрывалом, накрытый цветной шалью секретер, глиняный горшок с папоротником — вот кому требовалась вода. Бывшая комната Сами превратилась в хозяйственную — тут Мариам и шила, и проверяла счета и все прочее. Перед отъездом Мариам явно прибралась в комнате, стол пуст, с кровати, накрытой мальчишеским клетчатым одеялом, исчезли стопки предназначенного для глажки и починки белья, которые Мариам выкладывала заранее.

Комната Мариам была Зибе менее всего знакома, и Зиба, войдя, сразу же присмотрелась к предметам, стоявшим на столе. Все то же, что и в прошлом году: раскрашенный деревянный пенал в форме толстой сигары, персидская миниатюра в рамке, мозаичная шкатулка. Никаких фотографий, ни старых ни новых, — все убраны в альбомы, что стоят в шкафу в гостиной. Похоже,

Мариам давным-давно определила, как следует обустроить мир вокруг себя, и с тех пор не видела причин что-то в нем менять.

Поливая плющ, свисавший за окном, Зиба выглянула наружу и увидела на дорожке у дома Дэйва Дикинсона. А он-то что тут делает? Она стряхнула последние капли из лейки и поспешила вниз. Пока дошла до двери, он уже стоял на крыльце и всматривался сквозь решетку внутрь, приставив ладонь козырьком ко лбу.

— Кто? — встрепенулся он. — А, Зиба!

— Я тут цветы поливаю, — пояснила она.

— Да, конечно, как я сразу не догадался. — Он чуть отступил в сторону, пропуская ее на крыльцо.

(Зиба не чувствовала себя вправе приглашать его в дом без Мариам.) Он был в синей хлопчатобумажной рубашке и брюках хаки, похоже, в них и спал, седые кудряшки растрепались, казались влажными. — Я проезжал мимо и заметил, что дверь открыта, — сказал он. — Испугался, не случилось ли чего.

С какой стати он «проезжал мимо» по улице, которая никуда не ведет, Дэйв пояснять не стал. И тут же задал вопрос:

— Что от нее слышно? — не трудясь уточнить,

от кого «от нее».

— Ничего, но так обычно и бывает, — ответила Зиба. — Она же всего на неделю уехала.

— Я говорил с ней сразу, как она добралась туда, — сказал Дэйв.

— Вот как?

— Хотел убедиться, что она благополучно долетела. — Он повернулся и уставился в дальний конец улицы. Как бы между прочим заметил: — Вы-то, наверное, ее покойного мужа не застали.

— Я? — переспросила Зиба. Вопрос был настолько неожиданным, она подумала, что, может, не поняла английскую фразу. — Конечно же, нет, — сказала она. — Он умер, когда мы еще даже не переехали в эту страну.

— Да я и не предполагал… — Он проводил взглядом проезжавший мимо грузовичок садовника. Затем снова повернулся к Зибе. Из-за всклокоченных волос вид у него был ошеломленный, словно это его, а не Зибу разговор застал врасплох. — Она все еще очень привязана к его памяти, — сказал он. — Понимаю, это был замечательный человек.

Стоит ли сказать ему, как трудно жилось с Кияном, о его перепадах настроения? Нет, подумала Зиба, пожалуй, не стоит.

— Ну да ладно, вы же, наверное, уже заметили, что я ею интересуюсь, — продолжал Дэйв.

— Угу, да.

— Вернее, влюблен.

И тут Зиба почему-то покраснела.

— И Мариам тоже вас любит? — спросила она.

— Вот этого я и не знаю.

Ей хотелось выяснить, допускает ли он, по крайней мере, такую возможность.

— Но вы же что-то чувствуете?

— Нет, — сказал он. — Я не знаю, что и думать!

Последние слова вырвались у него будто против воли. Дэйв резко смолк, словно сам себя напугал. Потом сказал, уже намного тише:

— Я не знаю, чего она от меня ждет. Не знаю, как вести себя. Я ее приглашаю на ужин, в кино, мы ходим вместе, ей вроде бы приятно со мной, и все же… между нами словно стеклянная стена. Я не понимаю ее чувства. Может быть, она все еще, скажем, верна памяти мужа. Или *привязана* к его памяти какими-то иранскими обычаями, я не знаю.

— Нет, — сказала Зиба. — Таких обычаев нет.

— Тогда что-то другое? Например, мне следовало спросить у Сами разрешения, прежде чем я начал за ней ухаживать?

Зиба не успела подавить смех. На этот раз покраснел Дэйв.

— Виноват, но откуда же мне знать? — повторил он.

— Да и я не знаю, — кивнула она. — Мариам и я — совершенно разные поколения. И все же я уверена, от вас вовсе не требовалось, чтобы вы спрашивали разрешения у Сами.

— Ну, я окончательно сбит с толку, — развел он руками.

Зиба не слышала прежде это выражение и восхитилась тем, как точно оно передавало состояние Дэйва.

— Послушайте, — заговорила она. — Разве это уж так запутано? Вам она нравится, вы нравитесь ей. Уж конечно, нравитесь, потому что, можете мне поверить, иначе Мариам не стала бы проводить с вами время. Так в чем проблема? Раньше или позже все непременно прояснится.

— Точно, — сказал он.

Но Зиба видела, что ничем не смогла ему помочь, уж очень просительно Дэйв на нее глядел.

— Спасибо, что выслушали мое нытье, — сказал он, похлопал ее по плечу, развернулся и пошел по ступенькам вниз.

— Бедный, бедный папа! — сокрушалась Бит-

си.

Разумеется, Зиба сразу ей все выложила, не дожидаясь, пока придет время забирать девочек из лагеря и везти домой Джин-Хо. Прямо из дома свекрови поехала к Дональдсонам, надавила кнопку звонка и ворвалась со словами:

— Вы не поверите!

— Хоть бы он не пострадал, — сказала Битси. Она как раз переодевала Шу-Мэй, пристроившись на ковре в гостиной, но, услышав первые же слова Зибы, замерла и даже не заметила, как Шу-Мэй потянулась к коробке с влажными салфетками.

— Отчего ему страдать? — удивилась Зиба.

— Ох, он так наивен, бедняжка. Ему не хватает опыта.

— Да ведь и Мариам опытной не назовешь, — напомнила Зиба.

— Ну да, и все же…

— Насколько нам известно, в ее жизни был всего один мужчина — ее супруг.

— Ну да, и все же… ты, конечно, права… — протянула Битси, но что-то ее по-прежнему тревожило.

— Я думала, ты будешь рада, — сказала Зиба.

— Я рада! Честное слово. — Она забрала наконец-то коробку с салфетками, вытянула ском-

канную салфетку из пальчиков Шу-Мэй. — Но я бы куда больше порадовалась, если бы ты мне сообщила, что Мариам гоняется за ним, звонит ему днем и ночью, вешается ему на шею.

— Мариам — порядочная женщина, — скованно выговорила Зиба. — Леди. В нашей стране леди себя так не ведут.

Кажется, она впервые пустила в ход выражение «в нашей стране». До сих пор она с энтузиазмом подтверждала, что ее страна — вот эта страна, и сама еще толком не поняла, отчего в этот раз все по-другому.

Битси заметила эту перемену тона и тут же подхватила:

— Да, конечно, она *прекрасная*, я очень, очень счастлива, что дела у них вроде бы пошли на лад.

И обе они переменили тему. Кажется, Шу-Мэй чуть-чуть, самую капельку прибавила в весе, сказала Зиба, и Битси подтвердила, что да, теперь, когда Зиба об этом заговорила, ей тоже кажется, что девочка стала немного пухлее, наверное, следует ее взвесить. Они пошли наверх, в ванную, Битси встала на весы с Шу-Мэй на руках, потом сошла, передала девочку Зибе и вновь встала на весы, и они вычли из первого результата второй.

Очень они были оживлены, так и чирикали.

На стене повыше унитаза висела в рамке фотография Конни и Дэйва с детьми; родители в лохматых париках, одеты как самая что ни есть деревенщина. Дэйв в усах и очках — изображает Граучо Маркса, у Конни и Битси огромные искусственные зубы, а у Эйба четыре зуба закрашены. Фотографию сделали в то лето, когда Макс обручился, об этом Зибе рассказывали. Конни послала один из снимков родителям Лоры с запиской: мол, будущие родственники желают познакомиться. Шуточка, но Зиба не смогла вовремя засмеяться, когда ей это рассказали. Как люди ухитряются столь легкомысленно подавать себя? — недоумевала она.

И как приходит в голову повесить семейную фотографию над унитазом? Некоторые американские привычки так и будут всегда… сбивать ее с толку.

Может быть, за ту неделю, что Мариам была в отъезде, она разобралась, что значит для нее Дэйв. Во всяком случае, с тех пор как она вернулась из Вермонта, их все чаще видели вместе, и они вроде бы и в самом деле были *вместе.* Оба подхватывали начатый другим рассказ, мило напоминали друг другу, где успели побывать,

усаживались на диван бок о бок, очень близко. Если Мариам что-то говорила, Дэйв с улыбкой оглядывал всех, словно приглашая восхищаться ею. Когда говорил Дэйв, Мариам, в свой черед, улыбалась, но скромно утыкалась взглядом в колени. Ведут себя, как подростки, ворчал Сами. Он говорил Зибе, что рад видеть мать счастливой, но все-таки ему от этого как-то не по себе.

Битси говорила, что на их фоне чувствует себя старой. Она очень-очень за них рада, и все же…

— Господи, как давно с тобой такое было, чтобы человек вошел — и ты вспыхнула, словно лампочка? Если честно, Зиба?

Праздник Прибытия в итоге отмечали у Язданов, а не у Дональдсонов. Неделей раньше Шу-Мэй провела три дня в больнице, опасались непроходимости кишечника, к счастью, врачи справились, но Битси в последний момент сдалась — она привезла, что успела состряпать, сотейник и домашний хлеб, а Зиба и Мариам взялись за дело и за полтора дня приготовили все остальное.

Судьба распорядилась так, что гостей в том году набралось больше, чем в прошлые. Появилась даже — совсем уж редкость — родственница со стороны Мариам, жена ее брата Ройя, которая

приехала в США вместе с подругой по имени Зузу, та навещала сына в Делавэре и боялась путешествовать одна, так объясняли ситуацию. Похоже, она не могла даже оставаться одна в доме своего сына; Ройя, видимо, тоже боялась ездить одна — во всяком случае, в Балтимор они прикатили на пару и поселились у Мариам. Отчасти это было даже на руку: женщины с удовольствием взялись за срочную стряпню, и Зузу, родом с берегов Каспия, создала украсивший стол шедевр — фаршированную рыбу. С другой стороны, это были те самые традиционные, востроглазые, во все сующие свой нос иранские кумушки, и едва гости собрались, как обе полностью сосредоточились на Дэйве. Они следили за каждым его движением и перешептывались, стоило ему произнести пару слов, самых пустяковых. Конечно, они могли просто помогать друг другу с переводом (английский гостьи знали плохо), но Зиба подозревала, что они увлеченно сплетничают.

Она с интересом отметила, что тетушки явно ничего не знали о Дэйве до этого вечера. Гостят у Мариам уже три дня, однако Дэйва пришлось им представить, и, судя по первой небрежной реакции, кумушки не догадывались, что на этого мужчину следует обратить особое внимание. Но

тут Дэйв сказал:

— Ага! Салат оливье! — и потер руки. Он пустился обходить стол, изучая блюда, уже выставленные двумя длинными рядами. — Фесенджун! — воскликнул он, произнеся последний слог на «у», более по-домашнему, чем официальное «фесенджан». — Это вы приготовили? — обернулся он к Мариам, и та кивнула, улыбнулась ему ласково, не размыкая губ.

Тут-то обе ее гостьи и насторожились.

— Дугх! — продолжал Дэйв. — Обожаю дугх! — сообщил он двум женщинам, даже с гордостью — явно знал, что большинство американцев и в рот не возьмут газированный йогуртный напиток, который чаще называют айраном.

Дэйв до смешного старательно произнес «дугх», прямо-таки забулькал от усилия загнать это «гх» как можно глубже в глотку, и женщины засмеялись — ну, по крайней мере, усмехнулись, изогнув уголки рта и переглянувшись. Дэйв и сам засмеялся. Он, видимо, вообразил, будто отлично с ними поладил. Наверное, и Мариам так думала, она все улыбалась со своего конца стола. Зиба поспешно подошла к Дэйву, тронула его за локоть.

— Вы еще пахлаву не видели, которую моя мама утром привезла, — сказала она.

И тем лишь побудила сплетниц вновь обменяться многозначительным взглядом: заметила, мол, как фамильярно обращается к нему невестка Мариам?

Дэйв обрадовался:

— Ваша мама сделала пахлаву? Я в восторге от ее пахлавы, — сообщил он кумушкам. — Она сама делает слоеное тесто, с нуля. Вы себе представить не можете, до чего вкусно.

Женщины поджали губы, что-то прикидывая. Присматривались внимательно к Мариам.

Пахлава на этот раз исполняла роль торта в честь праздника Прибытия. Зиба всю ее утыкала крошечными американскими флажками и оставила на кофейном столике до конца обеда. Про свечки она забыла и не стала выставлять девочек из комнаты, а сразу принялась петь «Они едут из-за гор», и все, даже девочки, подхватили. Если Битси и была недовольна, то никак этого не обнаружила. Наверное, слишком замоталась, чтобы еще и о свечках беспокоиться. Шу-Мэй спала, уткнувшись ей в плечо, голова девчушки перекатывалась вправо-влево, соска свисала из полуоткрытых губ, Битси покачивала малышку в такт песне.

— Ту-ту! — выкрикивали девочки. — Привет,

крошка!

Они пели громче всех, словно все эти годы только и дожидались такой возможности.

Видео почти никто не смотрел: большинство гостей знали запись уже наизусть. Джин-Хо устроилась в углу с двумя кузинами поиграть в «Пиковую даму». Линвуд и его подружка перешептывались и обжимались. Кое-кто из женщин принялся убирать со стола, в то время как прочие гости разбрелись небольшими группками и разве что изредка бросали взгляд на экран, отмечая, какими тогда маленькими были девочки или как у Дэйва поредели с тех пор волосы, и тут же возвращались к своим разговорам. Когда Зиба с тяжелым подносом прошла перед телевизором, извиняться ей пришлось только перед Битси и Сьюзен. Сьюзен сидела на ковре и смотрела видеозапись, Битси, похоже, дремала в кресле-качалке, прижимая к себе Шу-Мэй. Но вдруг Битси спросила, как-то уж очень внезапно:

— Помнишь, мы говорили друг другу, мол, ни за что на свете не хотели бы снова пережить тот день?

— Помню, — сказала Зиба.

— А теперь мне кажется, я бы хотела туда вернуться. В ту пору, когда я еще не наделала ошибок.

Когда я была идеальной матерью и Джин-Хо — идеальной дочерью. О нет, я не хочу сказать… Я не имею в виду…

— Я знаю, о чем ты, — ответила Зиба, она бы обняла Битси, если б не блюдо с десертом.

— Как ты думаешь, что у них была за жизнь до того, как они попали к нам? — Этот вопрос Битси задавала уже не в первый раз. — Столько месяцев, столько впечатлений, о которых мы ничего не знаем. Конечно, за ними хорошо ухаживали, я понимаю, но меня убивает, меня просто убивает, что я не была рядом, не держала Джин-Хо на руках в тот день, когда она родилась, когда впервые открыла глазки.

В тот день, когда родилась Сьюзен, Зиба находилась на другом краю света и все еще пыталась понять, сумеет ли полюбить ребенка, рожденного совершенно чужими ей людьми. Через несколько недель после Прибытия она как-то раз проплакала полночи, сама не понимая о чем, пока вдруг не вслушалась в свои мысли: «А где же мой *собственный* ребенок?»

Ни в том ни в другом она никогда никому не признавалась — ни Битси, ни даже Сами. И теперь она сказала:

— Да ты только посмотри на нее! Все ведь полу-

чилось как нельзя лучше, правда?

Джин-Хо злорадно хихикала, а Дейдра, держа в руках только что вытащенную карту, изображала гротескное отчаяние.

На кухне Зиба застала мать за чисткой тарелок, Ройя и Зузу убирали остатки в холодильник, Мариам завязывала пакеты с мусором.

— Мариам-джан! Не надо поднимать тяжести! Дайте мне! — взмолился Дэйв и чуть ли не силой вырвал у нее пакет.

Мариам распрямилась, смахнула прилипшую к лицу прядь волос. Ройя, отставив миску из-под салата, обменялась долгим взглядом с Зузу.

В сентябре Сьюзен начала посещать подготовительный класс частной школы. По утрам Сами возил ее в этот район за пределами Балтимора, он работал поблизости. Зиба забирала ее по понедельникам, средам и пятницам, а поскольку занятия заканчивались в полдень, во вторник и четверг за Сьюзен приезжала Мариам. Она везла девочку к себе, кормила обедом, а несколько часов спустя Зиба возвращалась с работы. Зиба тревожилась, не помешают ли Мариам эти обязанности в ее нынешней «насыщенной жизни».

— В каком смысле насыщенной? — переспросила Мариам, и Зиба не стала отвечать.

Зачастую, приехав к Мариам, Зиба обнаруживала там Дэйва. Он сидел в кухне, Мариам готовила ужин, Сьюзен играла с котом. (Потом Зиба спрашивала Сьюзен: «Дэйв обедал с вами?» — «Угу-мм», — отвечала она, и поди пойми, сколько времени он там провел. С утра? А может быть, еще с ночи?)

При виде Зибы Дэйв трогательно приподнимался.

— Привет! Рад видеть, — говорил он, приглаживая ладонью седые кудряшки. Перед ним неизменно стояла чашка кофе — он пил его сутки напролет, — лежала смятая куча газет. Дэйв любил зачитывать отрывки вслух и комментировать. Как только Зиба оборачивалась к Сьюзен, Дэйв снова усаживался и продолжал с того места, где остановился. — Послушайте! — взывал он к Мариам и всем остальным. — Бегун арестован за агрессию на дороге. Джоггер, подумать только!

Мариам улыбалась и подливала ему в чашку из кофейника, все время подогревала для него кофе.

— Спасибо! — говорил Дэйв. Он всегда благодарил за любую мелочь, тоже трогательно. Хотя чтение газет вслух — не утомительно ли это, подумывала Зиба.

— Жители квартала жаловались на то, что

экзотические танцы в клубе исполняются с полуобнаженной грудью, — зачитывал он следующую статью. — «С полуобнаженной!» Как вам это?

Мариам мягко смеялась, ополаскивая старый чайник «Тысяча лиц». А где же новая электрическая утварь? А — задвинута к самой стене, за упаковкой питы.

Сьюзен сообщила, что некий Генри обозвал ее тупоголовой и тупомордой.

— Мальчики, они такие, — сказала ей Мариам, а Дэйв с удвоенной настойчивостью провозгласил:

— А тут группа родителей выступает против таблицы умножения.

Так ребенок тянет мать за рукав, когда она говорит по телефону, подумала Зиба, — просит печенья, молока, сока, жалуется на боль в животе, изо всех сил привлекает к себе внимание.

— Они считают, что зубрежка притупляет в детях любознательность, — пояснил Дэйв. — И зачем нужны схемы предложений, они тоже недоумевают. Говорят, это все устарело. — Опустив газету, он уставился на Сьюзен поверх очков для чтения: — Схемы предложений очень важны, юная леди! Не верь никому, кто скажет, будто без них можно обойтись.

— Ладно, — сказала Сьюзен.

— Если бы некий телеведущий составлял в детстве схемы предложений, он бы не ляпнул на общенациональном канале: «Как отец двух маленьких детей, ветрянка бушует в стране».

— Что-что?

Мариам включила конфорку под чайником.

— Сегодня ты работала с леди-в-леопардовой-шкуре? — спросила она Зибу.

— Да, и представьте себе, теперь ей потребовались для главной спальни шторы в тигровую полоску. Я ей говорю: «Но у вас обои под зебру». А она мне: «Конечно! Эта комната выдержана в единой теме».

Мариам прислонилась к кухонной стойке, сложила руки на груди. Длинный белый фартук почти закрывал черные слаксы, Мариам выглядела очень свежей, но, пожалуй, чересчур худой.

— Этой ночью мне приснился странный сон, — сказала она. — Вот ты мне только что напомнила. Сказала про зебру, и мне вспомнилось. Я еду по незнакомому городу, хочу добраться до зоопарка, нигде нет парковки, и наконец останавливаюсь в проулке. А потом уже на кассе говорю билетерше: «Ох! Я забыла, где оставила машину!» — разворачиваюсь и иду по улице, иду и иду, но нигде не вижу моей машины. И все улицы такие оди-

наковые.

— Мариам, дорогая! — Дэйв свернул газету. — Может быть, ты в последнее время нервничаешь?

— Нет же, нет, с какой стати?

— Потому что это, мне кажется, тревожный сон. Ты так не думаешь, Зиба?

— Нуу, — пробормотала Зиба.

— Мне и в самом деле нужно завтра съездить к Даниэле, — сказала Мариам. — А она живет далеко за городом.

— Так вот оно! — подхватил Дэйв. — Ты же терпеть не можешь ездить после темноты. У тебя плохо с ночным зрением. Всегда теряешь направление.

— Не всегда.

— Я тебя отвезу.

— Нет-нет.

— Отвезу! Я всегда готов! Отвезу, а потом приеду тебя забрать в назначенное время.

— Это совсем глупо, — сказала Мариам.

— Позвольте ему, пусть, Мари-джан! — заступилась Зиба.

— Да, пусть, Мари-джан! — повторил за ней Дэйв. — И к тому же, — подмигнул он Зибе, — наконец-то мне представится шанс увидеть воочию

знаменитую Даниэлу.

— Вы еще не знакомы с Даниэлой? — спросила Зиба.

— Ни с кем из ее подруг.

— Как же, Мариам! Надо познакомить с ними Дэйва, — сказала Зиба. — Когда он приедет за вами, пригласите его в дом.

Обычно она так смело со свекровью не разговаривала, но вдруг ощутила нетерпение, доходившее почти до гнева. Неужели Мариам не может проявить хоть немного тепла? Ведь она явно любит этого человека — что же она так упряма, так жестоковыйна, все время их *разочаровывает*?

Но Мариам сказала, как отрезала:

— Я поеду туда сама, всем спасибо. — И вновь занялась чайником.

Тут Сьюзен пожаловалась, что Муш цапнул ее за волосы, Зиба ответила, не надо косичками у него перед носом трясти, а Дэйв:

— Только послушайте! В церквях слова псалмов будут проецироваться на экраны. Людям, пишут, слишком хлопотно читать строки по книге. Господи боже! Хлопотно!

Мариам прищелкнула языком. Зиба велела Сьюзен собирать вещи — им пора.

В октябре Мариам поучаствовала в сгребании листьев у Дональдсонов. После того самого первого раза она больше не приезжала. «Мне свои листья сгребать надо», — отговаривалась она, хотя у нее в саду росли дубы, они в октябре еще только начинают желтеть. Но тут она приехала — вышла из машины Дэйва, помахала всем рукой. Сначала зашла в дом, оставила там сумочку и бутылку вина, а затем присоединилась к Дэйву, который уже начал расчищать участок у парадного крыльца. И девочки помогали, каждая с детскими грабельками, состязались, у кого выше куча. Шу-Мэй сидела на брезенте, который Брэд разостлал поблизости, она тянулась к блестящим медным деталькам, и видно было, что девочка неуверенно пользуется ручками, — они дергались непредсказуемо, словно захваты в тех автоматах на бульваре, где пытаешься вытащить игрушку.

Идеальный день — суббота, ясно, легкий ветерок; понемногу все раздевались, и мать Брэда, которая, как всегда, просто украшала собой двор, ничего не делая, собрала свитера и сложила их в кучу подле Шу-Мэй. Битси на минуту прервалась и сходила в дом посмотреть, как готовится обед. Отец Брэда затеял с Сами скучный разговор о

недвижимости, а Дэйв бросил грабли и пошел о чем-то поболтать с девочками. Зиба не слышала о чем. Разбирала только слова Сами, объяснявшего Лу, как страховые компании усложняют процесс покупки дома.

Битси вышла из дома с кувшином и горкой стаканов.

— Кому лимонада? — окликнула она, и девочки тут же: «Мне! Мне!»

Зиба отложила грабли и подошла помочь Битси, но мужчины продолжали трудиться, и Мариам тоже, пока Дэйв не позвал ее:

— Мариам? Выпьем лимонаду?

— О! — отозвалась она. — Попозже, я думаю.

Она легкими, ленивыми движениями проходилась вдоль подъездной дорожки. Мариам не любила сладкие напитки, и Зиба об этом помнила, но, конечно же, Мариам не позволит себе откровенно об этом сказать. Дэйв подошел к Битси и взял у нее из рук стакан лимонада. Наклонился и что-то пошептал девочкам. Джин-Хо сказала:

— О! — и отдала стакан Битси.

Сьюзен со словами «Мама, на!» передала свой Зибе.

Они двинулись следом за Дэйвом на другой

конец лужайки, туда, где работала Мариам. Битси приподняла брови, словно спрашивая у Зибы, в чем дело, но Зиба ничего не знала.

— Мариам! — заговорил Дэйв. — Сядь, отдохни. Я тебе лимонаду принес.

— О, спасибо, но я…

— Сядь, Мари-джан! Сядь! — попросила Сьюзен.

Джин-Хо подхватила:

— Пожалуйста, пожалуйста.

Они тянули ее за руки и хихикали. Мариам немного смутилась, что неудивительно: сесть тут можно было только прямо на землю. Но она позволила им подтащить себя к полоске мшистой, уже расчищенной от листьев травы и села, поджав ноги. Дэйв вручил ей стакан.

В отдалении Сами растолковывал Лу:

— Страховые компании словно забыли, что риски — это и есть их дело. Они отказываются страховать дом, если в нем хоть раз случалась протечка, даже если давным-давно…

— Сами! — окликнул его Дэйв.

Сами прервался, обернулся к нему.

— Девочки! — скомандовал Дэйв. Те, все еще хихикая, что-то нащупывали в карманах. Подступились вплотную к Мариам и начали что-то

делать у нее над головой.

— Что это? — спросила Мариам.

Она попыталась оттолкнуть их руки, но деловитые маленькие кулачки назойливо кружили, совершая короткие и резкие движения.

— Сахар! — крикнула Сьюзен. — Мелем сахар!

— Да что ж…

— Мариам, — заговорил Дэйв. — Ты выйдешь за меня?

Мариам перестала отряхивать волосы и уставилась на него. Девочки не унимались, пока Дэйв не сказал:

— Все, детки, хватит.

Тогда нехотя они отошли.

Мариам повторила:

— Что это?

— Официальное предложение, — сказал Дэйв и рухнул на колени. — Ты станешь моей женой?

Не отвечая, она оглянулась на девочек. Да, разумеется, полные горсти сахарных кубиков, стандартных, прямоугольных, какие в желтых коробках продают.

А нужно в форме конусов. Такие берут в Иране — грубоватые белые конусы высотой в пятнадцать-двадцать сантиметров. И молоть должны взрослые женщины, про которых извест-

но, что они счастливы в браке, и на вуаль, а не так, что у Мариам все волосы словно в скверной перхоти. И никто не осыпает невесту сахаром в день помолвки — только на свадьбе.

Либо Дэйв ни в чем толком не разобрался, либо решил переиначить традицию. Что-то изменить, что-то приукрасить. Американизировать, так сказать.

Поверх голов девочек Мариам поглядела на всех остальных: Битси улыбалась, приподнимая кувшин; Пэт как на молитве сложила руки; Сами и Лу разинули рты, а Зиба… что Зиба? Наверное, сжала челюсти до боли, ведь будет так грустно, если Мариам откажет этому бедному, глупому, хорошему человеку.

Мариам снова посмотрела на Дэйва.

И сказала:

— Да.

Все завопили.

В воскресенье Зиба проснулась с головной болью. Это от шампанского. Празднование ужасно затянулось, только Мариам и сумела положить ему конец. К тому времени обе девочки уснули на диване, Зиба давно бы это заметила, не будь она пьяна. Сами пришлось отнести Сьюзен в машину. (Он и Зибу чуть не на руках нес.) Сам он почти не

пил, потому что был за рулем, и утром превесело — противно смотреть — натягивал носки, в то время как Зиба хваталась за голову и пыталась, прищурясь, разглядеть время на будильнике. Четверть десятого.

— Господи… — пробормотала она. — Где Сьюзен?

— Внизу, телевизор смотрит.

— Кажется, у меня в голове шар для боулинга перекатывается. Поверну голову сюда — бааам! Туда — бааам!

— Аспирину?

— Боюсь, меня стошнит.

— Я предупреждал, — сказал Сами.

— Сами, даже не начинай. Хорошо?

Он поднялся и пошлепал в носках в ванную. Зиба услышала, как открывается дверка аптечки.

— Одну или две? — окликнул он.

— Четыре, — сказала она.

Звук текущей воды.

— Надеюсь, Мариам не так скверно себя чувствует, — пробормотала Зиба.

— Она вроде почти и не пила, по-моему.

— Замечательно! Я, что ли, одна такая?

— Ну, Брэд выпил немало, и мне показалось, что Пэт и Лу довольно-таки…

Снизу донесся звонок.

Сами вышел из ванной и вопросительно поглядел на Зибу.

— Не открывай! — велела она.

Но тут же Сьюзен крикнула снизу:

— Мама! Это Мари-джан!

— Боже! — простонала Зиба, откидываясь на подушки.

— Я спущусь к ней, — сказал Сами.

Он выложил на тумбочку две таблетки аспирина, рядом поставил бумажный стаканчик с водой и вышел. Несколько секунд — и Зиба услышала бодрое приветствие:

— О, мама! — И дальше бормотание, бормотание, обычные утренние голоса, вот только ей от этой нормальности еще хуже.

Что ж, ничего не поделаешь, придется и ей выйти. Зиба села, проглотила аспирин, выволокла себя из постели и вытащила из шкафа халат.

Когда она спустилась, Мариам уже сидела за столом и смотрела, как Сами набирает воду в чайник. Много ли шампанского Мариам выпила, мало ли, но выглядела она усталой и нездоровой, как человек, засидевшийся допоздна. На фоне черного блейзера кожа ее казалась почти желтой, и губы не накрашены.

— Доброе утро, Мари-джан! — Зиба постаралась приветствовать свекровь как можно бодрее и энергичнее.

— Доброе утро, Зиба, — сказала Мариам. — И добавила: — Я уже сказала Сами: я чувствую себя просто ужасно.

— О, в самом деле? И я тоже. И зачем я только…

— Худшая ошибка в моей жизни.

— То есть? — переспросила Зиба. Оглянулась на Сами. Он стоял у плиты и ждал, пока закипит чайник.

— Мама не собиралась отвечать «да», — сообщил он.

— Не собиралась?

Мариам сказала:

— Я пыталась… — Она слегка рассмеялась, хотя лицо ее оставалось угрюмым. — Пыталась быть вежливой.

— Вежливой! — повторила Зиба.

— Ну а как бы на моем месте поступила ты? Если б тебя загнали в такую ситуацию, сделали предложение при всех? Забавно, — сказала Мариам. — Я всегда гадала, как это мужчины делают такие публичные предложения. На баннерах, нанимают самолет и сзади тянут баннер. А вдруг женщина замуж не хочет? Но она попалась. На

публике. Что она может сказать, кроме как «да»?

Зиба онемела. Сами откашлялся и сказал:

— Ну да, но я-то всегда предполагал, что парочки приходят к взаимопониманию заранее, так что мужчина вполне уверен в ее согласии. А ты хочешь сказать, что с Дэйвом ничего такого прежде не обсуждала?

— Никогда! — ответила Мариам. Потом поправилась: — Во всяком случае, словами — нет.

Сами наклонил голову, вслушиваясь.

— Правда, мы с ним… какое-то время были вместе, — продолжала Мариам. — Он стал мне дорог, не спорю. И вчера первой моей реакцией было — «да», этого я тоже не буду отрицать. Но минуты не прошло, и я уже думала: «Господи, что я натворила?»

Она смотрела на Зибу, когда говорила это. Зиба, не отвечая, опустилась на стул. Она уже не знала, это мерзкое ощущение в желудке — от похмелья или от огорчения.

— Он такой американец. — Мариам обхватила себя руками, словно замерзла. — Он столько места занимает. Он не может просто посидеть, ему все время надо что-то исправлять, то вентилятор включит, то термостат подкрутит, то музыку послушает, то занавески раздвинет. Он загромоздил

мою жизнь мобильными телефонами, и автоответчиками, и этими новомодными чайниками, в которых заварка отдает железом.

— Но, Мари-джан! — осмелилась перебить ее Зиба. — Это не потому, что он американец, такие они все… мужчины. — Она торопливо оглянулась на Сами, но тот был так сосредоточен на матери, что ее слов не услышал и не обиделся.

— Нет, это американцы! — повторила Мариам. — Не сумею объяснить почему, но так оно и есть. Американцы слишком большие. Сначала думаешь: если водить с ними компанию, тоже станешь больше. Но потом видишь, что при них ты убываешь. Они все растут и вытесняют тебя. Я уже чувствовала, как исчезаю! Я уже стала об этом задумываться! И тут, прежде чем я даже заикнулась на эту тему, он сделал это. Публично.

Она говорила в необычной для себя рубленой манере, заметила Зиба, и даже акцент усилился — может быть, от желания доказать, что сама-то она вовсе не американка, полная противоположность всему американскому. И когда Мариам сидела вот так, съежившись, — тоже совсем не похоже на нее, — и впрямь казалось, будто она убывает.

— А одержимость нашими традициями! — про-

должала она. — Едой, песнями, праздниками! Словно он все это крадет у меня!

— Постой, мама, — перебил Сами. — Но это же хорошая черта, что он интересуется нашей культурой.

— Он все присваивает, — не слушая, твердила она. — Захватывает и вытесняет нас. При нем у меня собственного я не остается. Что за церемония с сахаром? Воровство в чистом виде. Он позаимствовал ее и переиначил, приспособил под свои надобности.

Хотя Зиба почти то же самое тогда подумала, но теперь возразила:

— О, Мариам, он всего лишь хотел проявить уважение к нашим обычаям. — Внезапно ее захлестнуло сочувствие к Дэйву, она вспомнила, как он стоял на коленях, его открытое, искреннее лицо. — Нельзя же винить его за то, что он такой американец, и тут же упрекать за попытку вести себя по-ирански. Это нелогично.

— Пусть нелогично, я так чувствую! — отрезала Мариам.

Чайник закипел, Сами повернулся, чтобы снять его с плиты. Зиба не понимала, как ему удается сохранять спокойствие. Она попросила Мариам:

— Можно же не рубить сплеча, подождать

немного? Может, у вас просто, как говорится, сердце на мокром месте?

— Я подождала! — сказала Мариам. — Я же не сказала ему сразу, вчера. Я всего лишь сказала, что уже поздно и я устала, пусть отвезет меня домой, утром увидимся. А теперь утром я сперва приехала к вам, объяснить, в чем дело, потому что все, конечно, будут на меня сердиться. Вы будете сердиться, я понимаю, ведь это повредит вашей дружбе с Брэдом и Битси.

— О, из-за этого не беспокойся, — сказал Сами, но Зиба как раз об этом и тревожилась. Ведь они должны были соединиться, слиться в большую счастливую семью. А теперь, что же, и дружбе конец? А девочкам что говорить?

Но Сами был уверен:

— Если не можешь выйти за него замуж, значит, не выходи. Тут не о чем спорить.

— Спасибо, Сами-джан, — сказала Мариам.

Она оглянулась на Зибу, но та не нашла что ответить.

Тогда Мариам сказала, что ей надо ехать.

— Надо поскорее с этим покончить. — Она отказалась от чая и взялась за сумочку. — До свидания, Сьюзен! — крикнула она, проходя мимо гостиной.

Сами проводил ее, но не до машины, ведь он так и оставался в носках. Просто вышел на крыльцо. Зиба задержалась в доме.

— Осторожнее за рулем, — сказал он.

Зиба молчала. Все никак не могла справиться с негодованием. Ничего этого не должно было произойти, хотелось ей сказать. Выкрикнуть это хотелось. Все это было так бессмысленно, так жестоко, и ни малейшего оправдания не было тому, как Мариам вела себя — с самого начала.

Мариам спустилась по ступенькам и пошла в сторону улицы, крепко прижимая к себе сумочку. Она словно бы сильно уменьшилась. В черном блейзере и узких черных брюках — тонкая фигурка, с очень прямой спиной, почти не занимающая места в пространстве, совершенно одинокая.

9

Младшая сестричка Джин-Хо сосала пустышку примерно сто часов в день. Только на время еды пустышку вынимали, но она не любила есть, так что все быстро заканчивалось. Из-за того что Шу-Мэй не ела, она была такой маленькой-маленькой, тощей-тощей. Ей уже два с половиной, а Джин-Хо легко ее поднимала. И вот мама Джин-Хо сказала: пора избавляться от пустышки. Тогда, наверное, у Шу-Мэй появится интерес к еде.

Но это не помогло. «Соска! Соска!» — завывала Шу-Мэй. Она так называла пустышку, потому что так называла ее бабушка Пэт. Мама Джин-Хо сказала:

— Соски больше нет, лапонька.

Но Шу-Мэй не унималась. Она визжала и визжала, пока мама не ушла наверх с головной болью и не закрылась в спальне. Тогда папа Джин-Хо принялся носить Шу-Мэй по дому и пел ей песенку «Большие девочки не плачут», но она продолжала визжать. Наконец папа буркнул плохое слово и посадил ее на диван, не слишком ласково, и пошел в кухню. Джин-Хо тоже ушла в

кухню, потому что от визга уши заложило. Она раскрашивала картинки в школьной тетради, а папа выгружал посудомойку. Он здорово грохотал, заглушал даже вопли Шу-Мэй, и время от времени в рассеянности напевал что-то из той песенки, «Бооольшие деееевочки не плаааачут», тонким и пронзительным девчачьим голосом. Обычно Джин-Хо злилась, когда родители пели, потому что они в ноты не попадали. Но на этот раз все было окей, ведь папа просто дурачился. «Не плаааачуууут», — завывал он и на «ууу» голос делал так низко, что даже подбородок к груди прижимал.

И вдруг Шу-Мэй замолчала. Папа Джин-Хо повернулся от посудомойки и посмотрел на Джин-Хо. Стало очень, очень тихо. Он на цыпочках пошел обратно в гостиную, и Джин-Хо, соскользнув с высокого стула, за ним.

Шу-Мэй сидела на диване, листая любимую книгу-картонку, и деловито сосала пустышку — нашла, должно быть, между подушек. Ведь у нее была не одна пустышка, а десятки. Тысяча, наверное, была. По десять в каждой комнате, а еще в коляске, а еще в кроватке и в обеих машинах, чтобы всегда под рукой. Мама Джин-Хо повсюду их с утра собирала, целыми пригоршнями, но,

конечно, все до одной отыскать не сумела.

Тогда днем, пока Шу-Мэй спала, мама Джин-Хо объявила новый свой план. Они устроят праздник. Как только Шу-Мэй проснулась, все разом ей сказали:

— Знаешь что, Шу-Мэй? В следующую субботу мы устроим большой праздник и прилетит Со́сочная фея, заберет все твои соски, а тебе принесет чудесный подарок.

Даже Джин-Хо это сказала (мама просила, чтобы она их поддержала).

— Всего через шесть дней она прилетит, Шу-Мэй!

Шу-Мэй молча смотрела на них и чавкала соской. Она редко вообще говорила, потому что рот у нее был всегда занят.

— А какой подарок? — поинтересовалась Джин-Хо, но мама ответила:

— О, это пока секрет.

Наверное, сама не знала. Джин-Хо не дурочка. Если Сосочная фея умеет летать, так и подарок принесет такой, какого обычные люди даже вообразить себе не сумеют.

— А *мне* Сосочная фея подарок принесет? — спросила она маму.

Мама сказала:

— Ну, вообще-то, нет, ты же никогда пустышку не сосала. Это так замечательно! Сосочная фея очень, очень тебя за это уважает.

— Лучше бы она подарок принесла, — сказала Джин-Хо.

Мама засмеялась, как будто Джин-Хо пошутила, а она вовсе не шутила.

— А как она узнает, что пора прилетать? — спросила Джин-Хо.

— Она же фея.

— Так почему же она не прилетела сегодня утром, чтоб тебе не собирать все эти соски самой?

— Случилось… ну просто некоторое недопонимание, — вздохнула мама.

— А вдруг в субботу опять выйдет недопонимание и…

— Все получится, хорошо? — сказала мама. — Просто поверь мне, хорошо? Раз я говорю.

— Но ведь сегодня же не получилось…

— Джин-Хо! — сказала мама. — Перестань! Мы напишем фее письмо. Так тебя устраивает?

— Думаю, так будет вернее, — сказала Джин-Хо.

Итак, мама села за компьютер и отыскала специальную открытку, на которой аист нес мла-

денца. Потому что картинку с пустышкой так и не нашла. На открытке она напечатала заглавными буквами, чтобы и Джин-Хо могла разобрать:

> В СУББОТУ 20 СЕНТЯБРЯ 2003 В 3 ЧАСА ДНЯ ПРИЛЕТАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЗА СОСКАМИ ШУ-МЭЙ.

Она положила открытку в конверт из-под банковских счетов, и вечером, когда жарили курицу барбекю во дворе, мама положила на решетку гриля конверт и все смотрели, как он превращается в дым. Папа Джин-Хо сказал:

— Да чтоб тебя! — и отодвинул щипцами куриную ножку подальше от горелой бумаги.

Мама Джин-Хо ответила:

— Ну да! Ну да! И не говори даже! — И рухнула в шезлонг. — Как я в это влипла? — спросила она папу.

Но потом приободрилась и позвала Шу-Мэй:

— Иди, моя хорошая, посиди со мной.

Шу-Мэй приковыляла и устроилась у мамы на коленях. В тот вечер пустышка у нее была желтая, в форме лежащей на боку восьмерки.

— Однажды, — сказала ей мама Джин-Хо, — появилась среди фей маленькая, вся такая блестящая, звали ее Сосочная фея.

— Надеюсь, все обойдется, — сказал папа Джин-Хо.

— Кого пригласить? Да любого, кто захочет, — сказал папа Джин-Хо.

Они обсуждали это за ужином. Он сказал, приглашайте чертова почтальона, если надо. Мусорщиков зовите.

— Да! Альфонса! — подхватила Джин-Хо.

— Альфонс — это кто?

— Один из мусорщиков!

— Мы, конечно, позовем моего отца, — сказала мама Джин-Хо. — И твоих родителей. И моих братьев с семьями. Это же прекрасный повод собраться! Соска — это так, заодно. Позовем Коуплендов, маленькая Люси будет играть с Шу-Мэй. И — что скажешь? — Язданов? Или не надо?

Мама смотрела на папу, когда это говорила, но ответить решила Джин-Хо:

— Мы всегда зовем Язданов. И мне приходится играть со Сьюзен, а она командует!

— Не всегда, — заспорил папа. — Мы уже почти месяц с ними не виделись. Нельзя это запускать, Битси. Надо их позвать.

— Это не моя вина, что мы не видимся, — сказала мама Джин-Хо. Она протянула Шу-Мэй куриное крылышко. Шу-Мэй запретили сосать

соску за столом, но она все равно повертела крылышко туда-сюда и положила его на тарелку. — Знаешь, после их разрыва Зиба стала вести себя по-другому, — сказала мама Джин-Хо. — Она вроде бы… напряжена.

— Она переживает, вот и все. Боится, не сердишься ли ты на нее.

— Это абсурдно. Она знает, что я человек справедливый. С какой стати винить ее за поступки свекрови?

Это она про Мариам. Бабушку Сьюзен. Та вроде бы собиралась выйти замуж за дедушку Джин-Хо, и если бы вышла, то стала бы бабушкой Джин-Хо тоже. (Папа Джин-Хо доказывал, что тогда мама Джин-Хо стала бы еще и тетей Джин-Хо. «Учись называть маму тетей Битси», — говорил он. «Э-э? — только и смогла ответить Джин-Хо. — Ничего не понимаю».)

Но Мариам передумала, и с тех пор они больше не видятся. Она не приглашала их на новогодний обед весной, а на праздник Прибытия уехала из города. «Как удобно», — сказала по поводу ее отъезда мама Джин-Хо. Джин-Хо сама с радостью уехала бы на это время. Терпеть не могла праздник Прибытия.

— Есть идея, — сказал папа Джин-Хо. Теперь он

прямо к Джин-Хо обращался. — Мы позовем Яздановв, но пригласим и подругу из твоего класса, она-то командовать не будет.

— Ох, Брэд! — вздохнула мама Джин-Хо. — Не надо еще кого-то звать! И без того все непросто.

— Лапонька, ты же помнишь, каково это, когда родители заставляют тебя играть с детьми их друзей, даже если те придурки.

— Сьюзен Яздан вовсе не… придурок.

— Я хотел сказать…

— Я приглашу Афину, — решительно заявила Джин-Хо.

— О! — сказала мама.

Афина — афроамериканка, это мама всегда одобряла.

— Хорошо, — сказала мама, — но обещай мне, что Сьюзен не окажется вне игры. Она такой же гость. Обещаешь?

— Конечно.

Вообще-то все наоборот: Сьюзен умела сделать так, что кто угодно почувствует себя вне игры.

Мама Джин-Хо сказала:

— Наступит время, моя хорошая, и ты научишься ценить эту дружбу. Понимаю, что сейчас ты об этом не думаешь, но так будет. Может быть, вы даже поедете вместе в Корею и найдете своих

биологических матерей.

— Зачем нам это? — спросила Джин-Хо.

— Вы имеете полное право! Мы нисколько не против! Мы вам поможем в этом, поддержим!

— Возвращаясь к основной теме… — напомнил отец Джин-Хо.

Джин-Хо не собиралась в Корею. Ей не нравилась корейская еда. Не нравилось надевать эти костюмы с жесткими, режущими внутренними швами, и она никогда, ни разу в жизни вообще совсем даже не глянула на ту дурацкую видеозапись.

Дедушка Джин-Хо посоветовал действовать постепенно.

— Это как сигареты, — сказал он. — Шу-Мэй не может в один день взять и завязать.

— Понимаю, о чем ты, — сказала мама Джин-Хо. — Наверное, ты прав.

Они сидели в комнате с телевизором. Был понедельник, вторая половина дня, Шу-Мэй спала, они ждали, пока она проснется.

— Так, — сказала мама. — Посмотрим, как лучше к этому подступиться. Наверное, завтра я ей скажу: в машине сосать нельзя. Только дома, скажу я, а не когда мы куда-то едем.

— Тогда лучше убрать все эти соски с заднего

сиденья, — посоветовала ей Джин-Хо.

— Да, да, конечно... они повсюду! Поверить не могу, что я сама бегала в аптеку и покупала столько этих адских приспособлений!

Она с громким щелчком встряхнула наволочку и сложила ее вдвое.

— А завтра, — продолжала она, — я скажу, во двор соски тоже не брать. Ты же знаешь, как она любит качели. Ей придется потерпеть без соски, если она собирается покачаться, так я и скажу. А в среду сосок не будет нигде, кроме ее кроватки. А потом — только не во время дневного сна, это в четверг, а в пятницу — последняя соска перед ночным сном, перед субботним праздником.

— Я-то имел в виду скорее пару месяцев, — сказал дедушка Джин-Хо. — Куда ты так спешишь?

— Я не могу столько тянуть! Я и месяца больше не выдержу! Эти проклятые штуковины сводят меня с ума.

Джин-Хо и дедушка уставились друг на друга. Иногда мама Джин-Хо и правда как будто с ума сходила.

— Нам в школе сегодня рассказывали про планеты, — сказала Джин-Хо.

— Вот как! — с необычайным интересом откликнулся дедушка. — И какая же планета

больше всех тебе приглянулась, Джин-Хо?

— Плутон: по-моему, ему одиноко.

— Я бы еще терпела, если бы она ела как следует, — продолжала свое мать Джин-Хо. — Но мне кажется, ее настолько удовлетворяет соска, что она не чувствует потребности в пище. Это такое разочарование — когда ребенок отказывается есть! Я готовлю только здоровую еду, цельнозерновую, молоко от коров на свободном выпасе, органика, а она просто… пренебрегает мной!

Дедушка Джин-Хо наклонился и вытащил из-под стула свою дождевую шляпу. Поднимаясь, он произнес:

— Я тебе одно скажу напоследок, Битси. Видела ты хоть одного подростка с соской? Сама подумай.

— Да! Да! — вмешалась Джин-Хо. — Я видела!

— Ты видела?

— Девочки из Вестерн-Хай, — пояснила Джин-Хо. — Некоторые носят на цепочке золотые соски.

— Большое спасибо, что сообщила нам это, — ответил дедушка. — Но ты же меня понимаешь, Битси. Раньше или позже Шу-Мэй сама откажется от соски.

И он ушел так поспешно, словно боялся услы-

шать, что скажет ему на это мама Джин-Хо.

Раньше дедушка Джин-Хо так часто не приезжал, но после того как Мариам передумала, он стал заглядывать чуть ли не каждый день и все разговаривал, разговаривал, разговаривал с мамой Джин-Хо, сначала о политике, потом об уроках, которые он давал как волонтер, и о телепрограмме, которую он смотрел, но не успеешь оглянуться — и снова он говорит о Мариам:

— Иногда я возвращаюсь домой, после того как почту заберу или еще куда выйду, и в ту секунду, перед тем как свернуть к дому, я думаю: а вдруг она ждет меня? Стоит на крыльце и ждет, чтобы сказать, как ей жаль, она сама не знает, что на нее нашло, и просит ее простить, и когда я сворачиваю за угол, я смотрю под ноги, чтобы она не поняла, как я сам ее жду. Немножко неловко, ведь она, должно быть, наблюдает за мной, и я чувствую, что походка у меня делается не вполне естественной. Хочу напустить на себя небрежный вид, но не чересчур, ты же понимаешь. Не так, чтобы она подумала, будто у меня легко на душе, — она должна понимать, как она меня ранила.

Когда он пускался в такие рассуждения, мама Джин-Хо похлопывала его по руке или испускала

низкий бормочущий звук, но все немного торопливо, словно ей не терпелось с этим покончить. Потом она принималась бранить Мариам:

— С чего ты вообще обратил на нее внимание, папа… с чего ты ею заинтересовался, честное слово, в голове не укладывается. Она того не стоит. Она злая! О, я бы не стала ее винить, если бы она просто поблагодарила и отказала. В конце концов, вы всего несколько месяцев встречались. К тому же многие женщины в таком возрасте просто *не решаются* вступить во второй брак из-за страховки покойного мужа, или пенсии, или еще чего-то. Да и ты не так уж разумно поступил, обрушив все это на нее, согласись. Без предупреждения, вот так, публично. И все же ей следовало сразу все прояснить — она могла тактично отклонить предложение, свести на нет. А она сказала тебе «да». И мы все праздновали! Сколько тостов! Джин-Хо и Сьюзен уже принялись высчитывать, кем они друг другу будут приходиться. И вдруг — ах! Раз — и бах! Она тебя выгнала.

— Ну не то чтобы выгнала…

— Видеться-то почему нельзя было по-прежнему? Вы же могли и дальше встречаться. Почему непременно все или ничего?

— Ну, честно говоря, — отвечал дедушка Джин-

Хо, — думаю, это уж скорее было мое решение.

— Я с самого начала знала, что она очень холодная. Теперь-то, когда все кончено, я могу это сказать. Холодная и эгоистичная! — припечатывала мама Джин-Хо.

— Лапонька, она всего лишь оберегает свои границы.

— Если она такая любительница границ, зачем вообще эмигрировала?

— Битси, ты себя слышишь? Ты еще скажи — пусть любит эту страну или уезжает к себе.

— Я не о странах. Я говорю о фундаментальном… изъяне характера.

Джин-Хо опасалась, как бы дедушка не обиделся на маму, что же та все ругает Мариам. Но дедушка приезжал снова и снова. Наверное, его все устраивало.

Когда Шу-Мэй проснулась после дневного сна, мама взяла их обеих в магазин за продуктами — и никаких сосок. Шу-Мэй рыдала всю дорогу. Она и в магазине плакала, но мама Джин-Хо дала ей банан, и это немного помогло. Она все-таки всхлипывала, но от банана кусочек откусила. На обратном пути, когда она снова заплакала, мама Джин-Хо сделала вид, что ничего не слышит, и принялась обсуждать будущую вечеринку:

— Я купила цветной сахар, шоколадный сироп и эти маленькие серебряные драже… мне кажется, лучше много пирожных, чем один большой торт, согласна?

— Мммм! — отвечала Джин-Хо, затыкая пальцами уши.

Как только они добрались домой, Шу-Мэй нарыла соску под батареей в холле и отправилась дуться в комнату с телевизором.

Во вторник, когда мама одноклассницы высадила Джин-Хо у дома, Джин-Хо обнаружила маму на крыльце, в большом толстом ирландском свитере.

— Что ты тут делаешь? — спросила Джин-Хо.

— Жду тебя, конечно же, — ответила мама.

Но вообще-то она ее на крыльце никогда раньше не поджидала.

Еще мама сказала:

— Я подумала, не перекусить ли нам сегодня в патио.

И это было тоже странно, потому что погода стояла уже совсем осенняя, прохладная по-настоящему, так что Джин-Хо не снимала куртку.

Но все выяснилось, когда мама взяла поднос с едой.

— Шу-Мэй, ты идешь? — позвала она.

Шу-Мэй возила по кухне кенгуру-маму и кенгуру-детку в лиловой магазинной тележке.

— А соску тут оставь, дома, — сказала мама.

Шу-Мэй замерла и сказала «нет» так яростно, что соска выпала изо рта. Шу-Мэй наклонилась, подобрала соску, запихала ее обратно в рот и продолжала толкать тележку. Пришлось им идти во двор без нее. За едой — печенье с арахисовым маслом и яблочный сок — мама Джин-Хо опять говорила о скором празднике. Ее беспокоил прогноз погоды: с побережья приближался ураган.

— Это тот случай, когда мы зависим от погоды, — рассуждала она. — Потому что я придумала, как нам быть с сосками: привяжем их к воздушным шарикам и отпустим лететь. Красиво, правда? А потом войдем в дом и там обнаружим подарок, который оставит фея.

— А нас ураган не унесет? — спросила Джин-Хо (она только что смотрела по телевизору «Волшебника страны Оз»).

— Нет, мы слишком далеко от побережья, но вот сильный дождь вполне может быть. Будем надеяться, все закончится до субботы. По прогнозу, хуже всего ожидается в четверг, но когда эти метеорологи не попадали впросак? — Обернувшись к дому, мама окликнула: — Шу-Мэй?

Ты не надумала? Вкусное печенье с арахисовым маслом, лапонька!

Они оставили заднюю дверь приоткрытой, так что Шу-Мэй отлично все слышала. Но не отвечала. Только и раздавался скрип-скрип ее тележки. Мама Джин-Хо вздохнула и потянулась за соком. Спрятала руку в рукав свитера, словно в варежку, и так через рукав взялась за стакан.

В среду — Никаких Сосок, кроме как в кровати. Папа Джин-Хо сказал, что до него, он страшно рад, что ему нужно ехать на работу. И уехал на полчаса раньше обычного. И Джин-Хо тоже была рада, что ей нужно в школу, — к тому времени, как машина мамы ее одноклассницы посигналила у ворот, уже было ясно, к чему все идет. Шу-Мэй тщательно обыскала весь дом и нигде не нашла ни одной соски. Все они лежали в коробке из-под спиртного на холодильнике, но этого Шу-Мэй не знала. Она свернулась калачиком под кухонным столом и громко-прегромко плакала. Мама Джин-Хо закрылась в ванной. Джин-Хо крикнула ей:

— Мама, я пошла!

Чуть помедлив, мама крикнула в ответ:

— Пока, дорогая. Хорошего тебя дня.

Судя по ее голосу, она, кажется, и сама тоже плакала.

В итоге Джин-Хо немножко даже боялась возвращаться домой. Но когда она вошла, там было тихо — бодрая, живая тишина, а не как когда все злятся. Мама на кухне помешивала какао, дедушка сидел у стола с газетами, а Шу-Мэй в автокресле сосала свою пустышку.

— Приветствую, мисс Дикинсон-Дональдсон! — сказал дедушка.

— Привет, деда! — ответила Джин-Хо, стараясь не смотреть в сторону Шу-Мэй, вдруг взрослые не заметили пустышку, не надо им и подсказывать.

Но мама сказала:

— Как видишь, мы несколько изменили правила.

И Джин-Хо, пробормотав «Ммм?», забралась на стул.

— Я тут говорю твоей маме, — пояснил дед, — раз впереди у нас великое прощание с соской, зачем же мучить Шу-Мэй заранее? Верно, Шу-Мэй?

Та знай себе сосала пустышку.

— Дождемся торжественной минуты, — продолжал дедушка. — Помню, я советовал действовать постепенно, однако я передумал. — Он подтолкнул Джин-Хо локтем и добавил: — Последовательность — удел трусливого ума.

— Ну ладно, — сказала Джин-Хо.

— Ральф Уолдо Эмерсон.

— В любом случае, — развернулась от плиты мама Джин-Хо, — в субботу День Соски. Помни об этом, Шу-Мэй! В субботу прилетит Сосочная фея — ты же это поняла, да?

— Лапонька, передохни! — попросил дедушка Джин-Хо.

— Я только не хочу, чтобы она вообразила…

Но дедушка уже повернулся:

— Так, Джин-Хо! Что сегодня было в школе?

И на том разговор закончился.

Кроме какао мама дала алфавитное печенье. Джин-Хо выбрала из коробки несколько букв и разложила перед Шу-Мэй.

— Видишь? Это Эй, — сказала она, и Шу-Мэй на мгновение вытащила изо рта пустышку и повторила:

— Эй.

— Точно, — сказала Джин-Хо, чувствуя такую радость, такое облегчение, словно Шу-Мэй вернулась к ним откуда-то издалека. — А вот Би. И еще Эй. И Си. И снова Эй.

Тут только и были, похоже, первые три буквы. Она принялась шарить в поисках букв из имени Шу-Мэй.

Тем временем дедушка Джин-Хо объяснял ее маме, какой он дурак.

— Наверное, я просто забыл, как это делается, так давно в последний раз ухаживал за женщиной, — говорил он. — О чем я только думал? Хорошенький у меня был вид, когда я заранее прятал у тебя в холодильнике шампанское, законченный идиот, такой самоуверенный, так точно знал, что она ответит согласием…

— И она ответила согласием! — перебила мама Джин-Хо. — Ты вовсе не вел себя как идиот! Она сказала «да» чистым английским языком, и мы *выпили* то шампанское. И только потом…

— Знаешь, ее английский на слух кажется свободнее, чем на самом деле, — сказал дедушка Джин-Хо. — Она мне письмо написала, когда уезжала в Вермонт, и тут я впервые заметил, что она пропускает артикли. Оно и понятно, ведь в ее родном языке нет артиклей, и все же в этом проглядывает… не знаю, как сказать… какое-то упрямство. Нежелание принимать другую культуру. Думаю, из-за этого у нас и не сладилось. Язык — это важный симптом, мне следовало обратить на это внимание.

Она и про множественное число иногда забывала, Джин-Хо это замечала. «Много крекер тебе

аппетит испортит», — говорила она. И все же Джин-Хо не стала об этом вспоминать, потому что любила Мариам и хотела, чтобы дедушка ее тоже любил.

— Язык тут ни при чем, — возразила мама Джин-Хо. — Все дело в ней самой. Она всегда так держится, словно все лучше нас знает. Я бы не удивилась, если бы она стала доказывать, что в том письме и не нужно ставить артикли.

— Она могла бы, — кивнул дедушка Джин-Хо. — Как присмотришься, эта ее манера праздновать иранский Новый год, а наш нет, и всех называть «джан», и этот гарем на кухне, готовящий по любому поводу рис… право, иногда мне кажется, что в этой стране ассимилироваться приходится в основном американцам. Ты так не считаешь?

— Но я не за это, главным образом, сержусь на нее, — сказала мама Джин-Хо, — а за то, что она скрытная! О, как противно, что все считают это сдержанностью и превозносят. Скрытные люди сводят меня с ума! Как можно этого не понимать?

— Она что, думала, у меня самого никаких сомнений нет? — спросил дедушка Джин-Хо. — Я только что овдовел, с моей потери прошло гораздо меньше времени, чем с ее. Я так старался

начать жизнь заново. И это было вовсе нелегко, честное слово.

— Счастливо избавился, — сказала мама Джин-Хо. — Не унывай, па. Скоро появится другая.

— Никакую другую и знать не хочу! — ответил он. Потом он, видимо, испугался, что его неправильно поймут, и стал объяснять: — В смысле, никто не нужен. Мне никто не нужен больше. Никогда.

Мама Джин-Хо похлопала его по руке.

На праздник собирались все, кроме дедушки Лу и бабушки Пэт: их уже куда-то пригласили, и они отказались менять свои планы. Мама Джин-Хо сказала, что этого она понять не в силах.

— Что у них с приоритетами? — спрашивала она. — Выбирая между какими-то случайными приятелями и собственной внучкой…

— Это не случайные приятели, а ближайшие их друзья, — уточнил папа Джин-Хо. — Их ближайшие друзья празднуют золотую свадьбу, а внучка всего лишь отказывается от соски.

— Сама не знаю, о чем я хлопочу? Судя по тому, что говорят по радио, наше мероприятие и так обречено. Налетит ураган «Изабель», и мы все поплывем во Внутреннюю гавань.

— Ты же говорила, нас не унесет! — всполо-

шилась Джин-Хо. — Говорила, что мы далеко от побережья.

— Нет-нет, конечно, нам ураган не страшен. Не о чем беспокоиться. Я немножко преувеличила, — сказала мама Джин-Хо.

Но в тот же вечер они с папой занесли всю мебель со двора в гараж — на всякий случай.

Наверное, и радио преувеличивало: говорило, что в четверг будет ураган, а с утра, когда Джин-Хо отправлялась в школу, все было как обычно, и когда вернулась домой — тоже, и когда перекусывала. Но во второй половине дня вдруг потемнело, задул ветер, пролился небольшой дождь. Папа Джин-Хо, вернувшись с работы, сказал:

— Похоже, собирается.

У Джин-Хо мурашки побежали по телу, она волновалась, как в канун Рождества.

За обедом она извертелась на стуле, поглядывая в окно. Воздух был такого странного оттенка — лавандового, — и деревья выворачивали наизнанку свои листья.

— Скрести пальцы — хоть бы вязы не повыдергивало, — сказал папа. — Я на них столько денег потратил, точно давал им университетское образование.

Джин-Хо засмеялась: вязы в университете!

И тут погас свет.

Заплакала Шу-Мэй.

Мама Джин-Хо сказала:

— Все в порядке! Нет причин пугаться!

И принесла из буфета в столовой свечи. Папа Джин-Хо зажег их пистолетом, которым обычно зажигали непослушную горелку на плите. Две свечи поставили на стол и еще две — на кухонную стойку. Свет мерцал на лицах, все выглядели не совсем собой. Шу-Мэй принялась махать ладошкой, сперва никто не понял зачем, а потом увидели, что она играет с тенями на стене.

— Правда, весело? — сказала мама Джин-Хо. — Словно пикник! И это ненадолго. Скоро провода починят.

Но весь вечер они просидели в темноте. Читали при свечах книги с картинками, потом поднялись в спальни, подсвечивая фонариком из кухонного ящика с инструментами. Фонарик поставили на тумбочку у Шу-Мэй, чтобы она не боялась, но она все равно заплакала, и Джин-Хо тоже немножко было страшно, так что в итоге их обеих забрали к родителям в постель. Легли вчетвером поперек кровати, хорошо, что размер «кинг сайз». А снаружи ревел ветер, и деревья трещали, и время от времени дождь ударял в

окно. Мама Джин-Хо оставила одно окно чуть приоткрытым, потому что иначе, где-то она вычитала, дом может взорваться. Папа Джин-Хо сказал — не может, это про торнадо, и они поспорили, пока мама Джин-Хо не уснула. Вскоре Джин-Хо услышала, как папа встал с кровати и на цыпочках сходил закрыть окно. Потом вернулся и тоже уснул. Шу-Мэй давно уже спала, время от времени слегка причмокивая соской. Снаружи ветер выл все громче. Джин-Хо чувствовала, как ее это сводит с ума. За окном уже не первый раз включились сирены. Джин-Хо думала: а вдруг дом уже плывет по гавани? Вряд ли, он как будто пока стоял прочно.

Потом наступило утро, а она одна в постели. Ближайшее окно все облеплено листьями. Из-за этого свет в комнате казался зеленоватым, хотя погода вроде бы прояснилась. Джин-Хо встала и подошла посмотреть внимательнее, однако через это окно ничего не было видно, она пошла к другому. Весь двор завален ветками деревьев. На той стороне улицы рухнул набок старый дуб, влез в их сад, почти целиком накрыл папин универсал. Он вчера оставил его во дворе, потому что гараж заполнила мебель со двора. Только местами из-под ветвей проглядывала крыша автомобиля.

Внизу мама Джин-Хо обжаривала тост, щипцами зажимая кусок хлеба над плитой. Шу-Мэй размешивала в тарелке хлопья, а папа говорил по телефону.

— Да, хорошо, — говорил он. — Значит, вам повезло. У нас электричества в ближайшие дни не будет. — Он послушал с минуту и сказал: — Спасибо, мама, но даже если б у нас был шанс проехать, одна машина разбита, а другая заперта в гараже, и поперек подъездной дорожки лежит дерево. Думаю, нам стоит оставить все как есть и не открывать морозилку.

Он был в пижаме и в красном клетчатом халате, словно в выходной. Когда он положил трубку, Джин-Хо спросила:

— А ты на работу пойдешь?

И папа сказал:

— Думаю, едва ли сегодня кто-то из студентов покажется, лапонька.

— А у меня школа будет?

— Наверное, школа закрыта. Да и как до нее добраться?

Мама Джин-Хо подошла к столу с тостом — он был местами черный и пах странно.

— Не хочу это, — сказала Джин-Хо.

— Тем лучше, — сказала мама. — Буду рада,

если ты съешь какие-нибудь хлопья. Надо использовать молоко, чтобы не прокисло.

— Когда же нам провода исправят? — спросила Джин-Хо.

— Не знаю, лапонька. Тысячи и тысячи людей в таком же положении, как и мы, судя по тому, что говорит папин маленький приемник.

— Теперь ты рада, что я его купил? — вставил папа Джин-Хо. — Я же говорил: радио пригодится.

Он обожал всякие приборчики. Из-за этого родители часто спорили.

С завтрака и до обеда всей семьей расчищали двор. Конечно, с дубом Кромвелей, который полностью перегородил улицу и блокировал движение, они сами не справились бы, да и с тем вязом, что лежал перед гаражом. Зато они собрали ветки поменьше и ворохи листьев, все еще зеленых, влажных, здоровых на вид, запихали их в мусорные пакеты и вытащили пакеты в проулок. Джин-Хо даже птичье гнездо нашла, правда, без птиц. Ей было поручено собирать маленькие ветки в пластиковую корзину, которую папа время от времени вытряхивал. Справа и слева соседи тоже были заняты уборкой, все дружески перекликались. Миссис Сансом сказала — в одном

доме, в конце квартала, есть электричество. Эти люди позволили соседям протянуть удлинители и подключить холодильники.

— Если до вечера не починят, — сказала соседка, — предлагаю собрать все, что может испортиться, и устроить большой соседский пикник с грилем.

Джин-Хо подумала, это гораздо веселее, чем поспешно есть портящуюся еду по домам. Пусть уж лучше не чинят провода. Погода такая приятная, ветерок, в воздухе свежесть, и никогда еще не бывало, чтобы столько соседей одновременно вышло на улицу.

Они приготовили омлет и на том покончили с яйцами. Потом Шу-Мэй отправилась спать днем, а Джин-Хо из окна родительской спальни смотрела, как мужчины разделываются с дубом. Их пилы жужжали сердито, словно шмели. Они вырезали середину ствола, чтобы машины могли проехать, но бросили во дворе Кромвелей основание, когтившее корнями воздух, а у Дональдсонов — крону, ветвистую, всю в листьях, универсал по-прежнему так и оставался под ней. Папа Джин-Хо сказал, этим займутся позже, когда справятся с неотложными делами. Он повел Джин-Хо считать кольца на срезе дерева. Мистер

Сансом тоже стоял и считал их. Оказалось, это не так-то легко, потому что кольца местами сливались, и они оба сбивались со счета. От обрубка шел сильный острый и кислый запах, у Джин-Хо слюнки побежали.

Теперь мама уже всерьез переживала за пропадающую еду. Она сказала, что составила в морозилку все те блюда, с которыми столько провозилась. Джин-Хо ответила:

— Ничего страшного, мы возьмем их на соседский пикник и обжарим на гриле.

Но мама заспорила:

— Как ты будешь жарить на гриле лазанью со шпинатом, Джин-Хо!

Она уже больше не твердила, как все это весело, и перестала напоминать «подумай о бедных иракцах», но это было как раз к лучшему, по мнению Джин-Хо.

В итоге никакого пикника не вышло. Наверное, миссис Сансом забыла свое предложение. Наступили сумерки, соседи скрылись в домах, только и видно было, что свечки там и сям в окнах.

Мама Джин-Хо сходила с фонарем в подвал и вернулась с подносом.

— Я только на миг приоткрыла дверь морозилки и тут же захлопнула, — сказала она. — Вряд ли

температура успела подняться.

Она сунула лазанью в газовую духовку, но замороженная лазанья готовилась целую вечность. Они ждали, ждали, ждали, читая при свечах книги, больше-то заняться было нечем. Сразу после ужина — а ужин был почти в восемь — все отправились спать в ту королевского размера постель. Мама Джин-Хо даже посуду мыть не стала.

— Это я отложу до утра, когда будет светло, — сказала она.

— Наверное, так люди жили прежде, — сказал папа Джин-Хо. — Подстраивались к рассветам и закатам.

— Да хоть так, — ответила мама Джин-Хо.

Они и не мылись, уже два дня. С этим тоже придется подождать до утра.

И зачем вставать спозаранку, если ничего не видно все равно? Они так заспались, что дедушка Джин-Хо еле разбудил их, колотя в дверь. «Эй! — кричал он. — Эй!» Ведь дверной звонок не работал.

Мама Джин-Хо пошла ему отворить, пока остальные одевались. Про мытье никто и не вспомнил. К тому времени, как Джин-Хо сошла вниз, дедушка уже сидел на кухне и смотрел, как мама обжигает тост.

— Джин-Джин! — приветствовал он ее. — Как тебе нравится такая жизнь?

— Скучновато становится, — призналась она.

— Просто надо прикинуться, будто мы перенеслись во времена колоний, лапонька. Я так себе и говорю.

Рядом с ним на столе Джин-Хо увидела пачку одноразовых подгузников. Мама Джин-Хо не признавала одноразовых, но матерчатые закончились. Еще дедушка привез три картонных стаканчика с кофе из магазина и кварту молока, любимый сорт Джин-Хо, и какую-то серебристую штуку, похожую на ракету, ростом с Джин-Хо, — поставил ее у задней двери.

— Что это? — спросила она.

— Гелий.

— Гелий?

— Для шариков, к которым привяжем соски.

— Соски? — переспросила Джин-Хо. — Сосочная вечеринка!

Совсем вылетело из головы.

— Ты же знаешь, у твоей мамы слово не расходится с делом, — сказал дедушка.

— Я предупредила ее, что сегодня ей предстоит расстаться с сосками, и так оно и будет, — заявила мама Джин-Хо, не поворачиваясь от плиты. —

Мы же не хотим, чтобы Шу-Мэй решила, будто я непоследовательна.

— Последовательность — удел…

— Папа, я не хочу это слышать!

— Окей! Окей! — Он поднял руки, сдаваясь.

— Сами и Зиба привезут холодные напитки, все остальное в любом случае комнатной температуры — пирожные, печенье… Я наскребу мороженое. Что еще надо?

— Ну, осталась небольшая проблема — добраться сюда. Половина улиц в городе перегорожена упавшими деревьями, или там искрят порванные провода, или и то и другое. Сотни светофоров вышли из строя. Полиция рекомендует оставаться дома, если только это не вопрос жизни и смерти.

— Все наши гости уверены, что смогут проехать, только Мак сомневается — рухнул маленький мостик через ручей, который течет на выезде с его дорожки. Но я велела ему просто проехать через ручей, он же совсем неглубокий.

Дедушка Джин-Хо засмеялся. Сначала это был негромкий хрипловатый звук, но потом его разобрало так, что дедушка стал задыхаться и утирать глаза рукавом свитера.

— В чем дело? — спросила мама Джин-Хо. Она обернулась от плиты, все еще зажимая щипцами

тост. — В чем дело? Что тут смешного? — И, не дожидаясь ответа, обратилась к Джин-Хо: — Господи, где же твой отец? — таким тоном, словно сердилась на нее.

— Он Шу-Мэй одевает, — ответила Джин-Хо.

— Так скажи ему, что у нас тут кофе и ему лучше поторопиться, если он не хочет пить его холодным.

Джин-Хо вышла из кухни, а у нее за спиной дедушка принялся отсмаркиваться в большой белый хлопчатобумажный платок.

Надувать шары гелием — непростая работа. Этим занимались отец Джин-Хо и ее дедушка, и они стали очень раздражительными, потому что шары то и дело срывались с крантика и принимались летать по кухне, пугая всех до смерти.

— Битси, уведи же детей отсюда! — потребовал наконец отец Битси, хотя дети вовсе тут были ни при чем. На самом деле Джин-Хо даже помогала. Они с мамой привязывали соски к веревочкам шарика, после того как шар удавалось надуть. Но мама сказала:

— Хорошо, девочки, пошли мыться.

Уходя, Джин-Хо слышала, как папа говорит:

— Кто другой просто заказал бы десяток готовых шаров, но только не мы. О нет! Нам обязательно

брать напрокат канистру с гелием и надувать все шарики собственноручно!

— Если бы нам требовался всего десяток шариков, я бы так и поступила, — сказала мама Джин-Хо, пока они поднимались по лестнице. Мама обращалась к ней, словно это Джин-Хо ворчала. — Но у нас сорок семь сосок. Нет, сорок восемь, одна все еще у Шу-Мэй. Брэд! — крикнула она вниз. — Нам не сорок семь шаров нужно, а сорок восемь!

— И никоим образом нельзя отправить в полет одну-две соски, символически, а остальные просто выбросить, — жаловался папа Джин-Хо ее дедушке.

Мама Джин-Хо закатила глаза, и Джин-Хо тоже закатила глаза, потому что одна-две соски — это скучно. Вот на сорок восемь стоит поглядеть. Наверное, все небо закроют.

— Вот что сегодня будет, Шу-Мэй, — заговорила мама, словно сказку рассказывая. — Каждый гость возьмет два шарика, и все выйдут во двор. Дай-ка посчитаем. Девятнадцать человек или, по крайней мере, семнадцать… Что ж, придется некоторым взять больше двух шаров. Ты, например, как именинница, возьмешь три шара.

— Четыре, — сказала Шу-Мэй.

— Хорошо, четыре. Ты возьмешь их…

— Пять! Шесть! — продолжала Шу-Мэй. Видимо, она просто решила поупражняться в счете.

Но считать она умела только до шести, на том и остановилась. Подняла руки, чтобы мама сняла с нее через голову рубашку. Ванна уже наполнялась горячей водой, зеркало запотело.

— И тогда мы скажем: «На старт, внимание, марш!» — и мы разом отпустим шарики, все одновременно, и соски полетят высоко-высоко, далеко-далеко, и Сосочная фея выглянет с облака и скажет: «Ого, кто-то стал большой и отказался от сосок! Значит, мне пора…»

— Я не отказалась от соски! — сказала Шу-Мэй. Она вытащила пустышку изо рта, чтобы внятно произнести эту фразу, и тут же засунула обратно.

— «Пора мне спуститься и принести этому кому-то замечательный подарок», — скажет Сосочная фея. И она пойдет в свою волшебную кладовую…

— Я не отказалась от соски!

— Залезай в ванну, Шу-Мэй.

— Слишком горячо, — сказала Шу-Мэй.

— Нет, не слишком! Ты даже не попробовала. Споришь, лишь бы спорить! Господи! Джин-Хо, залезай в ванну, прошу тебя!

Джин-Хо еще раздевалась, но тут она стала

двигаться побыстрее. Мама пока что опустила в воду Шу-Мэй. Как только Шу-Мэй оказалась в ванне, она сразу же положила соску в мыльницу, потому что она всегда плакала, когда ей мыли волосы, и ей было неудобно одновременно плакать и сосать. Джин-Хо залезла следом, цепляясь для равновесия за мамино плечо.

— Мама, — сказала она ей на ухо.

— Что, лапонька?

— Ты как думаешь, какой она получит подарок?

— Ну, подождем — посмотрим, верно?

— Как ты думаешь, а вдруг это кукла «американская девочка» со всеми ассессуарами?

— Аксессуарами, хочешь ты сказать. Хотя едва ли это слово понадобится тебе в ближайшие годы. И нет, я не думаю, чтобы фея принесла такой подарок. У Сосочной феи хороший вкус, и она не станет поощрять потребительство.

— Но у Зибы тоже хороший вкус, а она такую Сьюзен купила.

Мама выдохнула так, что челка на лбу приподнялась. И сказала:

— Мне кажется, Джин-Хо, самая симпатичная кукла у Сьюзен — та маленькая, курдская. Знаешь, которая стоит у нее на шкафчике, с длинной

красной вуалью.

— Но у курдской куклы нет акккссесуаров, — возразила Джин-Хо.

— За ушами помыть не забудь, — велела мама. Потом мама встала, подошла к выключателю, пощелкала. Она так весь день делала, только без всякой пользы.

Пока они вытирались, мама Джин-Хо рассказала им еще немного о вечеринке. Она сказала:

— Подарок будет в камине, Шу-Мэй, потому что Сосочная фея спускается по дымоходу, в точности как Санта-Клаус. Все вокруг соберутся, будут смотреть, как ты открываешь упаковку. Дедушка, дядя Эйб, дядя Мак, наверное, тоже, Язданы… И Люси тоже приедет! Твоя подруга Люси будет с нами!

— А у Люси останется соска? — спросила Шу-Мэй.

— Ох! — вздохнула мама. Потом она сказала: — Ну, может быть, останется. Но это потому что Люси намного тебя младше. На целый месяц! Она еще совсем маленькая! Но как только она увидит твой подарок, я уверена, она сразу же скажет: теперь и я откажусь от соски!

Шу-Мэй крепко сжала передние зубы. Пустышка скрипнула, словно несмазанная дверь.

Когда они спустились, все шары были уже на-

дуты и плавали под потолком гостиной, длинные их веревочки свисали вниз, к ним были привязаны розовые, голубые и желтые пустышки. Для Шу-Мэй это был словно сон наяву — она пустилась бегать по комнате, обеими руками тянулась к соскам, до некоторых сумела дотронуться, и они закачались, но остальные были слишком высоко, ей не хватало роста. Мама сказала:

— Красиво будет, когда они все поднимутся в небо, правда?

Шу-Мэй не ответила.

Пока мама выкладывала в кухне пирожные с глазурью, Джин-Хо с дедушкой поехали на его машине купить готовый обед в кулинарии. Джин-Хо как-то забыла про ураган и даже испугалась, когда все это увидела — обломанные ветки повсюду, на стволах деревьев рваные белые раны с зазубренными опилками, там и сям пробитая крыша залатана листом голубого пластика. Дважды приходилось сворачивать в объезд, потому что улица оказалась перекрыта. Почти ни один светофор не работал, перекрестки они проезжали медленно-медленно, дедушка поглядывал в обе стороны и насвистывал ту мелодию ни от какой песенки, что он всегда насвистывал, когда сосредоточивался. Мертвые светофоры были похожи

на безглазых кукол — смотрели так же пусто и страшно. Жарко было почти как летом, мужчины, пилившие деревья, потели даже в рубашках.

— У твоей мамы всегда такие творческие мысли, ты согласна? — заговорил дедушка. — Понимаю, иногда кажется, что она чересчур далеко зашла, но по крайней мере она… вкладывается. Ей не все равно. Ты же не станешь спорить — она по-настоящему заботится о вас. Все верно?

Джин-Хо ответила:

— Мммм.

Она смотрела на дерево, которое упало так аккуратно, со всеми листиками, словно его кто-то бережно уложил набок. Ей хотелось знать, можно ли воткнуть дерево обратно в его яму, как Брайану из их класса воткнули зуб обратно в десну, когда он выбил его, спрыгнув с лазалки. Его мама положила зуб в молоко и поехала с ним к дантисту. Откуда мамы такое знают?

Когда они с дедушкой вернулись домой, в гостиной все уже было готово: на столе скатерть в цветочек, блюда с пирожными и печеньем, миски с мятными карамельками, бледными, как пустышки. Пообедали на кухне. Мама Джин-Хо почти не ела, потому что волновалась из-за прогноза погоды. Ждали снова дождя. Она все

поглядывала на небо — оно было чистое, ярко-синее — и все спрашивала, как же возможно запускать шарики в проливной дождь. Папа Джин-Хо посоветовал ей не будить лихо, пока спит тихо. Он часто так говорил.

После обеда Шу-Мэй спала, а Джин-Хо и мама наряжались к вечеринке. Джин-Хо надела красную футболку и новые джинсы с вышивкой, а потом зашла к маме посмотреть, какое у мамы будет лицо. Она знала, что джинсы с вышивкой не слишком-то по-корейски. Но мама сказала всего лишь: «Ты прекрасно выглядишь, моя хорошая», — и ничем не выказала недовольства. Она и Шу-Мэй одела в джинсы, когда та проснулась, так что с этим все было, видимо, в порядке.

Шу-Мэй поспала очень мало. Может быть, возбудилась из-за вечеринки. Или расстроилась. И еще она отказалась от чашечки сока, которую обычно пила после дневного сна, скорчилась за кухонным столом, смотрела на всех сердито, искоса и сосала свою пустышку.

Первыми приехали Язданы, они привезли напитки. Сами и Зиба тащили вдвоем большой переносной холодильник, и все вышли на улицу, чтобы пропустить папу Джин-Хо, который подхватил груз у Зибы.

— Утром у нас на миг погас свет, — рассказывала Зиба. — И я подумала: о нет! Что, если и у нас отключится холодильник? Но это была только секунда.

Между ее расклешенными джинсами и черным вязаным топом виднелась полоска голой кожи. Зиба выглядела очень нарядной. Волосы торчали на затылке длинным хвостом — словно огромная виноградная гроздь, такие же иссиня-черные.

А вдруг люди, которые занимаются усыновлениями, напутали? Потом это выяснится, и они извинятся, и надо будет поменять девочек. Джин-Хо получит Зибу, а Сьюзен достанется Битси в мешковатом платье без рукавов, в сандалиях, из которых торчат узловатые пальцы.

Вот ужас был бы, если б мамы умели читать мысли детей.

Джин-Хо мечтала, вот бы Сьюзен принесла с собой куклу «американская девочка», но нет. Сьюзен вроде бы не любила особо кукол. Зря только ей дарят. Она вытащила из кармана йо-йо — должно быть, в это играют в частной школе — и ловко гоняла его вверх-вниз на ходу. Мама Джин-Хо тем временем рассказывала Зибе о судьбе замороженных продуктов.

— Это похоже на стадии горя, — говорила она. —

Первый день — отрицание. Наверное, электричество успеют дать до того, как что-то испортится. На второй день — скорбь. Погружаешься в пучины отчаяния и мысленно прощаешься со всем, что успела наготовить.

— А ко мне подруга приедет, — сообщила Джин-Хо.

— И что? — откликнулась Сьюзен.

— Ее зовут Афина. Мы с ней каждую перемену играем на горке.

Но тут мама Джин-Хо вмешалась:

— Она не такая старая подруга, как ты, Сьюзен! Ты и Джин-Хо — вы так давно друг друга знаете!

Умеет же она одновременно участвовать в двух разговорах.

— Может быть, даже ваши мамы знакомы! — продолжала она. — Кто знает, а вдруг ваши биологические мамы там, в Корее, — задушевные подруги.

Джин-Хо изо всех сил отводила глаза, чтобы не встретиться взглядом со Сьюзен.

И подумать только, приехала Афина — вышла из машины своих родителей, как раз когда все подходили к дому, — и оказалось, она из тех, у кого в присутствии взрослых куда-то все слова пропадают. Остановилась с разгону, увидев всех,

и сунула палец в рот.

Джин-Хо позвала:

— Эй, Афина!

А та стояла посреди двора, в белом платье с оборками, прижимала к себе завернутый подарок.

— Сходи за ней! — зашептала мама Джин-Хо, и Джин-Хо спустилась по ступенькам парадного крыльца, повторяя ободряющим тоном:

— Иди сюда! Иди сюда!

Наконец Афина стронулась с места, она передвигалась по сантиметру, пока не поравнялась с Джин-Хо. Тут она сунула ей в руки подарок. Какая-то книга, Джин-Хо сквозь обертку прощупала. Она сказала:

— Спасибо!

Но Афина ответила:

— Это твоей сестре.

Вроде как Джин-Хо сглупила. Она поспешила сказать:

— Я знаю! — И повела Афину в дом.

Мама Джин-Хо стала всех знакомить. Она покачивала Шу-Мэй на бедре и говорила:

— Афина, это самая первая подруга Джин-Хо, Сьюзен Яздан. А это родители Сьюзен, Сами и Зиба. И дедушка Джин-Хо, Дэйв…

Афина снова сунула палец в рот. У нее были крошечные цветные бусины в косичках по всей голове и еще по золотой бусине в каждом ухе. Джин-Хо уже так давно просила проткнуть ей уши, но мама заставляла ждать до шестнадцати лет. В гостиной было неудобно сидеть из-за шариков. Почему-то никто об этом не подумал. Из-за этих веревок, свисавших повсюду, казалось, будто с потолка льет дождь. Взрослым приходилось пригибать голову, чтобы видеть друг друга во время разговора, все они стали сутулые. И тут дядя Эйб вошел без стука и с порога спросил:

— Что это у вас за джунгли?

И мама Джин-Хо сказала:

— Ох, ладно, давайте перейдем в столовую. Афина, это двоюродные сестры Джин-Хо — Дейдра, Бриджит, Полли…

В столовой тоже вышло неловко, потому что, как только взрослые разобрали стулья, они сразу уселись за стол, словно ожидали угощения, а там только и было что блюда со сладким, которые следовало передавать друг другу.

— Наверное, нужны тарелки, — сказала мама Джин-Хо. — Или… Погодите! А куда мы дели напитки? — И она захихикала. Такое с ней иногда случалось. — Изобретать новую традицию не

так-то просто, — сказала она Зибе.

Зиба сказала:

— Я принесу напитки, сиди спокойно. — Потому что мама Джин-Хо так и держала Шу-Мэй у себя на коленях.

— Спасибо, Зиба, — поблагодарила мама Джин-Хо и, обернувшись к тете Джанин, пояснила: — Кое-кто у нас сегодня П-Л-А-К-С-И-В, но этого, я так понимаю, следовало ожидать.

Тетя Джанин сказала:

— Что это у тебя *во рту*, Шу-Мэй? Неужели пустышка?

— Оставили напоследок, — ответила мама Джин-Хо. — Когда все соберутся, мы привяжем ее к последнему шарику и она полетит — высоко-высоко…

Последние слова предназначались для Шу-Мэй, но та лишь хмурилась и крепче вгрызалась в соску.

— Отдай ей подарок! — велела Афина Джин-Хо.

Они пристроились на подоконнике рядом с Полли, которая накрасила губы почти черной помадой, и в каждом ухе у нее было по шесть сережек, все разномастные. Джин-Хо соскользнула на пол и пошла к Шу-Мэй отдать подарок Афины, а пока Шу-Мэй сдирала с подарка обертку, вошли

Коупленды. Мерси Коупленд сказала:

— Извините! У вас звонок, похоже, не работает.

Она держала на руках Люси, и взрослые, конечно, принялись вокруг нее суетиться. Люси была такая красивая, что Джин-Хо готова была ее укусить. Щечки круглые, мягкие, глаза голубые, словно цветочки, а волосы — миллион золотых кудряшек, люди ахали: «Ангелочек». Гораздо красивее Шу-Мэй с ее прямыми черными волосами и глазками-щелочками. И хотя у Люси была при себе соска, она просто болталась на ленточке, подвязанной к шее, — прозрачная пластиковая пустышка, а внутри цветные кружочки, занятная, таких Джин-Хо еще не видела. Так что рот у Люси не был заткнут, в отличие от Шу-Мэй. Красивый ротик, розовый, очень маленький, пухлые губы. В руках Люси держала квадратную, завернутую в полосатую бумагу коробку, и как только мама спустила ее на пол, Люси приковыляла к Шу-Мэй и положила подарок ей на колени.

«Ах!» — восхитились все, но Шу-Мэй больше заинтересовала соска в горошек. Она подалась вперед и хотела схватить, но Люси уже повернулась обратно к своей маме.

— Вот спасибо, Люси! — сказала мама Джин-Хо, а потом еще: — Спасибо, Зиба, — потому что Зиба

выставила на стол перед ней подарки Язданов.

Язданы всегда, совсем всегда, приносили подарки. По любому поводу. Это в них было самое лучшее, одно из самых лучших.

— Тут все друг друга знают? — спросила мама Джин-Хо. А поскольку никто не ответил, она сказала: — Чудесно. Тогда, я думаю, мы первым делом отпустим шарики, все согласны? Покончим с этим.

— Вроде как пластырь содрать, — сказал дедушка Джин-Хо.

— Точно. Итак, Брэд, ты принесешь последний шарик, а ты, Шу-Мэй, отдашь мне соску…

Ждать, пока Шу-Мэй отдаст соску, она не стала. Просто взяла и выдернула ее у Шу-Мэй изо рта. Рот Шу-Мэй так и остался приоткрыт, словно удивленное, влажное О, она оглядывалась по сторонам, как будто недоумевая, что с ней такое стряслось.

— И вот так, — приговаривала мама, привязывая соску к шарику. — Последняя, самая распоследняя, — почти пела она. — Все готовы? Каждый забирает шарики из гостиной, по два или по три, и мы выходим во двор и отпускаем их лететь.

Она поднялась, снова пристроила Шу-Мэй на

бедре и повела всех в гостиную. Рот у Шу-Мэй оставался все в той же форме кружка, и Джин-Хо все ждала, когда та взвоет, но Шу-Мэй, похоже, была слишком изумлена.

— Мы шарики должны отпустить? — спросила Афина у Джин-Хо.

— Ага, — ответила Джин-Хо.

— Я хочу забрать свой домой.

— Нельзя, — вмешалась Сьюзен, она шла с другой стороны. — Все шарики надо отпустить.

— В гостях всегда разрешают забрать шарик домой.

— Но не когда к нему привязана соска, глупая ты, — сказала Сьюзен.

Афина заморгала.

Они вошли в гостиную и набрали каждая по три шарика.

Сьюзен сказала:

— Я розовые возьму!

Джин-Хо сначала не поняла, ведь шарики были красные, белые и синие, некоторые со звездами, или полосами, или и тем и другим — наверное, с Четвертого июля остались. Потом она увидела, что Сьюзен имела в виду цвет пустышки. Сама Джин-Хо взяла две голубые соски и одну желтую. Желтая была в форме лежащей восьмерки, и

Джин-Хо стало вдруг немножко грустно: очень уж хорошо представлялось, как Шу-Мэй сосет эту свою любимую пустышку.

Они все вышли из гостиной, прошли через кухню и черный ход, спустились с крыльца. Мерси Коупленд сказала:

— Ох, вот беда! — глядя на тот вяз, который перегородил вход в гараж.

— Да, сердце кровью обливается, — сказала мама Джин-Хо. — Не говоря уж о том, что мы не можем добраться до моей машины и мебели из патио.

Она держала всего один шарик, последний, с белыми звездами. У Шу-Мэй шариков вообще не было. Разве не говорила она, что хочет взять целых шесть? Она сидела верхом на бедре у мамы, выставив вперед нижнюю губу.

— Итак, все готово! — провозгласила мама Джин-Хо. — На старт, внимание, марш!

Все шарики взмыли в небо. Скорость у них была разная, некоторые так и не сумели далеко улететь. Один из шариков Джин-Хо зацепился за сломанный вяз, а шарик Сьюзен опустился на забор Сансомов. Но почти все остальные справились, и через минуту сосок уже не было видно, одни только шарики, к которым они были привя-

заны, воткнулись красными, белыми и синими кнопками в ясное небо. Мама Джин-Хо была права: это красиво.

И тут послышался голос миссис Сансом:

— Битси! — Она стояла по ту сторону изгороди и держала тот шарик, что упустила Сьюзен. — Битси, у нас весь двор в детских пустышках, — сказала она.

Мама Джин-Хо сказала:

— О господи.

— Пустышки в розовых кустах. И в водосточной канаве, и на кизиле.

— Мне очень жаль, Дотти.

— Тот телевизионный кабель, что свисает с электрического столба в проулке, просто унизан пустышками.

— Мы все уберем, честное слово! — пообещала мама Джин-Хо. — Господи, я и не думала, что они упадут.

— Шу-Мэй! Посмотри-ка! — окликнул их папа Джин-Хо.

Мама Джин-Хо обернулась к нему так поспешно, словно он ее выручил.

Он стоял на заднем крыльце, а Джин-Хо до той минуты думала, что он вышел во двор вместе со всеми.

— Ну-ка, что тебе принесла Сосочная фея? — сказал он Шу-Мэй.

«Ооо! — воскликнули все гости. — Шу-Мэй! Пошли скорее смотреть!»

Шу-Мэй переводила взгляд с одного лица на другое, а губы ее по-прежнему были сложены кружком. Мама понесла ее вверх по ступенькам, в дом, посмотреть, что же ей досталось.

Нет, не «американская девочка». Но тоже вполне хороший подарок — маленькая колясочка, чтобы катать вместо магазинной тележки. Коляска стояла у камина, к ручке была привязана красная ленточка.

— Наверное, твоим кенгуру понравится? — спросила мама.

Шу-Мэй не ответила, но когда мама спустила ее на пол, она пошла к тележке, вынула своих кенгуру-маму и кенгуру-детку и сложила их в коляску. И принялась катать их по гостиной. Без соски во рту она казалась как будто неодетой. Из-за маленького роста Шу-Мэй приходилось поднимать руки, чтобы дотянуться до ручки коляски. Все снова сказали: «Ооо!»

Люси приковыляла к ней и тоже ухватилась за ручку, и они стали вместе катать коляску, а папа Джин-Хо и папа Люси нащелкали примерно

миллион фотографий.

В гостиной Зиба тем временем раздавала из мини-холодильника газировку. Джин-Хо газировку пить не разрешалось. Она взяла баночку и вернулась к подоконнику, где снова устроились Афина и Полли.

— Какие дырки больше болят — наверху ушей или внизу? — интересовалась Афина. — Я тоже хочу сделать новые дырки, но моя мама говорит, много дырок — это не клево.

— Не клево? — взвилась Полли. — Просто потому, что она взрослая.

И они улыбнулись друг другу, словно лучшие, старинные подруги. На Джин-Хо они внимания не обратили.

Дейдра болтала по телефону в углу, стоя лицом к стене и понизив голос. Она обзавелась бойфрендом, Джин-Хо знала, хотя ей всего тринадцать, и, по мнению мамы Джин-Хо, это очень, очень преждевременно. А Бриджит рассказывала Мерси Коупленд, в какую школу она ходит, в какой класс и так далее, бедняжка Бриджит, а Мерси пресерьезно кивала, прихлебывая свою газировку.

Доставшаяся Джин-Хо газировка отдавала жестянкой, но, может, так и должно быть.

Теперь папа Люси фотографировал дядю Эйба с тетей Джанин. Они соединили руки, словно парочка в кино, и выставили напоказ все зубы, и дядя Эйб приговаривал: «Чеддер! Рокфор! Монтерей Джек!» — это он шутил так. Но папа Люси больше не снимал, он разговаривал в гостиной с Сами.

— По меньшей мере три мегапикселя! — говорил он.

Джин-Хо пробралась мимо них, держа руку с банкой газировки пониже — на случай, если столкнется с мамой. Но где же мама? А, вот она: стоит на крыльце с дедушкой. Джин-Хо видела их сквозь внутреннюю дверную решетку, а они стояли к ней спиной и даже не заметили, как она подошла и прижалась к решетке носом. Дедушка говорил маме, что у него полно дел. На лужайке все еще лежат ветки толщиной в его руку.

— И зачем я обзавелся электропилой вместо бензиновой, сам не знаю, — рассуждал он. — Казалось бы, очевидная мысль: если мне когда-нибудь понадобится пилить деревья, то из-за бури, которая вполне может повредить провода. А теперь я вынужден пользоваться ручной пилой, и у меня еще восемь или даже десять осталось…

— Понимаю, папа, — сказала мама Джин-Хо, —

и я не пытаюсь тебя удерживать, честное слово. Но если ты спешишь уйти по другой причине — из-за Сами и Зибы, — то это, право, глупо. Они рады тебя видеть! Нисколько не чуждаются!

— Нет, это я понимаю, — отвечал дедушка. — Господи! Никакого отношения к ним это не имеет. Все дело в моем дворе, понимаешь… — Голос его замер, а потом дедушка вдруг заговорил совсем не о том. Он сказал: — Я все перебираю и перебираю, как это было, пытаюсь разобраться. Говорю себе: она казалась такой счастливой, ничем не дала мне понять, что не так. Зачем она позволила мне увериться, будто любит меня? Я вспоминаю, как она подавала мне какое-нибудь угощение и садилась напротив и смотрела, нравится ли мне это блюдо. Никто больше не станет делать этого для меня. Никто не будет так обо мне заботиться. В моем-то возрасте.

Джин-Хо ждала, что мама опять заспорит. Они же все заботятся о нем, скажет она. Что это взбрело ему в голову. Но мама ничего такого не сказала. Она сказала:

— Ох, папа. Она не казалась счастливой — она была счастлива. Оба вы. И она любила тебя, готова в этом поклясться. Она любила тебя глубоко, искренне — это все видели, и я тоже очень, очень

горюю, что вы теперь не вместе.

За спиной Джин-Хо ее папа шепнул:

— Тсс!

Она обернулась к нему.

— Помоги мне, — попросил он тихо. — Приоткрой дверь. Хочу сфотографировать их вместе.

Она толкнула решетчатую дверь — как можно тише. Иногда петля громко скрипела, но на этот раз, к счастью, обошлось. Папа просунул в щель свою камеру и нажал кнопку.

— Спасибо! — шепнул он. — Получилось. Уверен, будет хороший снимок. Правда, мама выглядит прекрасно?

Это была правда. Она повернулась лицом к дедушке Джин-Хо, и солнце удачно подсвечивало ее гладкую кожу и ласковый изгиб полных губ.

Джин-Хо затворила решетку и пошла следом за папой в гостиную. Он снова нацелил камеру на Шу-Мэй и Люси. Те по-прежнему играли перед камином, но коляска уже стояла в стороне, обе девочки следили за Сьюзен, которая руководила игрой. Стояла, руки в боки, требовательная, словно школьная учительница, и приказывала:

— Окей, повторяйте за мной: га-га-га, мы всегда плачем перед сном.

Они покорно вторили:

— Га-га-га…

— Нет! Неправильно! Повторяйте: га-га-га, мы всегда плачем за обедом.

— Га-га…

— Да что с вами, ребята? Так, теперь *Люси говорит:* га-га-га, мы всегда плачем в бассейне.

— Га-га-га…

Люси для своего возраста говорила очень внятно, зато у Шу-Мэй слов не разберешь: рот заткнут соской в горошек.

10

Мариам надо было забрать Сьюзен из школы балета и современных танцев «Маленькие пуанты». К сожалению, она приехала сильно заранее, потому что никогда там не бывала и думала, что дорога займет больше времени. Она подменяла Зибу, которой понадобилось к зубному. Был солнечный июньский день, Мариам чувствовала, как от асфальтовой дорожки поднимается жар. Школа располагалась в обычном, обшитом коричневой вагонкой здании чуть в глубине от дороги. Еще одна женщина ждала дочку, но ей приходилось гоняться за младшеньким, так что они с Мариам успели только обменяться улыбками, и это Мариам вполне устраивало.

Мужской голос позвал ее:

— Мариам!

Она обернулась и увидела перед собой Дэйва Дикинсона.

— Привет, — сказал он.

— О! — сказала она. — Привет.

Не впервые они вот так случайно встретились. Вскоре после разрыва она оказалась у Сами и

Зибы, когда он завез к ним Джин-Хо, а несколько недель спустя они стояли почти рядом в очереди на почте. Но с тех пор прошло больше года, и оба раза он был так замкнут — он практически ни слова ей не сказал, — что теперь Мариам не знала, как себя вести. На всякий случай она задрала подбородок и приготовилась.

У него была грубоватая, загорелая, дубленая кожа, которая так привлекательна у немолодых мужчин и непривлекательна у женщин. Ему пора подстричься — если бы она подняла руку и дотронулась до его кудряшек, могла бы целиком намотать себе их на пальцы.

— Сьюзен тут занимается? — спросил он.

— Да. Начальная группа балета.

— И Джин-Хо тоже.

Разумеется: откуда бы еще Зибе взять эту моду. Мариам следовало бы догадаться.

Она сказала:

— Наверное, это летняя паника. Надо же пристроить ребенка на каникулы.

— Да уж, тут не в таланте дело, — подхватил Дэйв. — Во всяком случае, что касается Джин-Хо. А как обстоит дело со Сьюзен? Она хоть сколько-нибудь обладает грацией?

Мариам пожала плечами. На ее взгляд, Сьюзен

была очень грациозна, однако не говорить же это деду неуклюжки Джин-Хо.

— Мне кажется, они просто хотят предложить ей все варианты, — сказала она. — В прошлом году был лагерь искусств.

— О да, Джин-Хо там тоже побывала.

Они одновременно улыбнулись.

И вдруг Дэйв сказал:

— Битси больна.

Внезапность его реплики подсказала ей, что речь идет не о какой-то заурядной хвори. Она ждала продолжения, глядя прямо в глаза Дэйву. Он сказал:

— Они сейчас там, она и Брэд, на консультации у онколога. На прошлой неделе ей удалили опухоль из груди и теперь обсуждают варианты лечения.

— Ох, Дэйв, сочувствую, — сказала Мариам. — Понимаю, это словно все то страшное опять.

— Ну да, естественно, я беспокоюсь.

— Но каждый год находят новые лекарства, — сказала она. — И, я так понимаю, обнаружили вовремя?

— Да, врачи настроены оптимистично. Просто для нас это был такой шок.

— Конечно, — сказала Мариам. Заслонила глаза

ладонью: солнце переместилось и встало у Дэйва над головой. — Надеюсь, она мне сообщит, если я чем-то смогу помочь, — продолжала она. — Буду рада забрать детей, привезти еду…

— Я передам ей. Спасибо, — ответил он. — Знаю, она собирается поговорить с Зибой, как только выяснится план в целом.

Подошла еще одна женщина, толкавшая перед собой коляску. При посторонних Дэйв поспешил сменить тему.

— Ладно! — сказал он. — Вы будете в этом году на празднике Прибытия? О, конечно, будете — на этот раз ваша очередь.

— Ну, не совсем моя, Сами и Зибы. А я, наверное, в это время буду в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке?

— Кари, Даниэла и я собирались посмотреть несколько спектаклей.

— Но это же можно и потом! — сказал он.

— Один спектакль скоро сойдет со сцены. И к тому же, сами знаете, этот праздник больше для молодежи. Я уже старовата.

— «Старовата!» — повторил он так резко, что женщина с коляской обернулась и уставилась на Мариам.

— И еще, вероятно, приедет моя кузина Фара.

— То есть в день праздника вы будете в отъезде и у вас будет гостья?

— Не в один и тот же день, конечно…

Тут она иссякла. Замолчала.

Дэйв сказал:

— Послушайте, Мариам. Нелепо думать, будто мы не можем присутствовать на одном и том же мероприятии.

И это говорит тот самый человек, кто наотрез заявил ей: «Нет, мы не будем больше видеться».

Но теперь она сказала:

— Да, разумеется, вы правы.

— Вы и в прошлом году не пришли. Пропустили отличный праздник.

— Да, Зиба мне говорила, было весело.

— Джин-Хо нечаянно уронила видеокассету в чашу с пуншем, но мы успели ее выудить, прежде чем пленка испортилась. А «Они едут из-за гор» исполняли так надсадно, что, когда кузины завопили: «Эй, крошка!» — мне показалось, будто они свешиваются из окон борделя. А в остальном…

Мариам засмеялась (ей всегда нравилось, как он описывает и подбирает слова).

— Так что подумайте, — заключил он.

И она ответила:

— Хорошо.

Тут из школы начали выходить дети, и в первой паре их внучки — Джин-Хо с квадратной прической и Сьюзен с длинными косичками, — и на том они расстались.

В следующие дни Мариам преследовала неотступная печаль. Она понимала: это из-за Битси. Она верила — она всей душой надеялась, — что рак обнаружили вовремя, успели, но все-таки ужасна была даже мысль о том, что приходится переживать сейчас Дональдсонам. И в то же время она вновь печалилась о Дэйве. Увидела его и вспомнила, как он стоял в последний день на крыльце и смотрел ей вслед, поношенные, заплатанные штаны для работы в саду обвисли старчески на коленях. Она очень тосковала по нему. Она запрещала себе даже догадываться, как сильно он тоскует.

Мариам написала Битси, выразила сочувствие, предложила помочь всем, что может понадобиться. «Мои мысли и наилучшие пожелания с вами, — написала она, в сотый раз сожалея о том, что ей недостает веры предложить свои молитвы. — Надеюсь, вы скажете, чем я могу пригодиться». И задумалась, как подписать. «Искренне ваша»? «Всегда ваша»? И в итоге написала: «С любовью», потому что какие бы

недостатки ни имелись у Битси, она все делала из честных побуждений. Добрая, великодушная женщина. Мариам сокрушалась о ней, как о близкой подруге.

Ее жизнь после разрыва с Дэйвом сделалась очень мирной. Она и до того шла тихо и гладко, но недолгий прорыв в более активную, более насыщенную жизнь помог Мариам оценить благословенную упорядоченность повседневной рутины. Она вставала до зари, когда небо еще было жемчужно-белым, птицы только просыпались. Один кардинал в ее квартале обзавелся привычкой пропускать вторую ноту своей песенки и быстрым, резким стаккато повторять первую, «Вит-вит-вит!» — словно куда-то спешащий француз. Порой реактивный самолет проплывал на уровне верхней перекладины окна — идеально ровно и бесшумно, — а за соседским кленом еще висела бледная прозрачная луна.

Мариам собиралась с мыслями, рассеянно поглаживая кота, свернувшегося у нее под мышкой, пока молодой врач, живший через несколько домов, не завел свой шумный автомобиль, отправляясь с утренними визитами к пациентам. Это послужило ей сигналом: пора вставать. Ох, что-то она стала поскрипывать. Похоже, каждый

сустав по утрам приходится заново приучать сгибаться и разгибаться.

К тому времени как Мариам вышла из душа, солнце поднялось и большинство соседей зашевелилось. Из ближайшего дома, возбужденно лая, выскочил щенок. Заплакал младенец. Прошуршали один за другим несколько автомобилей. Время здесь можно было определять, считая проехавшие машины и оценивая, как быстро они едут.

Она тщательно оделась, не забыла и подвести глаза: не та она женщина, чтобы долго расхаживать в халате. Застелила постель, прихватила стакан воды и книгу, над которой вчера уснула, и только после этого пошла вниз вместе с котом, который петлял вокруг ее ног. Чай. Тост из питы. Кусочек феты. Пока заваривался чай, она раскладывала приборы на салфетке из плетеной соломки. Подлила Мушу воды в миску, проверила, достаточно ли корма. Вышла на крыльцо за газетой, на ходу просмотрела заголовки и села завтракать (она предпочитала сосредоточиваться на одном деле зараз). Чай был свежий, горячий, бодрящий. Фета — болгарская, сочная, не слишком соленая. Она поставила стул в пятно солнечного света, лучи золотили кожу на руках,

теплым лаком растекались по волосам.

Какая маленькая, тихая жизнь! Один взрослый сын, одна невестка, одна внучка и три близкие подруги. Работа у нее отрадно предсказуемая. Дом уже несколько десятилетий не менялся. В январе ей исполнится шестьдесят пять — не старуха еще, но едва ли она могла рассчитывать, что ее мир не будет впредь только сужаться. И эта мысль не пугала, скорее успокаивала.

На прошлой неделе она прочла некролог семидесятивосьмилетней женщине, скончавшейся в Лютервиле: «Миссис Коттон любила садоводство и шитье. Родственники вспоминают, что она редко надевала дважды один и тот же наряд».

Несомненно, в детстве миссис Коттон мечтала о более насыщенной жизни, и все же этот вариант казался Мариам не таким уж скверным.

По средам — летом она работала всего раз в неделю — Мариам в начале десятого выезжала из дома, переждав поток транспорта. У входа в «Джулию Джессап» здоровалась с охранником, открывала почту, справлялась с небольшим объемом бумажной работы. Запах натертых мастикой полов вызывал странный прилив гордости, словно это она их отполировала, и, отрывая страницы календаря за истекшую неделю, Мариам чув-

ствовала себя особенно полезной. Легкий укол ностальгии из-за того, что в пустом садике тихо, не слышно детских голосов: «Доброутро, миссис Яз! Пока, миссис Яз!» У доски объявлений забытая с зимы варежка и та казалась живой.

А если не среда, то она выходила с газетой на залитое солнцем крыльцо — убрав прежде посуду после завтрака. Читала урывками, качая головой — плохие новости, и тут опять плохие, — переворачивала страницу. Потом складывала газету в мусорный мешок для макулатуры под раковиной и отправлялась полоть клумбы или пристраивалась за столом в бывшей комнате Сами разобраться со счетами или что-то делала по хозяйству. По утрам она очень редко выходила из дому. Выйти на люди — работа. Придется вступать в разговор. Страшно ошибок наделать.

Она заметила, что с возрастом ей труднее дается английский. Она могла попросить вдруг «помарки», а не «марки», путала «он» и «она» и замечала это, лишь встретившись с озадаченным взглядом собеседника. И в итоге страшно уставала. А какая уж особая, скажите на милость, разница? Зачем вообще в языке подчеркивается, кто какого пола? Зачем она старается это соблюдать?

На людях ей, честно говоря, более одиноко,

чем дома.

Перед обедом она обычно гуляла подолгу, всегда одним и тем же маршрутом, улыбаясь все тем же соседям, собакам и младенцам, подмечая там и сям новое деревце или свежую краску на стенах. Лето — пора маляров и нянек. Рабочие заполоняли квартал, прилежные, как муравьи. Мимо проезжал ее любимый слесарь, громыхали в грузовике инструменты.

Становилось жарко, но Мариам любила жару. Ей казалось, в жару она движется более плавно. Пленка пота на лице напомнила те душные тегеранские ночи, когда они всей семьей вытаскивали матрасы на крышу дома, откуда был виден город, и другие семьи тоже выбирались спать на крышу — словно каждый дом раскололся и выпустил наружу скрытую внутри жизнь. А на рассвете всех будил призыв на утренний намаз.

Не то чтобы она хотела вернуться туда (ей и в молодости эта лишенная приватности жизнь была не по душе), но она не прочь еще разок услышать тот далекий крик с минарета.

Мариам вернулась в дом, ополоснула холодной водой лицо и приготовила скромный обед. Позвонила кое-кому по телефону. Проверила почту.

Порой заезжали Зиба со Сьюзен. Или Зиба подкидывала ей Сьюзен, пока сама ездила по делам, такой вариант Мариам предпочитала. Гораздо легче занять ребенка, пока рядом нет других взрослых. Она разрешала Сьюзен открывать свою шкатулку с украшениями, перебирать золотые цепочки и бирюзу. Показывала ей альбомы с фотографиями: «Вот мой двоюродный дед по матери, Амир Ахмад. Малыш у него на коленях — его седьмой сын. В те времена мужчины маленьких детей на руки не брали. Видимо, необычный был человек». Она всматривалась в лицо — строгое, с квадратной бородой, увенчанное тяжелым черным тюрбаном, ничего не разгадаешь. Об этом родиче у нее остались лишь смутные воспоминания. «А это мой отец, Садредин. Он умер, когда мне было четыре года. Будь он жив, был бы у тебя прадед».

Но так ли это? Слова показались ей ложью, едва соскользнули с ее губ. Как бы ни была близка ей Сьюзен — любимая внучка, — ей трудно было даже мысленно связать, пусть и отдаленно, родственников там, дома, и этого дальневосточного подкидыша с прямыми черными волосами, экзотическим разрезом черных глаз, с кожей бледной, матовой и гладкой, будто кость.

Иногда вместе со Сьюзен к ней привозили Джин-Хо, дважды побывала и Шу-Мэй. Зиба часто брала их в июле на себя, потому что от химиотерапии Битси весь день клонило в сон. Но в целом она молодцом, докладывала Зиба. Она спрашивала:

— Вы точно не возражаете, Мари-джан? Я совсем ненадолго отлучусь.

Мариам отвечала:

— Конечно, я нисколько не против. — И это была правда. Во-первых, она охотно помогала Битси. А во-вторых, вдвоем или втроем дети могли и сами себя занять, и тогда все, что от Мариам требовалось, — угостить их в какой-то момент домашним печеньем или кексами и «чаем», то есть яблочным соком, разлитым в крошечные эмалированные чашки.

Джин-Хо на полторы головы переросла Сьюзен и требовала теперь, чтобы ее называли Джо, хотя все вокруг вечно об этом забывали. Шу-Мэй по-прежнему была маленькой, хрупкой, но решительной и себе на уме. К ней перешла одежда и от Джин-Хо, и от Сьюзен, и странно было видеть, как вновь обретают жизнь выцветшие костюмчики Сьюзен, а из-под них торчат старые сандалии Джин-Хо — и пустышка подвязана к длинной

резинке.

Во второй половине дня Мариам порой отваживалась выйти за какими-то нужными продуктами. Затем она готовила ужин — полноценный, всерьез, даже если оставалась к тому времени одна. Конечно, к ней заглядывали частенько подруги. Или она кого-то из них навещала. Все четверо отлично готовили, каждая свое: турецкая кухня, греческая, французская, а у Мариам иранская. Неудивительно, что они практически перестали наведываться в рестораны.

Собираясь в гости к подруге, Мариам вовсе не чувствовала того волнения, какое настигало ее прежде при подготовке к выходу в свет. В ту пору она могла несколько нарядов переменить, прежде чем остановиться на одном, и мысленно разучивала темы для разговоров. Не только в возрасте причина такой перемены (хотя, конечно, и возраст способствовал), но в том, что она выполола из своего окружения всех тех, с кем ей бывало не по себе. Больше не принимала приглашения на бессмысленные, пустопорожние вечеринки, где она и Киян проводили столько времени. Ее подруги порой переспрашивали, уверена ли она, что с этим покончено. По крайней мере, Даниэла сомневалась. Она-то все время искала новых

знакомств, новых впечатлений. Но Мариам упорствовала: «С какой стати я стану хлопотать? Хоть одним старость хороша: я знаю, что я люблю и чего не люблю».

При слове «старость» Даниэла сердито морщила носик. Но две другие подруги кивали — они понимали, о чем говорит Мариам.

Они часто рассуждали о своем возрасте. Говорили о том, куда идет этот мир, говорили о книгах и фильмах, о пьесах и о мужчинах (преимущественно Даниэла). На удивление мало вспоминали детей и внуков, разве что у тех случалась какая-то беда. Но почти всегда заводили речь об американцах — забавляясь и восхищаясь. Им никогда не приедался разговор об американцах.

Дома ли Мариам проводила вечер или в гостях, в десять вечера она ложилась в постель. Читала, пока веки не отяжелеют, порой два или три часа подряд, и тогда выключала свет, соскальзывала ниже под одеяло, обнимала одной рукой Муша. За окном по соседству пел одинокий пересмешник, и она засыпала, радуясь тому, какие высокие выросли в округе деревья, как плавно льется с кроны птичья песня, и в летние дожди тоже прекрасно, деревья что-то упорно бормочут, вздыхают — «аххх! аххх!».

Как-то раз утром она взяла трубку и женский голос спросил:

— Мариам?

Только по характерному произношению Мариам узнала Битси (Битси всегда растягивала обе «а» в ее имени, до смешного, видимо, представить себе не могла, что в иностранном языке «а» бывает и безударной). Голос ее был слабым и сиплым, словно Битси боролась с кашлем. Она действительно тут же закашлялась.

— Битси? — спросила Мариам. — Как вы?

— Я в полном порядке, — заверила ее Битси. — Лечение было нешуточное, но я прошла курс, и врачи остались очень довольны. — Снова кашлянула и добавила: — Извините, побочный эффект. Ничего особенного, врачей это не смущает. Но вот что: спасибо за то ваше письмо. Я давно должна была ответить.

— О нет, ничего вы не должны. Разве что найдется для меня поручение.

— Хотя бы поблагодарить вас за внимание, хотела я сказать. Я так была рада получить весточку! Я очень скучала, всем нам вас недостает. Мы надеемся увидеть вас на празднике у Сами и Зибы.

— О… праздник Прибытия… — пробормотала

Мариам.

— Папа сказал, что вы, возможно, придете.

— Ну да, я говорила, что подумаю, — сказала Мариам. — Но лето выпало такое сложное… не уверена, смогу ли…

— Чтобы все было как прежде! — выпалила Битси с таким напором, что снова закашлялась. — В прошлом году было не так. Даже Шу-Мэй заметила. Спросила: «А где Мари-джан?» Я не могу допустить, чтобы вы исчезли из нашей жизни.

— Ох, Битси, спасибо! — сказала Мариам.

Все вертевшиеся на языке отговорки — поездка в Нью-Йорк, Фара в гостях — показались ей вдруг слишком очевидными, и она сказала правду:

— Я все-таки боюсь, не выйдет ли неловкости.

— Неловкости? Какая чушь! Мы же все взрослые люди.

Этот аргумент почему-то не порадовал Мариам. Она сама не понимала, чем разочарована. Каких слов она ожидала от Битси? Но обида сдавила грудь. И она призналась:

— С точки зрения вашего отца, я не очень-то правильно себя вела.

— И какое отношение это имеет к нашему празднику? Речь всего лишь о небольшом семейном празднике, — возмутилась Битси. — Черт,

нам остается только вас уконтрапупить.

Уконтрапупить. Такого глагола Мариам не знала. Может быть, это значит что-то вроде «линчевать»? Она ответила:

— Наверное, так вам и следовало сделать.

Вероятно, голос ее прозвучал более сердито, чем ей самой хотелось, потому что Битси спохватилась:

— О, Мариам, простите. Я лезу куда не просят, сама понимаю.

Это да, это ей свойственно. И все же Мариам возразила:

— Нет-нет, Битси, вы были очень добры. Так мило, что вы позвонили. — И, пытаясь сравняться с ней напором: — Но вы так и не сказали, чем я могу помочь. Дайте мне задание, прошу вас.

— Нет, спасибо, ничего не нужно, — ответила Битси. — Я с каждым днем все крепче. Увидите меня на празднике Прибытия — удивитесь.

Типичная Битси. Последнее слово всегда остается за ней, подумала Мариам, кладя трубку.

— Как ты объяснишь родным? — твердил он. — Они так за нас радовались! Как ты объяснишь, почему вдруг решила от всего отказаться?

Она сказала:

— Я уже им объяснила. Только что была у них.

Он глянул на нее так, что она пожалела о своих словах.

— Сказала им прежде, чем мне? — спросил он. — Мариам, как ты могла!

— Сама не знаю, — тускло выговорила она. У нее уже сил не было обороняться. — Сказала, и все тут. Дело сделано.

Но теперь она сама задала себе тот же вопрос. Почему она первым сказала Сами и Зибе? Разве не странная последовательность действий? Неужели в глубине души она ждала, что они ее отговорят?

Ах, если бы она не проговорилась о том, что им уже все сказала, — может быть, он бы согласился и дальше просто видеться с ней?

Она влюбилась в него, сама не заметив, это произошло, можно сказать, у нее за спиной. Застигло ее врасплох. Сначала он был просто еще одним бедолагой, мужчиной, нуждавшимся в помощи, приятным человеком, но что ей до того? Даже когда они уже проводили немало времени вместе, она не чувствовала такой, о, такой связи с ним, как с Кияном.

— Право, Дэйв, — сказала она ему однажды, — у нас нет ничего общего. Ни общего прошлого, ничего. Я даже вообразить не могу, каким было

твое детство.

— Детство? — переспросил он. — А это к чему? Какая разница, какое у меня было детство? Существенно то, какими мы стали в итоге — теперь, когда от нас остались только сущность да опивки.

Да, он бывал убедителен, надо отдать ему должное. Когда он так высказывался, Мариам видела его правоту. Но лишь до тех пор, пока он не замолкал. В то лето она уехала в Вермонт с таким чувством, словно от чего-то бежала. Как-то так вышло, что, вопреки своей интуиции, она стала слишком часто видеться с Дэйвом, а тут появился шанс восстановить дистанцию. Она обрушила на Фару такой поток фарси, что та расхохоталась:

— Мариам! Притормози! Я не все разбираю. Мариам, у тебя что, появился акцент?

У нее появился акцент? Когда она говорит на родном языке? Но оставался ли этот язык для нее родным? И был ли у нее когда-либо родной язык?

Она притормозила. Погрузилась в ход времени, заведенный у Фары, — обволакивающий, как патока. Качалась в кресле на заднем дворе под соснами, поглядывала исподтишка на Уильяма и гадала, как Фаре удалось приладиться

к столь чужеродному человеку. Тем летом он совершенствовал средство для удаления пятен от животных, собирался нажить миллионы.

— Сначала это была сверхсухая паста для замазки опечаток, — признался он Мариам. — Я изобрел ее несколько лет назад и собирался назвать D'elite, Д-апостроф-элит, сечешь? Но такое уж мое везение, печатным машинкам настал конец, вот я и придумал этому веществу новое применение. А самое лучшее: название-то менять не придется. D'elite! Как на твой слух? К тому же, если кто не разберет, запомнят просто — «Элита», тоже неплохо.

А Фара, тоже откинувшись к спинке кресла, бормотала ей на фарси, словно Уильям ни слова не произнес:

— Почему это здешние пожилые дамы стригут волосы, словно монахи? Почему женщины из высших классов так мало пользуются косметикой?

Как двое малышей, они состязались за ее внимание, и Мариам, к собственному удивлению, стала поощрять Уильяма — его энтузиазм, его наивность и симпатичный оптимизм. Томная разочарованность Фары порой удручала. Мариам улыбалась Уильяму — и вдруг вспоминала Дэйва.

На самом деле ничего общего, Дэйв не был столь эксцентричен, экстремален, и все же…

«Не понимаю, почему рядом с по-настоящему хорошими людьми мне всегда становится грустно», — сказал ей однажды Киян, и теперь она понимала, о чем он говорил.

Она писала Дэйву из Вермонта, призналась, что скучает по нему. Конечно, выразилась не столь прямо (*Я тут очень хорошо провожу время, но все время думаю о вас, что-то вы сейчас делаете*). Но она же понимала, каковы будут последствия. Когда просовывала письмо в щель почтового ящика, вцепилась в него и долго удерживала в нерешительности, прежде чем позволила посланию провалиться. И тут же подумала: «Что я наделала?» — и готова была выковырять письмо обратно.

Но Дэйв, встречавший ее в аэропорту, повел себя с виду как ни в чем не бывало. Он явно был ей рад, но не упоминал про письмо, и вроде бы ничего не изменилось.

— Хорошо провели время? — спросил он. — Все новости семейные сверили?

Она была задета. Какая самонадеянность — ожидать, что ее письмо так много будет для него значить. Она холодно поговорила с Дэйвом и

быстро спровадила его домой. Всю ночь ворочалась и металась в постели, оплакивая последнюю, обманувшую надежду на любовь. О мучительный маятник романа! Продвижение, и отступление, и тайные раны, и стратегические маневры! Вот уж где сталкиваются две культуры — в борьбе полов!

На следующий день он явился к ней, только она села обедать.

— Я получил твое письмо, — сообщил он.

— Мое письмо?

— Десять минут назад доставили. Ты его опередила.

— О!

— Мариам, ты действительно все время думала обо мне? Ты по мне скучала? — И прежде, чем она успела ответить, он сгреб ее и принялся целовать. — Ты скучала! — твердил он. — Ты любишь меня!

И она смеялась, и отвечала на поцелуи, и тщетно пыталась вдохнуть — все разом.

Совсем не похоже на тот ее брак. В новые отношения она вступала, зная, что люди смертны, что всему приходит конец, и хотя они с Дэйвом вместе все дни и ночи, может наступить момент, когда она скажет: «Завтра — два года с тех пор,

как мы виделись в последний раз». Или он скажет так о ней. Они рисковали гораздо больше, чем в состоянии понять и принять юная пара, и оба они это знали.

Вот почему снижалась вероятность ссор и обид. Они редко тратили время на пустые пререкания. Она смирилась с его суматошностью и манерой читать газеты вслух. (*Только послушай: «У меня дом за три миллиона долларов, — похвастался в интервью боксер, — и простыни из десяти тысяч ниток». Десять тысяч ниток? Такое может быть?*) А он, в свой черед, запомнил, что если Мариам чувствует себя усталой или заболевает, поможет пиала простого белого риса. Однажды, когда Муш пропал на два дня, он напечатал несколько десятков объявлений: ПРОПАЛ — ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ — ГОРЮЕТ РЕБЕНОК.

— Горюет ребенок? — спросила она. — Ты о чем? Какой ребенок?

— Ты и есть ребенок, Мариам, — ответил он. Обхватил обеими руками ее голову и поцеловал в макушку.

И ведь он был прав.

Когда-то она фантазировала о путешествиях на машине времени в давние, очень давние эпохи. В доисторические времена — увидеть, как воз-

ник язык. Или во времена Иисуса — понять, *что* это было. Но теперь она бы предпочла не столь отдаленные времена. Она бы села в самолет авиакомпании BOAC, чтобы снова навестить мать, прошла бы по асфальтовой дорожке на высоких каблуках, в ту пору женщины летали в туфлях на шпильках, устроилась бы в одном из тех кресел, два напротив двух, улыбалась бы стюардессам, их выглядящей обтекаемой форме. Она бы пообедала с Кияном в старом ресторане «Джонни Унитас» на Йорк-роуд, заказала бы салат и зажаренный до хруста баклажан, и официантка пела бы себе под нос «Странники в ночи», подавая им блюдо за блюдом.

И тут же спохватывалась: всякий раз, когда они ели не дома, Киян бесконечно изучал меню, а когда им приносили заказанное, смотрел на свою тарелку, потом на ее, потом опять на свою и вздыхал: «Не повезло мне!» И она ощетинивалась.

Или взять тот раз, когда она плюхнула ему в тарелку целый кувшин йогурта. Она провозилась полдня, готовя его любимую еду, багхали поло, вышелушивая фасолины, отчего кончики пальцев отекли и сморщились, а когда она поставила перед Кияном тарелку, он сказал: «Йогурта, конечно же, нет».

Вполне извинительная ворчня, однако совсем уж неуместная в тот момент, потому-то кувшин йогурта и оказался там, где он оказался. А теперь она думала, что в прошлом она была недоброй и жадной. Следовало сказать ему: «Возьми у меня салат с креветками, раз тебе хочется». Следовало сказать: «Йогурт? Конечно, сейчас принесу». Но тогда ее это с ума сводило, все время ему что-то было нужно. Ей и в голову не приходило, что жизнь, в которой от нее уже никому ничего не будет нужно, — это жизнь скудная, жалкая, ничтожная.

Не это ли привлекло ее в Дэйве? Так было очевидно, что его счастье в ее руках. Только и требовалось — сказать «да». Много же лет прошло с тех пор, как она обладала подобной властью. «Соблазн быть нужной» — виделся ей пылающий заголовок на обложке дешевого романа-комикса. Да, вот где ее погибель, в этой потребности быть кому-то нужной.

Идиотка.

Ради того чтобы почувствовать себя нужной, она готова была связаться с мужчиной, столь мало ей подходившим, — с тем же успехом могла бы наугад вытащить его имя из шляпы. С *американцем,* наивным, всем довольным, беспамятным,

уверенным, что его способ существовать — единственно приемлемый, что он вправе переделать всю ее жизнь на свой лад. Она растаяла, стоило ему сказать: «Добро пожаловать, Мариам», хотя и тогда она прекрасно понимала, что инклюзия — миф. А почему так случилось? Потому что она поверила, будто что-то для него значит.

— Как ты могла так поступить, Мариам? — повторял он.

И:

— Как же ты объяснишь, зачем ты все выбросила?

Потом ей порой казалось, будто она вновь эмигрировала. Оставила прошлое позади, перебралась в чужую страну, без надежды вернуться.

На этот раз Фара приехала к Мариам, а не Мариам к ней, по той причине, что Уильям взялся лакировать полы в доме и говорил, будет проще с этим справиться без Фары. Но на самом деле ее визит вовсе не совпадал с праздником Прибытия, то была всего лишь отговорка. Фара приехала в пятницу под конец июля и привезла столько нарядов, словно собиралась гостить месяц, а не выходные. Привезла в подарок расписную жестяную баночку с шафраном (жительнице сельского Вермонта и в голову не пришло, что шафран

нынче можно купить в любом супермаркете).

— Заказала в интернете! — похвасталась она. — Я так наловчилась в интернете — видела бы ты меня с мышкой: щелк-щелк-щелк!

Фара привезла также набор картонных квадратиков, окрашенных в разные оттенки коричневого и желтого.

— Как думаешь, Мариам-джан? Какой лак выбрать? Я говорю — вот этот, а Уильям хочет вон тот.

Мариам не заметила особой разницы, но ответила:

— Твой симпатичный.

— Я так и знала, что ты меня поддержишь. Сегодня позвоню Уильяму и скажу ему! — Потом она пустилась хвастать: — Ох, Мариам, американские мужчины все на свете умеют. Пробить засор в унитазе, заменить выключатель… Ну да ты-то знаешь.

Она вдруг что-то засуетилась, но Мариам не понимала, в чем дело, пока Фара не задала вопрос:

— От него что-нибудь слышно?

— От… а, от Дэйва, — сообразила Мариам. — Нет.

— Ну что ж, наверное, у тебя на то были причины, — снисходительно заметила Фара. — Пом-

нишь, как дома у нас тетя Нава — уж как ее уговаривали выйти за того жениха, которого ей присмотрел отец, а она твердила «нет-нет-нет», и родители уже не знали, как с ней быть, но не могли же они силой ее выдать замуж, разумеется, и вот однажды ночью, когда она легла спать, отец постучал в дверь: «Ты не спишь, Нава-джан?» — сказал он…

Ох эти старые, старые семейные истории, повторяемые со всеми необходимыми понижениями и повышениями тона, с драматическими паузами! Мариам расслабилась и слушала все это, как музыку на заднем плане.

Но в целом визит Фары нисколько не помог ей успокоиться. С Фарой всегда так, уж очень она торопится наверстать все со всеми знакомыми. Пришлось устроить обед с Сами и Зибой, и Фара бесконечно суетилась вокруг Сьюзен и выкладывала многочисленные подарки. Это еще ничего, с собственной родней Мариам общаться было не трудно, однако потом они поехали в Вашингтон к родителям Зибы, которые обожали Фару (уж конечно, с ней им было уютнее, чем с Мариам) и непременно устраивали в ее честь прием. Великолепный прием, изобилие черной икры и водки, Фара восседала за столом, точно королева,

блистала умом, сверкала драгоценностями и смеялась, запрокидывая голову. С присущим ей великодушием она пыталась вовлечь в веселье и Мариам, говоря гостям:

— Вы же все знаете Мариам, верно? Моя любимая кузина! Мы росли вместе!

Мариам слегка подавалась вперед, натянуто улыбалась и подавала руку, но не чувствовала себя уместной и спешила запрятаться в тихий уголок, где Сами читал Сьюзен огромную книгу «Персеполис». (Сами тоже не вписывался в эту компанию, а вот Зиба превесело крутилась среди молодежи.)

— Если бы мы жили в Иране, — сказала Мариам сыну, — когда угодно с нами могло бы произойти то же самое.

— Даже сейчас? — оглянулся на нее Сами.

— Ну… — протянула Мариам. По правде говоря, в точности она не знала. И сказала вместо ответа: — Как я все это ненавидела в детстве! На любой семейной вечеринке я забивались туда же, где ты сейчас сидишь.

Неужели есть особый, отвечающий за это ген? За склонность держаться незаметно, за нелюбовь к общему веселью? Никогда прежде ей не приходило в голову, что она могла передать эту свою

черту Сами.

В последний день гостевания Фары, в воскресенье, они отправились в огромный торговый центр и Фара влюбилась в магазин скидок, предназначенный для юных девиц. Она закупила множество просторных штанов из вискозы, которые на ней выглядели экзотично и изысканно, а вовсе не как дешевая ерунда для подростков. В завершение они пообедали там же в ресторанном дворике.

— А ты что купила? Ничего! — ласково бранила ее Фара. — Видишь ли, Мариам-джан, в этом мире два типа людей: одни отправляются в магазин и приносят домой слишком много и стонут: «Ооо, зачем я столько набрала». А другие возвращаются с пустыми руками и жалуются: «Ох, надо было то купить, и это купить».

Мариам невольно засмеялась. Действительно, частенько бывало так, что ей приглянется какая-то вещь, но процесс покупки покажется слишком сложным, и она пройдет мимо, а потом пожалеет.

Вечером они вместе готовили те иранские блюда, которые, как опыт показывал, пользовались наибольшим успехом у иностранцев, а потом пришли три подруги Мариам. Они были знакомы

с Фарой по прежним ее визитам, так что посиделки получились вполне уютные. Мариам металась между кухней и столовой, а Фара тем временем развлекала гостий описанием пира у Хакими.

— Там на самом деле были две разные компании, старших и молодых, — сказала она, и Мариам моментально поняла, о чем речь, хотя тогда, у Хакими, об этом не подумала. — Старики нарядились, молодые пришли в джинсах. Старики слушали наверху Гугуш, молодые плясали внизу под какой-то бац-бацбац. — Дальше Фара пустилась рассуждать: — Молодые теряют исконную культуру. Я это повсюду наблюдаю. Они приезжают к родителям на традиционный Новый год, но не знают, что полагается делать. Они стараются как могут, но все время оглядываются, правильно ли получается. Они пытаются влиться, но не умеют. Разве не так, Мариам? Ты согласна со мной?

Гостьи обернулись к Мариам, ожидая ее ответа. Она могла попросту ответить «да», и эта минута миновала бы, но почему-то она почувствовала тайную вину, словно самозванка. По какому праву она станет высказываться? Она сама давно живет в разлуке со своей культурой, она никогда не ощущала себя внутри этой культуры. Почему-

то, по неведомой ей самой причине, она никогда не чувствовала себя дома на «старой родине» и в другой стране тоже, потому-то, может быть, лучшими ее подругами стали три эмигрантки, Даниэла, Кари и Каллиста, — тоже аутсайдеры, тоже такие с рождения.

— Согласна, Мари-джан? — повторила Фара, а Мариам так и стояла в дверях кухни с миской салата в руках и пыталась понять, не обусловлено ли каждое решение, какое она принимала в жизни, желанием ни к чему не принадлежать.

Зиба сказала Мариам, что на этот раз хочет приготовить ко дню Прибытия что-то новое.

— Все эти иранские блюда уже немного приелись, — сказала она. — Не подать ли нам суши?

— Суши? — Мариам подумала, что ослышалась.

— Можно заказать из ресторана в Тоусоне, у них есть доставка.

— Да, но… — пробормотала Мариам.

— Для родителей и братьев возьму роллы «Калифорния». Сырую рыбу они, разумеется, есть не станут.

— Но в «Калифорнию» кладут крабовое мясо, — напомнила Мариам.

— О, эти запреты давно уже никто не соблюда-

ет! На прошлое Рождество жена Хассана угощала омаром.

«Но как же Дональдсоны? — вертелось у Мариам на языке. — Дональдсоны умрут с горя, лишившись аутентичной ближневосточной кухни!»

Вслух же она сказала только:

— Предупреди меня, что я должна принести.

— Бутылка саке была бы кстати, — сказала Зиба.

Мариам засмеялась, но Зиба нет. Похоже, настроена всерьез.

Мариам собиралась в этот год присутствовать на празднике. Она строго поговорила сама с собой. Это была трусость, теперь-то она понимала, уклониться от праздника в прошлом году. Очевидно, чужое мнение все еще слишком много для нее значило. А могла бы, в своем-то возрасте, отмахнуться: «Ну и что, пусть даже и выйдет слегка неловко».

Она заранее выбрала наряд, пожалуй, чересчур об этом хлопотала, и посоветовалась с продавцом в винном магазине, какой взять сорт саке. Накануне праздника что-то мешало ей уснуть. Мариам казалось, она вовсе глаз не сомкнула, однако в какой-то момент ей приснился сон, значит,

хоть ненадолго она забылась. Ей снилось, будто она снова ходит в начальную школу и ее класс разучивает песенку цыплят; «куд-куд-кудах», распевали они детскими тонкими мультяшными голосами, а Дэйв смотрел и укоризненно качал головой, Дэйв в его нынешнем возрасте, с седыми кудрями и набрякшими веками. «Горюет ребенок», — сказал он, и она проснулась, досадуя на саму себя за столь очевидный сон. На радиочасах 3.46. После этого она лежала и смотрела, как сменяются цифры: четыре часа, полпятого, пять. И тогда она поднялась.

Возможно, это из-за бессонной ночи утро прошло как в тумане. Было приятное воскресенье, необычно прохладное для августа, следовало бы поработать в саду, но вместо этого Мариам медлила, читая газеты. Потом дочитала отложенный накануне роман, хотя не помнила толком начало и нисколько не интересовалась развязкой. И вдруг уже полпервого. Как такое могло произойти? В час начинался праздник. Она поднялась, сложила газеты и пошла наверх переодеваться. Зиба уже, должно быть, выставляет подносы с суши и специально купленные палочки. Ее братья выковыривают фисташки из огромной, украшенной американскими флагами пахлавы, и Зиба

отгоняет их и зовет на помощь невесток: пусть присмотрят за мужьями. Все крутятся под ногами, болтая на смеси английского и фарси, порой их путая, кто-то по ошибке обращается к Сьюзен на незнакомом девочке языке. Такие шумные люди, эти иранцы, намного шумнее, чем Дональдсоны, сказал ей однажды Дэйв. Мариам видела его правоту, и все же ей казалось, что Дональдсоны… более хвастливы, больше рекламируют себя. Они были уверены, что их события — годовщины, дни рождения, даже сгребание листьев — имеют такое значение, что весь мир только и мечтает присоединиться к их празднику. Да, именно против этого она ощетинивалась — против притязаний на чересчур большую долю вселенной.

— Помнишь ночь, когда привезли девочек? — сказала она когда-то Дэйву. — Твоя семья заполонила весь аэропорт. Наша в уголке жалась.

Она старалась говорить без нажима. Это ведь всего лишь дружеский разговор, философская дискуссия, а не ссора. Но в глубине души она чувствовала некоторую досаду.

— А потом Шу-Мэй — снова то же самое. На этот раз мы встречали самолет вместе, но мне казалось, мы… берем у вас праздник в кредит. Цепляемся за краешек.

Он ничего не понимал. Она это видела. Совсем не понимал, о чем это она говорит.

Она сходила в гардеробную за платьем, которое выбрала на этот праздник, — черный лен, без рукавов, очень простое. Но не надела, а повесила на спинку стула. Сбросила туфли и растянулась на постели, прикрыла одной рукой глаза. Она вдруг устала, было жарко, суставы побаливали.

Дональдсоны нарядят дочек в национальные костюмы. По крайней мере, Шу-Мэй. Джин-Хо (Джо) может и воспротивиться. Битси опять будет жаловаться, как надоело петь «Они едут из-за гор», хотя, наверное, уже сдалась и не пытается подобрать альтернативу. «Ах, лапонька, — скажет ей Брэд, — не загоняйся. Пусть детки поют по-своему».

На прошлой неделе в аптеке «Таксидо» Мариам заметила парочку, выбиравшую поздравительную открытку, и удивилась, почему эти люди кажутся знакомыми. Потом вдруг — о! Это же тот молодой человек, что вышел из самолета в день Прибытия, перед тем как появились девочки, и молодая женщина его ждала. А теперь у них уже двое детишек — хорошенький кареглазый мальчонка вел перед ними сестренку с хвостиком на затылке, а молодая женщина тащила такой

специальный мамский рюкзак, с подгузниками и поильниками. Они понятия не имели, что навеки запечатлены в той видеозаписи, которую куча неизвестных им людей просматривает каждый год пятнадцатого августа.

Звонок. Сначала Мариам подумала, это звонок в дверь, потом — что это таймер печи. Вот как крепко она уснула. Даже сделала движение, словно собиралась открыть духовку, и только в этот момент сообразила, что к чему. Открыла глаза и приподнялась на локте, чтобы посмотреть на часы. 1.35.

Праздник Прибытия.

Это ее телефон названивал. Она дотянулась до трубки.

— Алло? — сказала она, пытаясь говорить по возможности бодро.

— Мама?

— О, Сами, я так… Праздник уже начался? Я так виновата! Я, кажется, уснула.

— Ну что ж, — сказал он сухо. — Теперь берег чист, может, тебе это стоит знать.

— То есть?

— Дональдсоны уехали. Ты можешь приехать к нам, если хочешь.

— Они уехали? — переспросила она и снова по-

глядела на часы. — Так быстро? Что произошло?

— Понятия не имею, — сказал Сами, и теперь она расслышала — или вообразила — в его тоне обиду. — Они сидели вместе со всеми в гостиной, — продолжал он, — Зи с чем-то напоследок возилась в столовой, я пошел в кухню за льдом. И вдруг Зи входит в кухню и говорит: «Куда это Дональдсоны? Они уехали, — говорит она. — Я вышла звать всех к столу, и там только *мои* родственники, а их нет. Я спросила, где они, и все сказали: “О! А разве они были не там с тобой?” Но их нигде нет, — сказала она мне. — Они уехали!»

— Так что же… Может быть, кто-то что-то не то сказал, они обиделись?

— Никто ничего такого не припоминает. Да и как такое могло быть? — спросил Сами.

У Мариам невольно задергались уголки губ.

— Может, они расстроились, когда увидели, что их ждут суши, — сказала она.

— Не смешно, мама, — ответил Сами. — Как ты думаешь, может, людей было многовато? На этот раз ужас сколько Хакими собралось, что правда, то правда.

Только теперь Мариам услышала на заднем плане фарси.

Она сказала:

— Ну уж не думаю, чтобы Дональдсонов такие пустяки могли смутить. Лишь бы не с Битси что — вдруг она плохо себя почувствовала…

— Зиба вне себя, сама понимаешь, — продолжал Сами. — Она тут же им позвонила, никто не отвечает. Может быть, не хотят отвечать, вот что ее пугает. Но если что-то с Битси, если они поехали в больницу… Но все равно, мама, ты-то приезжай. Тут только мы и Хакими. Зиба очень расстроилась, когда поняла, что ты решила остаться дома.

— Ох, Сами, я вовсе ничего не решала. Я уже выхожу. Через несколько минут буду у вас.

Она положила трубку, но звуки празднества словно льнули к ней — звон бокалов, громкие голоса мужчин, прекрасные округлые гласные фарси.

Она поднялась, сняла блузу и слаксы, взяла со стула черное льняное платье и натянула его через голову. Застегивая боковую молнию, она одновременно всовывала ноги в обувь. Пошла к тумбочке за щеткой, расчесать волосы, и, проходя мимо открытого окна, случайно увидела на подъездной дорожке Брэда Дональдсона.

Он держал на руках Шу-Мэй и одет был, как обычно летом, в растянутую футболку и огромные

мятые бермуды, коленки трогательно круглые, словно у младенца. Он стоял лицом к дому, но с места не двигался, просто стоял. Проследив за направлением его взгляда, Мариам поняла, что он смотрит на человека, стоящего у входной двери.

— Не звони пока, — отчетливо донеслась его команда. — Подожди, пока все соберутся.

Голос прозвучал так близко, что Мариам инстинктивно отступила от окна, хотя была уверена, что ее снаружи не видно.

Подъехала машина Дэйва, остановилась позади машины Дональдсонов прямо перед ее домом. За ней пристроились еще две: первая — Эйба, красная «вольво», а вторая — серый седан, настолько заурядный, что лишь при виде вылезающей с пассажирского сиденья Лоры Мариам убедилась, что это автомобиль Мака.

— Она в доме? — поинтересовалась Лора, и Битси негромко ответила:

— Жду, пока все соберутся.

Так Мариам поняла, что на крыльце стоит Битси.

Из припарковавшихся последними автомобилей посыпались взрослые и подростки. У Мариам перед глазами сливались выгоревшие на солнце волосы, пестрые летние платья, сверкание

браслетов от часов. Джанин велела девочкам — трудно сказать, кому именно, — избавиться от жвачки. Шу-Мэй требовала, чтобы Брэд поставил ее на землю, но он не слушал. Он повернулся и следил за машиной Дэйва. Постепенно все они повернулись в ту же сторону, один за другим, подходили к Брэду и оборачивались.

— Дэйв! — позвал Брэд.

И Мак окликнул:

— Папа, ты идешь?

Дверь его машины медленно отворилась, он выбрался, словно по частям. Захлопнул дверь — слабо, щелчок недостаточно громкий. Наклонился и стряхнул что-то с брючины. Выпрямился, оглядел всех.

— Так, я звоню, — предупредила Битси, и Мариам услышала звонок.

Но она стояла и не двигалась с места.

Снова звонок. Потом застучала медная ручка.

— Мариам! — позвала Битси.

Дэйв уже шагал по дорожке, стоявшие перед домом расступились, пропуская его. Из окна он показался ей старее — на макушке волосы поредели.

— Позови ее по имени, папа, — сказала Битси.

Он остановился, распрямил плечи.

— Мариам! — позвал он.

Мариам не отвечала.

Внизу снова загромыхала ручка. На миг показалось, что Битси ухитрилась как-то прорваться внутрь.

— Это мы! — кричала она. — Мы все вместе! Мариам, вы дома? Откройте, прошу вас! Мы приехали за вами. Поедем вместе на праздник. Не хотим праздновать без вас. Вы нам нужны! Впустите нас, Мариам!

Потом наступила тишина, и только тот вечно спешащий кардинал свистел «вит-вит» у них над головой.

— Ее нет дома, — послышался печальный детский голосок, Мариам впервые догадалась, что рядом с матерью на пороге ее дома стоит Джин-Хо.

Остальные что-то бормотали, спорили.

— Может быть… — начал кто-то.

— Посмотри, вдруг… — еще один.

Потом то ли Мак, то ли Эйб сказал что-то решительное, окончательное, чего Мариам не разобрала. Она подалась ближе к окну и увидела, как вся группа внизу пришла в движение, как они отворачиваются. Медлят, а потом начинают уходить. Брэд уже не держал на руках Шу-Мэй, и

та побежала к Дэйву. Она ухватила деда за руку, и тот мгновение смотрел на нее, словно припоминая, кто эта девочка, а потом тоже повернулся и двинулся в сторону улицы. Пол-ли и Бриджит уводили Джин-Хо, за ними следовала Дейдра, вертя маленькую сумочку за розовый ремешок.

Замыкала процессию Битси, она догнала Брэда и взяла его за руку. До чего же она худая! Она опиралась на мужа, и голова, туго обмотанная шарфом, казалась иссохшей. Мариам вспомнила упорный оптимизм Битси, ее сердечность, создаваемые на ходу «традиции», — все это казалось теперь не глупым, а храбрым. И внезапная боль в сердце подсказала ей, что все это время она любила Битси. Или, может быть, любила их всех.

Она отвернулась от окна, вышла из спальни. Торопливо пересекла холл. По лестнице спускалась уже бегом — бегом по ступенькам, бегом к двери.

Она выскочила из дома с криком:

— Стойте! Подождите! — звала она. — Только не уходите! Подождите меня!

Они остановились. Обернулись. Посмотрели на нее. Все заулыбались. Все ждали, пока она присоединится к ним.